

"Свет и тень"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Ночью суматошная гавань Антигуа не менее оживлена, чем в дневное время. Рыбацкие лодки задолго до восхода солнца покидают порт с его горлающими и пересвистывающимися в предрассветных сумерках рабочими. Едва же занимается новый день, на рыночную площадь шумной толпой высыпаят всевозможные торговцы и любовно раскладывают на своих лотках рыбу и фрукты, хлеб и сыры, торопливо втаскивают в лавки джутовые мешки, набитые душистыми кофейными зернами, степенно вносят корзины с чайным листом. Со своими довольно просторными улицами, наводненными прежде всего торгашами и перекупщиками, потом, конечно же, детьми, непреложно горластыми, наконец, докерами и владельцами крупных магазинов Антигуа обладает всеми чертами английского делового города, если не считать одуряющей тропической жары, — право же, несколько отличной от классических туманов и почти хрестоматийной островной сырости. После полудня городок словно вымирает. Но как только начинает смеркаться, таверны, дансинги, даже театр, единственный на весь Антигуа, словно бы взрываются. Всех разом обуревают необузданное веселье: город точно оказывается под игом каких-то озорных, задиристых демонов, и это иго ему редко удается сбросить с себя раньше, чем забрезжит на востоке пресный и бледный рассвет...

* * *

Каролин сорвала с запястий массивные браслеты и бросила их на туалетный столик: бутафорские драгоценности, сделанные чуть ли не из бутылочного стекла, потускнели, едва только на их гранях перестали поблескивать праздничные огни рампы. Отнюдь не оживляемый более ослепительными софитами, поблек и вычурный средневековый наряд, сшитый из дешевой материи. Весь реквизит новой труппы, к которому Каролин была склонна причислять сейчас и самое себя, при ближайшем рассмотрении выглядел весьма жалко. Грубый грим, скрывавший чистые линии лица актрисы, делал ее значительно старше своих двадцати шести лет. Медленно погружая пальцы в жирный крем для снятия косметики и потом так же медленно намазывая лицо, она хмуро смотрела на собственное отражение в захватанном зеркале, уныло висевшем над столом.

В сегодняшнем спектакле она была великолепна. Пожалуй, это была ее лучшая Джульетта за долгие пять лет актерской деятельности, хотя особенного душевного подъема, которого бы следовало ожидать от блистательной Каролин, в общем-то и не наблюдалось. Но в такой дыре мелочи подобного рода не имели большого значения. Колонисты аплодировали бы ей не менее громко даже в том случае, если бы она на протяжении всей пьесы двигалась, как деревянная кукла, или забыла бы, к примеру, половину своих слов. Этих провинциалов приводил в восторг уже один тот факт, что цивилизация, воплотившаяся на сей раз в шекспировской трагедии, докатилась и до их сопревшего от скуки захолустья. Дома, в каком-нибудь престижном лондонском театре, спектакль, хотя бы отчасти похожий на тот, что несколько минут назад закончился, вызвал бы у публики бурю аплодисментов. Но здесь, в Антигуа, — и Каролин слишком хорошо знала об этом, — большинство мужчин гораздо больше стихов Шекспира интересовались прелестным очертанием ее пышной белой груди, теснившейся в глубоком вырезе причудливого платья, или же умищивали нежными взглядами ее изящные, чуть полноватые колени. Боже, как свистели и гоготали эти фигляры!.. Прочая же публика, в основном здешние смуглокожие дикари, пришла поглазеть на неслыханно утонченную, изысканную леди и, как подумала, усмехнувшись, Каролин, наверняка в этой леди разочаровалась. Как бы там ни было никому — ни колонистам, ни индийцам — Каролин не

намеревалась уступать права на собственную персону, хотя бы и только, так сказать, территориальные. С тех пор как у нее умер муж, она вела жизнь вполне самостоятельную и независимую.

Кит Мейбри... Она любила в нем очаровательную непредсказуемость, обожала его мальчишеское обаяние, однако в нем отсутствовала стабильность, необходимая для поддержания жизни. Все началось с радостной женитьбы, преисполненной страстью юношеской любви, и, когда реальности будничной жизни вышли на первый план, заботиться о том, чтобы они были одеты и обуты, имели кров, еду и слуг, пришлось ей. На ее плечи также легла обязанность ублажать докучавших им кредиторов или скрываться от них. Потребности Кита несколько превосходили его возможности, и большинство замечательных подарков из тех, что он преподносил Каролин, приходилось либо продавать, либо возвращать продавцу.

— Господи, Каро, у тебя плохое настроение, — заметила Генриетта Перкинс и протянула руку, чтобы позаимствовать очищающий крем у подруги.

Каролин бросила взгляд на девушку с тонкими чертами лица, имя которой в начале жизненного пути было Мэри Этта Уивер. Мэри была неплохим человеком, но в труппе она прославилась как побирушка. Впрочем, она не была злобной и завистливой, как большинство актеров. Партнеры по сцене не могли простить Каролин тот факт, что ее благовоспитанность и хорошее произношение не были плодом упорных тренировок, но достались ей просто даром. По рождению она была богатой английской леди из богатого поместья, а по жизни скакала на сценах Вест-Индии и обитала в отвратительных гостиницах. Мало кто мог понять, как она вообще попала сюда. И вместо того чтобы уважать ее огромный талант, все едва соглашались выносить ее присутствие. Аристократические замашки Каролин проявлялись в ее манере держаться и разговаривать. Но такое поведение плохо вязалось с дешевой одеждой и жалким, ничтожным окружением.

— Я полагаю, настроение испортилось оттого, что «Ромео и Джульетта» — трагедия. Трудно чувствовать себя веселой, если тебя только что похоронили, — ехидно заметила Каролин.

— В самом деле? — спросила Мэри почти с благоговением. — Ты хочешь сказать, что испытывала те же чувства, что и девушка, убившая себя?

— Признаться, нет. Во всяком случае, не такую уж вселенскую печаль, — уточнила Каролин и улыбнулась. Улыбка озарила ее милое, с изящно очерченным подбородком лицо, несколько напоминавшее своей формой сердечко. Маленький пухлый ротик придавал лицу удивительное выражение беззащитности и обольстительности одновременно. Но всего замечательнее были глаза глубокого синего цвета. Они взирали на мир несколько пресыщенно и даже цинично. Аккуратный носик и скулы были слегка припорошены светлой россыпью веснушек, которые казались отблеском сияющих золотисто-рыжих волос и придавали лицу ту теплоту, которой так часто недостает людям с абсолютно чистой, фарфоровой кожей.

Каролин давно привыкла к тому, что привлекает мужчин без малейших усилий. Даже в присутствии Кита ее яркая красота, дерзость, интригующее сочетание благородства аристократки и авантюризма бродячей актрисы притягивали мужчин. Умышленно она никогда не пыталась соблазнять их, но все же они вызывали у Кита вспышки ревности. Он даже дрался однажды на дуэли. Но очень скоро после гибели дорогого мужа в Крыму она поняла, что все проявления мужского дружелюбия имеют дорогостоящую подоплеку, а именно — ее присутствие в их постелях. Но Каролин не имела намерения продавать свою честь ради гарантированных мужчиной спокойствия и защиты.

Подобное отношение к столь важному, хотя и щекотливому вопросу сильно осложняло ей жизнь.

Нынешняя труппа была шестой по счету за последние четыре года. Приобретенный Каролин опыт, несомненно, оправдывал ее несколько циничный и прагматический взгляд на жизнь. Отказ переспать с первым актером труппы или менеджером заканчивался тем, что актрису просто вышвыривали на улицу. Бывали случаи, когда она испытывала на себе гнев богатого патрона, который затем использовал свое влияние, чтобы уволить ее. Пребывание в этой труппе затягивалось только потому, что звезда и владелец компании Макдоуэлл находился под неусыпным контролем своей ревнивой любовницы Белинды и был лишен возможности затащить Каролин в свою постель. Правда, что-то в труппе назревало, и это что-то сулило Каролин большие неприятности. Однажды, когда Белинды поблизости не оказалось, Флориан недвусмысленно предложил переспать с ним, и, хотя она тактично отвергла это весьма грязное предложение, мужская гордость была уязвлена. В привычку Флориана входило помнить и преувеличивать обиды до такой степени, что он начинал верить в грандиозность безропотно сносимых им оскорблений, разумеется, незаслуженных, несправедливых, а потому тягчайших! Вдобавок ко всему этому Белинда, сбита с толку ходившими в труппе сплетнями, никак не могла поверить тому факту, что Каролин вовсе не претендовала на ее место в постели звезды, и, неустанно преуменьшая талант последней как актрисы, умоляла Флориана избавиться от негодницы. С одной стороны, Каролин всюду была приманкой для мужчин, с другой — Макдоуэллу приходилось терпеть злобные выходки отвергнутых ею поклонников.

Каролин знала, что ее дни в актерской компании были сочтены. Впрочем, для нее это не имело особого значения: она с удовольствием бы оставила труппу. Однако существовала опасность того, что ее вышвырнут на улицу прямо в этом паршивом Антигуа. А можно ли найти средства для существования, не приняв предложения какого-либо мужчины? Размышляя об этом, Каролин распустила волосы и с ожесточением принялась расчесывать их. Покинув дом своего тирана-отца, она дала себе слово больше никогда в жизни не вверять свою судьбу в руки мужчине. Скорее она станет судомойкой или вовсе будет голодать!

Каролин выскользнула из костюма и, чтобы костюмерша, занимавшаяся в ту минуту с Белиндой, могла посмотреть его, повесила на крючок. Будучи ведущей актрисой труппы, Белинда часто прибегала к услугам белошвейки, и Каролин пожалела женщину, и без того перегруженную работой. В обязанности бедняжки входили чистка, ремонт и пошив всех их костюмов, а также упаковка, распаковывание и глажение одежды перед каждым представлением. Работы было много, и худая, сторбленная женщина всегда выглядела бледной и усталой. Каролин помогала ей чем могла. Она вывешивала случайно попавшие не туда платья, зашивала отдельные прорехи, не привлекая внимания Белинды ни к себе, ни к белошвейке.

Внезапно, расчесывая волосы, Каролин услышала резкий звук, обычно сопутствующий пощечине. От испуга она вздрогнула.

— Ты, неповоротливая дура! — выкрикнула Белинда, в гневе забыв о своем с таким трудом выученном произношении высшего класса. — Ты распорол шов!

Костюмерша наклонила голову, чтобы скрыть вспыхнувший в глазах гнев. Она, как показалось Каролин, с трудом удержала себя от того, чтобы попросту взять и крикнуть: «Ты сама виновата, надутая кукла! Моей бестолковости тут нет ни на грош!» Каролин быстро собрала волосы в пучок и скрепила их несколькими заколками. Потом она влезла в свои многочисленные нижние юбки и надела простое ситцевое платье. Повернувшись спиной к Мариетте, она попросила застегнуть ей длинный ряд крохотных пуговиц, потому что

выполнить эту работу без посторонней помощи было почти невозможно.

— Не понимаю, почему ты не носишь что-нибудь более красивое, — со вздохом произнесла Мариетта. — Если бы у меня была такая внешность, как у тебя, я бы всегда одевалась в самые миленькие платья!

— Одежда меня больше не интересует, — ответила Каролин и, конечно же, солгала. Она, как и прежде, любила красивые платья, но теперь ее притязания далеко опережали ее возможности. И поскольку в силу обстоятельств ей пришлось остановиться на чем-то недорогом, она предпочитала практичную и носкую одежду, а не такие безвкусные, яркие вещи, какие носила Белинда и о каких мечтала Мариетта.

— Наверное, это издержки твоего причудливого воспитания, — удивленно покачала головой Мариетта.

Каролин устало улыбнулась, надела простую коричневую шляпку и завязала под подбородком ленту. Разница между ней и всей остальной группой была просто огромна. Смешно, но в любой группе она всегда оказывалась чужаком. Совсем другое дело — средний класс, к которому относились дочери и жены индийских офицеров, среди которых ей пришлось жить, когда она вышла замуж за Кита. Хотя годы, проведенные в Индии, утолили ее страсть к приключениям, сейчас ей все же не хватало тех утех, которые она знавала в юности: охоты, восторга стремительной верховой езды, блестящих балов и элегантных платьев, шуток, смеха и ухаживаний молодых людей, среди которых дозволялось искать своего избранника. Теперь, спустя годы странствий с актерскими группами, Каролин поняла, что ей смертельно не хватает этих глупых чаев с офицерскими женами и жаркой скуки Индии. Во всяком случае, тогда она могла позволить себе улизнуть от всех и увидеть что-нибудь причудливое и чарующее в этой чужой стране.

Она часто скучала по удовольствиям жизни сельских аристократов, но даже будучи частью этой жизни, Каролин неизменно противилась ей. Бодрое расположение духа и бешеная жажда все новых и новых приключений служили поводом для стычек с суровым отцом. Неприятности подстерегали ее повсюду: то она одна верхом ездил на лошади, то танцевала вальс с Джонни Фуллингеймом до того, как они официально были представлены друг другу (и это невзирая на то что она знала его всю жизнь!), то вместе с Китом они разыгрывали сквайра Мура. Никогда не удавалось ей обрести то спокойствие, которое было присуще ее сестре-близнецу, научиться ее равнодушной манере держать себя и благовоспитанному поведению в любой ситуации. Когда упал легкий стеклянный шар и разбился в руках поймавшей его прислуги, сильно и глубоко надрезав ей ладонь, Синтия самым грациозным образом упала в обморок, в то время как Каролин проворно вскочила на ноги и, сорвав скатерть с одного из столиков для светильников, бросилась на помощь бедной девушке и перевязала рану. Впоследствии служанку за неосторожность уволили, а Каролин за столь непристойную находчивость, неприличную сноровку и крепкие нервы серьезно отчитали.

Ее последним актом непослушания был побег с Китом Мейбри. Хотя Кит и происходил из преуспевающего семейства, он был лишь четвертым сыном, следовательно, не получал никакого права на наследование богатств Мейбри. Добрый дядюшка приобрел для него первичное офицерское звание в кавалерии, однако в не слишком престижном полку. Было очевидно, что если Киту суждено вырасти в армии, то он должен стать «индийским» офицером, одним из тех малоудачливых людей, которые получают свои чины исключительно в результате активной службы в Индии. Две паршивые овцы в мире «можно и нельзя». Кит и Каролин нашли друг друга, когда им было по семнадцать лет. Когда Каролин объявила о своем желании выйти за Кита замуж, ее тетка в смятении всплеснула руками и воскликнула, что та не может

сделать этого, поскольку даже еще не введена в свет. В порыве гнева отец заявил, что об этой женитьбе не может быть и речи, и отказался слушать мольбы Каролин. Чтобы не ввязываться в безнадежную битву со стариками, Каролин и Кит просто сбежали в Шотландию, где и поженились. С тех пор об отце она ничего не слышала. В слезливом письме, полученном от сестры, говорилось о том, что сэр Невилл вычеркнул имя Каролин из семейной Библии и запретил когда-либо упоминать его в своем доме.

Каролин была опечалена, но в то же время и удивлена.

С тех пор как ей исполнилось тринадцать, она и сэр Невилл были в ссоре. Невилл прикладывал невероятные усилия к тому, чтобы превратить Каролин в подобие сестры и давно усопшей матери, сделать ее спокойной, застенчивой, по-собачьи послушной и легко управляемой. По его мнению, возможности проявлять свой темперамент или индивидуальность у нее не было. Когда она стала молодой женщиной, он ополчился против той жизнерадостности и энергичности, которую так любил в ней, когда она была еще ребенком. Возможно, думала она впоследствии, ее любовь к Киту и желание стать его женой было не чем иным, как способом избавиться от тирании отца.

Каролин встряхнула головой, чтобы рассеять мрачные мысли, и попрощалась с другими женщинами, что находились в гримерной. Через боковую дверь театра вышла она в жаркую и влажную ночь. На иссиня-черном небе сияли ясные звезды. Полуночный воздух оставался густым и душным, что было несвойственно для этой части тропиков.

У подножия ступенек ее поджидали местные донжуаны. Как только она вышла, двое джентльменов выпрямились и обнажили перед ней головы.

— Мадам, — начал один, а другой продолжил:

— Мисс Мейбри...

— Добрый вечер, джентльмены, — вяло кивнула Каролин, одарив кавалеров дежурной улыбочкой, и легонько сбежала по каменным ступенькам лестницы, торопливо натягивая короткие поношенные перчатки. Мужчины встретили ее на нижней ступеньке и дружно протянули руки, чтобы она могла опереться на них. Но на этот их жест актриса не обратила внимания и умудрилась пройти мимо, даже не задев воздыхателей. Один мужчина, пытаясь задержать прелестную леди, прикоснулся к ее руке. Каролин увернулась и бросила на него свирепый взгляд. В удивлении он немного отступил назад, и рука его безвольно повисла вдоль тела.

— Простите, джентльмены, но я не ищу телохранителей. Пожалуйста, приберегите ваши льстивые речи и букетики для более расположенных к этому женщин.

Каролин отвернулась от них.

— Но, мадам, прошу вас, — не отставал второй, более целеустремленный кавалер, — я в таком восторге от вашей игры. Я хотел преподнести вам цветы в знак признательности.

Каролин едва сдержалась, чтобы не сказать резкость. Если бы она проговорила, что публика была увлечена сегодня тем, что глазела на нее да чесала языки, это могло бы обидеть покровителя театра. С не меньшим успехом она могла бы читать детские стишки.

— Благодарю вас, — буркнула она и потянулась к букету, — раз так, я возьму их!

Яркие, с тяжелым запахом, тропические цветы были перетянуты узкой голубой лентой. Их стебли были раздавлены и хранили тепло державшей их руки. Каролин знала, что выбросит их раньше, чем доберется до своей комнаты.

Ее обожатель, как только она возобновила шаг, последовал рядом. Она снова остановилась.

— В самом деле, сэр, я не нуждаюсь в мужской компании никакого рода. Недавно я стала вдовой. Надеюсь, вы меня поймете...

Каролин уповала на свое столько уже раз использованное объяснение.

Приведенный в замешательство ее уверенным тоном и словами ее поклонник заколебался.

— Я уверен, что ваше горе велико, но, прошу вас, предоставьте мне право вас утешить!

Каролин холодно пожала плечами:

— Ничто не может меня утешить. Прошу прощения, я должна идти.

Внезапно лишившись дара речи, человек остановился как вкопанный и, когда она снова пошла, даже не стал ее преследовать. Каролин не обернулась. Она боялась, что такое проявление интереса может показаться ему обнадеживающим. Послышались тяжелые шаги: мужчина перешел на другую сторону улицы. Выходит, он не стал ждать другой актрисы. Удивительно! Обычно они редко оставляют желание подыскать себе компанию.

Торопливо, не оглядываясь по сторонам, Каролин шла вперед. В этой части города самым разумным было не привлекать ничьего внимания. Порой даже просто пойманный взгляд мог рассматриваться как приглашение. Ее правая рука сжимала сумочку, в которой лежали ключи и кое-какие деньги. До дома, где сдавались комнаты, оставалось каких-нибудь четыре квартала. Вскоре она достигла цели. Она проскользнула в дверь, закрыла ее и прислонилась к косяку, чтобы слегка перевести дух. На этих островах так трудно дышать! Проведя много лет в Индии и Китае, потом гастролируя по тропическим колониям, она все же никак не могла привыкнуть к густому жаркому воздуху. Ей казалось, что вдыхать его — то же самое что вдыхать суп!

Оказавшись внутри помещения, Каролин стрелой взлетела вверх по лестнице. Шаря в сумочке в поисках металлического ключа от комнаты, она представляла себе, как славно будет оказаться в своей маленькой неудобной постели и как следует выспаться, отдохнуть: Мейбри чувствовала себя до предела измотанной и уставшей. Наконец ключ был найден, и Каролин вошла в неосвещенную комнату.

Внезапно ее словно обдало потоком холодного воздуха. Она снова испытала это: Синтия!

Держа спичку в дрожащих руках, Каролин зажгла фитиль лампы и лишь потом притворила дверь и заперла ее изнутри. Она стянула перчатки и бросила их на сундук, потом в глубокой задумчивости направилась через всю комнату к открытому окну. Луна заглядывала в окно, скользя пятном по половицам. Свет масляной лампы был слабым, и большая часть комнаты скрывалась в тени, создавая впечатление прохлады и уединенности. Каролин казалось, что она одна в целом мире. Ее кровать с переливающимся балдахинном mosquito net выглядела какой-то бесформенной странной кучей. Каролин вздрогнула и обхватила себя руками.

Она понимала, что если разумно попытается объяснить себе, что происходит, то станет похожа на сумасшедшую. Живот свела судорога, ладони покрылись потом. Это состояние она могла объяснить только как «ощущение Синтии». Она полагала, что такое чувство было уникальным

для близнецов, какой-то вид внутренней связи, налаженной с самого раннего детства. Будучи ребенком, она часто испытывала его. Ни с того ни с сего она могла вдруг ощутить Синтию. Тогда она знала, что у сестры неприятности, что она нуждается в помощи. Давно уже не испытывала Каролин этого внушающего страх ощущения. В четвертый раз с тех пор, как она прибыла в Антигуа, возникало у нее такое чувство. До того она уже начала думать, что огромное расстояние, разделявшее их последние годы, нарушило эту связь. Но вдруг месяц назад, накладывая грим перед генеральной репетицией, Каролин настолько явственно ощутила Синтию, что даже повернулась назад, всерьез ожидая увидеть сестру. Разумеется, никакой сестры не было.

Каролин облокотилась на подоконник и устремила взгляд в ночное небо. Беспокойные мысли никак не хотели отпускать ее. Последний раз она получала от сестры весточку восемь лет назад. С болью признавала она, что это по ее вине заварилась каша и вся семья отвернулась от нее. Даже Синтия не могла писать ей. Нет, конечно, поначалу они пытались поддерживать связь. В первый год разлуки их двоюродная сестра Белла старалась помочь и служила своеобразной рассылной. Но вскоре об этом узнали родители Беллы и положили конец переписке. Синтия, опасаясь отцовского гнева, не предприняла самостоятельной попытки связаться с сестрой. Она даже не осмелилась искать контакта с Каролин через Бонни, любимую служанку и компаньонку девочек, находившуюся рядом с ними с самого детства. О браке Синтии с Джейсоном Сомервиллом Каролин узнала лишь год спустя из письма Беллы, которая тоже теперь была замужем и, следовательно, избавилась от тягостного матушкиного надзора. Кузина в деталях описала это событие, целых две страницы понадобилось, чтобы как следует осветить неслыханную галантность Джексона, его благородное происхождение, огромное состояние и, наконец, исключительно приятную внешность. Письмо, которое нашло Каролин в Индии, пожелтело от времени и уже давно являлось одним из немногочисленных ее сокровищ.

После того как умер Кит, а сама она стала актрисой, Каролин поняла, что путь в высшее общество ей закрыт, посему даже не стала предпринимать попытки связаться с Синтией, но, как и прежде, время от времени писала кузине Белле, хотя бы для того, чтобы сообщить, где она находится.

Раздавшийся на улице крик снова заставил Каролин вернуться к действительности. Нужно было выяснить, какая опасность, если таковая вообще существовала, грозила Синтии. Возможно, думала она, наблюдая за двумя босяками, стремглав выбежавшими из находившейся внизу таверны с тугим кожаным кошельком, принадлежавшим, видимо, какому-нибудь перебравшему виски недотепа, она изыщет возможность совершить путешествие домой, оставить эти острова и вернуться в свою любимую Англию — несмотря на разрыв с семьей. По крайней мере тогда она сможет проследить за своей сестрой и позаботиться о том, чтобы у нее все было хорошо. Но даже если Каролин вернется домой, то едва ли сможет отыскать новый дом Синтии. Бонни говорила ей, что Джейсон Сомервилл был наследником фамильного поместья лорда Браутона в Кенте. Но насколько Каролин знала, Синтия и ее муж могли сейчас находиться где угодно. Возможно, у них и в Лондоне имелся дом, а возможно, они отправились в путешествие на континент. Или посещали друзей в Бате или Брайтоне.

Каролин раздосадованно вздохнула и отвернулась от окна. Медленно начала она расстегивать длинный ряд пуговиц на спине. С ее стороны было бы крайне глупо и непрактично стремиться вернуться в Англию, чтобы помочь сестре, но проигнорировать свои ужасные предчувствия она не могла. Синтия всегда помогала Каролин, когда та нуждалась в ее помощи. В свою очередь, Каролин была более сильной, храброй и всегда вставала на защиту сестры. К тому же между ними существовала близость, которая характерна только для близнецов. В тех редких случаях, когда в переделку попадала Синтия, Каролин всегда выручала ее, притворяясь, что виновницей

проступка была она сама, а не Синтия. И все же ясно было, что здесь и сейчас она ничего не сможет сделать для сестры. Ей нужно смириться с этим и просто жить своей жизнью. Повесив платье в шкаф, Каролин выскользнула из своего кринолина, сняла нижнее белье и, надев тонкую ночную сорочку, нырнула под москитную сетку.

Однако сон не приходил. Она лежала в кровати, вглядываясь в тени и призрачные пятна света на полу, думая о Синтии и каменном домике в Озерном крае, где обе они выросли. Она вспоминала туман, висевший над долинами и окутывавший горы, и те нечастые деньки, когда деревья, вода и холмы представляли собой такую чудесную картину, что перехватывало дыхание. Перед ее мысленным взором прошла беспорядочная вереница образов и рассказов из ее детства: звуки, запахи, люди... Рождественский праздник... поездка верхом по болотам... Оживляя в памяти наиболее приятные мгновения прошлого, Каролин погрузилась в сон.

* * *

Сумерки. Зимний пейзаж. Укрытые снегом поля и возвышающиеся над ними горы. Ледяная поверхность Мелководного озера. Она, Каролин, и Синтия катаются на коньках. Обе одеты в элегантные жакеты и длинные юбки. Они скользят бок о бок. Вдруг Каролин перегоняет сестру, убегая далеко вперед. Синтия пытается догнать ее, кричит, чтобы Каролин не бросала ее одну. Внезапно Каролин оказывается уже не на льду, а в снегу, но коньки все еще на ней. Она шатается и спотыкается, раздражаясь оттого, что не сняла их. Все же она продолжает свою борьбу. Ей обязательно нужно попасть туда, обязательно... Она спотыкается и катится по снегу. Странно, но холода она не чувствует, только не может дышать. Ее лицо зарыто в белый, похожий на пудру, состав, и она, как ни старается, не может приподняться. Тогда она начинает бороться с удвоенной энергией...

Внезапно ей стало жарко, а не холодно. Она почувствовала едкий запах пота, и у нее возникло ощущение панического страха, хотя ничего нельзя было разглядеть. Тяжелая темнота навалилась на нее и душила. В ужасе Каролин стала бить вокруг себя руками и ногами, царапаться и извиваться. Она услышала, как мужской голос выругался. Ее вдруг схватили за оба запястья, но давление, оказываемое на лицо, ослабло. Каролин повернула лицо в сторону, чтобы глотнуть воздуха и издала такой вопль, на который только была способна ее вышколенная в театре глотка. Нападавший мигом оставил ее и вскочил с постели.

Каролин сбросила с лица подушку и порывисто села. На мгновение в дверном проеме она увидела высокую мужскую фигуру, которая тут же исчезла, только тяжелые шаги сотрясали лестницу. Послышались звуки открываемых дверей, и комната стала наполняться ее товарищами по труппе. Толпу любопытных возглавляли Флориан и Белинда.

— Что тут, черт возьми, происходит? — осведомился Макдауэлл.

— Он... поймайте его! Он убежал! По лестнице, Флориан, по лестнице!

— Что? Ты выпила, да?

— Нет! — Каролин выпрыгнула из измятой постели и сумела зажечь керосиновую лампу. Ее слабые колени тут же подогнулись, и она вновь села на кровать. Девушку вдруг стала колотить крупная дрожь.

— Кто-то пытался меня убить!

— Ты что, спятила?

— Очевидно, да, — плотоядно ухмыльнулась Белинда. — Должно быть, ей приснился кошмарный сон.

— Это был не сон! Кто-то пытался задушить меня подушкой!!

Мариетта Перкинс судорожно вскрикнула, но остальные участники труппы выглядели скорее озадаченными, нежели взволнованными и, казалось, не верили ей. Кто-то из мужчин даже удалился, томно закатив глаза и брезгливо кривя рот, в свою комнату; Флориан был раздражен тем, что его потревожили по столь пустячной причине — какое-то вымышленное вторжение убийцы.

— Кто?

— Я не знаю! Я не смогла разглядеть его, так как он закрыл мне подушкой лицо. Но я наверняка знаю, что это был не сон.

— Кому могло понадобиться убивать тебя? — резонно спросила Белинда.

— Разве вы не видели, как он сбегал по лестнице?

— Нужно как следует запирать свою дверь.

— Я заперла ее очень хорошо.

— Может, это был один из твоих разочарованных поклонников? — с готовностью предположила Мариетта. Флориан бросил на нее хмурый взгляд.

— Не исключено, что именно так оно и было, — согласилась Белинда. — Я уже говорила тебе, что ты допускаешь ошибку, изображая из себя недотрогу, Каролин. Просто кто-то из твоих мужчин вместо денег решил использовать силу.

— Но он не пытался изнасиловать меня, — вырвалось у Каролин. — Есть разница между изнасилованием и убийством. На моем лице лежала подушка, и я стала задыхаться.

Белинда пожала плечами:

— Просто этот человек был глупцом. Он положил подушку, чтоб ты не могла узнать его, но переусердствовал, слишком плотно придавил ее...

— Именно так, — поддакнул Флориан, довольный тем, что дело наконец разрешилось. — В любом случае сегодня ночью он не вернется. Продень в ручку двери ножку стула и отправляйся спать. — Он зевнул. — Мы обсудим это утром.

— Но, Флориан, кто-то пытался убить меня! Неужели ты и в самом деле думаешь, что после всего случившегося я смогу заснуть?

Каролин содрогнулась и обхватила себя руками: ей было удивительно холодно в этом теплом ночном воздухе.

— Нет, только не убийство! — начал успокаивать ее Флориан. — Это был всего-навсего мужчина, который хотел...

— К черту! Неужто мне следовало бы чувствовать себя гораздо лучше, если бы он пытался изнасиловать меня, а не убить? Он чуть не совершил и то и другое!

— Дорогая моя, пора научиться справляться с подобными переживаниями, не впадая в истерику, — наставительно заметила Белинда. — Спору нет, для человека с твоим воспитанием трудно жить такой жизнью, какой живем мы. Но если ты намерена остаться в труппе, нужно привыкать. Вы больше не принадлежите к власти имущим, леди Каролин. Теперь ты одна из нас! Такая же бродячая актриска!

Каролин смерила Белинду гневным взглядом. Знакомое раздражение, поднявшееся в ней в ответ на неприязнь Белинды, немного отогнало ее страх. Флориан поспешил миротворчески воздеть очи горе.

— Ну, девочки, успокойтесь. Давайте про все забудем и отправимся спать. Уже второй час ночи!

Все прочие наблюдатели потихоньку разошлись. Мариетта немного помедлила было на пороге, чтобы еще раз оглядеть место происшествия, но Каролин с раздражением захлопнула дверь прямо у нее перед носом. Она подтащила старый сундук и подперла им дверь. Конечно, он не сможет остановить того, кто захочет прорваться к ней в комнату, зато преступник произведет, отталкивая сундук с дороги, гораздо больше шума, нежели отпирая ненадежный замок.

Едва Каролин закрыла глаза, пережитая сцена вновь встала перед ней. Девушка уселась на стул и стала ждать. Похоже, этой ночью заснуть ей не удастся. Конечно, скорее всего Флориан был прав, когда выразил свое сомнение по поводу того, что нападавший вернется немедленно. Однако никакая логика не могла побороть того ужаса, который глубоко забрался в душу Каролин. И только когда в окно начал просачиваться рассвет, она на негнущихся ногах встала со стула и погасила лампу. Закрыв ставни, она забралась в постель и, несколько успокоенная, уснула.

Когда она пробудилась, полдень давно миновал. В комнате, ярко озаренной солнечным светом несмотря на закрыта" жалюзи, было влажно и душно. Каролин глубоко вздохнула и села. Происшедшее ночью казалось теперь абсурдным сном. Она тихо подошла к окну и растворила ставни. Солнечный свет, отражавшийся от белой, хорошо оштукатуренной стены противоположного дома, заставил ее зажмуриться. Позавтракать она уже не успеет, так как на репетицию нужно идти к часу. Каролин быстро стала одеваться. Ей с трупом верилось в то, что кто-то и в самом деле пытался убить ее. Она была убеждена, что ненавидеть ее до такой степени не мог никто. Да и денег у нее нет. Оставалось призвать, что версия Белинды ближе всего к истине. Возможно, кто-то из обманувшихся обожателей был настолько уязвлен отказом, что решил изнасиловать ее. Но... большинство почитателей ее таланта неизменно оказывались людьми богатыми и респектабельными, обычно вполне безобидными: Каролин для них с легкостью заменялась любой другой актрисой из ее труппы. Может быть, на нее напал какой-нибудь сумасшедший, маньяк, а ей никто не поверил? Каролин попыталась вспомнить все по порядку. Итак, во сне она испытала чувство незащищенности и ужаса. Внезапное пробуждение. Руки ее были прижаты к кровати, рот судорожно хватал воздух. Тут Каролин сообразила, как была бы безнадежна ее попытка что-либо объяснить суду. Она могла себе хорошо представить, как выслушали бы ее историю колониальные судебные исполнители, какое глубокое недоверие искривило бы их губы. Нет сомнений, что ее рассказ был бы воспринят как попытка актрисочки привлечь к себе внимание публики — к себе и своей компании. Н-да, с этим делом ей придется справляться самой, потому что человек без денег и влияния не может особенно рассчитывать на помощь закона. Возможно, ей придется обращаться к одному из тех людей, кто предлагал ей постель. Чтобы спастись, у нее был единственный шанс — уехать с острова. Внезапно Каролин наступила босой ногой на что-то твердое и вскрикнула от боли. Чтобы рассмотреть, что бы это такое могло быть, она нагнулась. Это была золотая пуговица с отштампованным на ней изображением щита с лежащим на его

фоне животным странного вида. Озадаченная, Каролин внимательно рассматривала покоившуюся у нее на ладони пуговицу, еще не осознавая ее значения. Вдруг девушку озарило. Во время борьбы у человека, напавшего на нее ночью, оторвалась пуговица и упала на пол.

Каролин зажала пуговицу в руке и направилась к сундуку. Мозг ее судорожно заработал. Свою находку она бросила в черную лакированную шкатулку, где хранились все те немногочисленные вещицы, что были ей памяты. Пуговица упала на перевязанные голубой лентой письма, полученные ею когда-то от Кита. Каролин спрятала шкатулку подальше в сундук, захлопнула его и уселась прямо на крышку, чтобы надеть ботинки. Шнуруя их, она не переставая думала о пуговице. На ней было изображено нечто вроде геральдического знака. Возможно, если Каролин сумеет определить его назначение, то найдет и другие ключи для разгадки этого происшествия и узнает, кто хотел ее убить.

Каролин вздохнула и покачала головой. Нет, мысль о том, что какой-то аристократ проник в третьеразрядные мебелишки только для того, чтобы задушить заурядную актрисочку, казалась совершенно нелепой. Надо полагать, убийца был человеком среднего достатка, но не благородного происхождения. Где-то он мог увидеть этот понравившийся ему герб и скопировать его для своих пуговиц. Видимо, это был какой-нибудь поселенец с претензиями, который придумал герб для своего семейства. Не исключено, что нападавший мог быть простым вором, который украл сюртук дворянина. Поиск герба в Книге пэров ей тоже вряд ли что даст, поскольку изображение на пуговице настолько мало, что даже невозможно определить, какое животное там изображено. «Мне нужно будет прочесать город и найти человека в сюртуке с оторванной пуговицей», — решила она про себя. Эта деталь, понятное дело, была не слишком обнадеживающей.

Она отодвинула сундук от закрытой двери. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы собраться с духом, схватить перчатки и сумочку и выйти за дверь. Бросив быстрый взгляд на коридор и лестницу, Каролин убедилась, что была здесь совершенно одна. Она попыталась запереть дверь, но неизвестный, проникший к ней ночью, сломал ключ. Делать нечего, придется оставить комнату открытой.

Каролин твердыми пальцами сжала сумочку, вскинула голову, распрямила плечи и уверенно направилась вниз по лестнице. Свет снаружи слепил глаза, и, хотя улицы, как обычно, были грязными и сонными, она почувствовала странное умиротворение. «Ничто снаружи не изменилось, изменилось что-то внутри меня самой», — решила Каролин. Если она не позволит страху вселиться в себя, то сумеет управлять ситуацией.

Быстрая ходьба помогла ей привести мысли в порядок. Ничего особенного в дороге не произошло. Вид суетящихся торговцев на рыночной площади, кричащих и смеющихся детей, занятых своими играми на пыльных улицах, тьявкающих собак, владельцев магазинов, таскавших корзины с чаем и мешки с мукой, — вся эта обычная знакомая сумятица еще одного рабочего дня с каждым шагом избавляла ее от страха.

Когда она, войдя в боковую дверь, прошла за кулисы, то увидела, что к репетиции труппа еще не приступила. Все они сидели полукругом и наблюдали, как Флориан ходил по сцене и прикидывал на глаз ее размеры. Бросив на Каролин невидящий взгляд и рассеянно кивнув, он продолжил, свое занятие. Актеры труппы наградили Каролин взглядами разной степени любопытства. Каролин, исполненная решимости вести себя так, словно события прошедшей ночи никак не повлияли на нее, как ни в чем не бывало заняла свое место среди других.

Репетиция — попросту некоторое обновление сильно затасканной легкой комедии — была скучнейшим делом. Каролин, обладавшей отличной памятью, не требовалось особого труда,

чтобы вспомнить свои слова. Единственная цель репетиции состояла в постановке пьесы на другой сцене. Каждую неделю компания представляла новую пьесу. Вечером они играли один спектакль, а во время дневных репетиций шлифовали следующую постановку.

Сейчас они проходили второй акт. Флориан показывал новые мизансцены, и Каролин почти впервые за долгое время ощущала себя среди других актеров вполне комфортно. Здесь, в знакомой обстановке, среди известных ей людей, испытанный прошедшей ночью ужас почти не возвращался к ней.

Когда репетиция закончилась, она заторопилась в порт, чтобы узнать расписание кораблей еще до того, как на город опустятся сумерки. Следующим утром отправлялся корабль в Бордо. Глубоко погруженная в свои мысли, она вернулась в театр. Если бы у нее были деньги, она могла бы отплыть во Францию, а оттуда переправиться в Англию. После тех странных ощущений, связанных с Синтией, и ночного нападения она стала гадать, не судьбой ли предназначено ей быть завтра утром на этом корабле. Средств на проезд до Англии нет, но ей, возможно, удастся занять немного денег у Белинды, которая будет только счастлива, если Каролин уедет. Эту тему ей нужно будет обсудить сегодня же вечером.

В ближайшей от театра таверне Каролин проглотила безвкусный, приготовленный на скорую руку обед, потом опрометью бросилась в театр, чтобы подготовиться к вечернему спектаклю. Ее Джульетта в этот вечер была не столь неотразима, как накануне. Личные планы волновали девушку гораздо больше, чем роль. После спектакля она сняла грим медленнее обычного, растягивая это занятие для того, чтобы покинуть театр вместе со всеми. Сегодня у нее не было ни малейшего желания оставаться одной. Болтая с актерами, игравшими с ней в спектакле, она направилась в свои меблированные комнаты.

Кто-то свернул в таверну, остальные разошлись по своим комнатам этажом ниже. Подниматься вверх Каролин пришлось одной. Она успокаивала себя только тем, что в случае опасности станет кричать и ей придут на помощь. Сглотнув, Каролин толкнула дверь и подождала, когда та распахнется. Свет, падавший из коридора, выхватывал из полумрака сундук и кровать. Каролин ступила на залитый лунным сиянием квадрат возле кровати. Внезапно свет, исходивший из коридора, померк, так как дверь захлопнулась и чья-то рука стальным обручем обхватила ее талию, крепко прижав к ее бокам ее же руки. И прежде чем она успела издать хоть звук, рот ее был зажат.

Глава 2

— Не кричи!

Низкий мужской голос прозвучал грубо и угрожающе. Каролин стала бороться, пиная своего обидчика ногами и стараясь таким образом освободиться от его хватки, но тот рывком подтащил ее к себе и сжал еще крепче. За спиной она чувствовала твердое мускулистое тело высокого мужчины. Каролин попыталась закричать, но длинные, мозолистые пальцы, зажимавшие ей рот, еще глубже впились в нее, причинив ей боль и подавив всякие звуки.

— Замолчи! Маленькая дуреха!

Даже в этих отрывочных сердитых словах можно было безошибочно уловить произношение британца благородного происхождения, а судя по его тону, это был кто-то знакомый, из ее прошлой жизни... Борьба она перестала. В ответ нападавший ослабил хватку.

— Вот так-то лучше! — говорил он по-прежнему тихо, но голос звучал скорее саркастично, чем грозно. — Я рад, что за несколько недель отсутствия ты не забыла меня окончательно. Что ж,

семь лет жалкого существования не скоро забываются, правда, а?

Каролин замерла в изумлении. Кто был этот незнакомец? Она начала говорить и почувствовала на своих губах солоноватый вкус его кожи. Мозолистая ладонь слегка приподнялась.

— Ты...

Дальнейшие слова получились довольно невразумительными, она откашлялась и начала заново:

— Вы, должно быть, ошиблись...

Мужчина издал вздох раздражения и повернул ее к себе.

— Не испытывай моего терпения! — прорычал он. При этом его лицо находилось всего в нескольких дюймах от ее лица. — Я едва сдерживаю нестерпимое желание избить тебя! — Он оттолкнул ее прочь и быстро и уверенно направился к лампе, по-видимому, для того, чтобы зажечь ее. Каролин знала, что в этот момент она могла, воспользовавшись ситуацией, убежать и позвать людей на помощь, но она как вкопанная оставалась на месте и во все глаза смотрела на незнакомца.

Дрожащий, неверный свет лампы, которую держал в руках ночной гость, ложился на его лицо зловещими отблесками, придавая всей его внешности что-то сатанинское. Четко обозначенные двумя густыми тенями глаза запали, словно бы превратившись в глубокие, темные затоны. В тусклом свете Каролин могла разглядеть, что роста гость был выше среднего, а ширина плеч свидетельствовала о мощном телосложении. Длинные пальцы огибали подставку лампы, на тыльной стороне ладони ясно выступали туго натянутые сухожилия. Руки его были, по всей видимости, сильными. Она еще чувствовала на своих щеках прикосновения его слегка мозолистых пальцев. Каролин смотрела ему в лицо, уверенная в том, что вовсе не он напал на нее предыдущей ночью. У нынешнего визитера были все данные к тому, чтобы без всяких затруднений придушить актрисочку, но он даже не попытался сделать этого. Напротив, жертва была отпущена сразу, как только прекратила оказывать сопротивление и глупо размахивать руками. Каролин в совершенном молчании наблюдала, как жестко смотрели на нее глаза незнакомца и как растягивался в усмешке красивый, немного хищный рот.

— Господи, как быстро ты дошла до этого!

Задетая прозвучавшим в этих словах презрением, Каролин вздернула подбородок:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Актриса! — Теперь его тон стал едким, он обвел комнату взглядом, выражавшим отвращение к убогости ее обстановки. — Неужели тебе настолько хотелось унижить меня?

— Унизить вас?

Он поставил лампу на сундук, подошел к окну и стал с нарочитым интересом изучать пустынную улицу, всем своим видом показывая, как неприятна ему гнусная актрисочка.

— Да, унижить меня. Другой причины для того, чтобы пасть так низко, что начать торговать собой, я не нахожу. Конечно, если только твой распрекрасный любовник не оставил тебя с носом.

Хотя все происходящее выглядело по меньшей мере странно и не правдоподобно, Каролин почувствовала себя уязвленной бесстыдными речами незнакомца и не могла не защитить себя.

— Я не торгую собой. Я играю.

— С таким же успехом ты могла бы вышагивать с надписью «шлюха» на лбу.

— Я никогда...

— Не утруждай себя, — оборвал он ее. — Мне это безразлично. Ты могла иметь сотню мужчин. Для меня это больше не имеет значения, пока ты не переходишь грань дозволенного.

— Минуточку. Я не знаю, что вы тут делаете и кто вы такой, но вы не имеете ни малейшего права вламываться в комнату к вдове и оскорблять ее.

В изумлении незнакомец повернулся:

— Права? У меня есть все права. Ты что, лишилась рассудка? Меня нисколько не заботит то, чем ты занимаешься, но ты моя жена. И все твои действия отражаются на моей семье. Тебе следовало бы об этом подумать до того, как ты сбежала. И я не позволю тебе замарать имя Сомервилла грязью.

Каролин замигала. Сомервилл. Теперь кое-что начало проясняться. Джейсон Сомервилл был мужем ее сестры. Каролин и Синтия были близнецами, причем так сильно походили друг на друга, что окружающие их часто путали. Так неужели это и есть муж Синтии? Нет сомнений, что, увидев Каролин, он принял ее за свою супругу.

— Джейсон? — попробовала она позвать его.

— Что?

Да, это был Джейсон Сомервилл. И он отнюдь не выглядел сумасшедшим, просто, попавшись на сходстве, ошибочно принял одну сестру за другую. Следовало всего лишь объяснить ему его ошибку, и он бы отстал от нее — и тогда он обернет свой гнев, который в результате такого промаха только удвоится, на Синтию. Сопоставив факты, она поняла, что Синтия сбежала от него, но с любовником ли? Безоглядно отдаваться своим увлечениям?.. Нет, это было так не похоже на Синтию. Может быть, причиной такого обвинения стала ревность?

Свою ярость Джейсон, по-видимому, едва сдерживал. Сказать правду этому разгневанному человеку Каролин не могла. Это значило бы попросту натравить его на сестру. А ведь она была гораздо слабее ее. Этот тиран просто раздавит бедняжку. Чтобы хорошенько обдумать ситуацию, Каролин решила протянуть время.

— Как ты нашел меня? — смиренно спросила она.

— Твой тайный побег, — грубо засмеялся в ответ Джейсон, — оказался столь же неудачен, как и все прочие твои попытки так или иначе улизнуть от меня. Мне не составило большого труда проследить за тобой до Плимута, а там Я, также без всяких усилий, смог выяснить, каким кораблем ты и Деннис отплыли. Он еще больший дурак, чем ты. Он заказал рейс на свое имя. Следующим кораблем я прибыл в Сен-Китт и продолжил поиски уже оттуда. Мне даже не потребовалось задавать много вопросов в отелях, чтобы выяснить, что женщина с внешностью, как у тебя, была в "гастролирующей труппе актеров. Прошлым вечером я видел твою «Джувьетту» — игра, достойная всяческих похвал!

— Ну что вы, спасибо, — ответила она с не меньшим сарказмом. — Наверняка ты догадывался, что я не лишена драматического таланта.

— Да, я хорошо помню то отличное представление, что ты давала мне перед женитьбой.

Он был холоден и тверд, как гранит, и едва ли мог подходить для Синтии. Несомненно, она ожидала, что муж будет любить и лелеять ее не меньше, чем ее любили и лелеяли в семье. Должно быть, Синтия со своим оранжерейным восприятием мира испытала настоящий шок, когда обнаружила, что у этого мужчины чувства напрочь отсутствовали. Неудивительно, что она сбежала от него.

— Почему ты не хочешь отпустить меня? — спросила она. — Ты ведь не думаешь, что я могу поверить в то, будто ты хочешь моего возвращения?

Джейсон насмешливо ухмыльнулся, даже не пытаясь спрятать свое презрение.

— Конечно, нет, ты совершенно права. Любовь, которую я когда-то испытывал к тебе, давным-давно умерла. Но позволь мне напомнить тебе, что Сомервиллы никогда не выпускают из рук того, что принадлежит им по праву.

— Я не твоя собственность!

— Ты моя жена. Ты леди Браунтон из Браунтон-Курт. И я не позволю тебе бросать тень на мое доброе имя.

Каролин выпрямилась, глаза ее горели. Как он смеет так обращаться с ее сестрой!

— У тебя непомерная гордость, ведь так? Что ж, приготовься к удару: я никуда не поеду. Я не собираюсь возвращаться назад.

В ярости он пересек комнату и схватил ее за запястье. Его пальцы вонзились в ее плоть, как когти.

— Не издевайся надо мной, Синтия. Мое терпение подходит к концу. Ты вернешься со мной, даже если для этого мне понадобится связать тебя, заткнуть кляпом рот и отнести на корабль. Я твой муж. И перед английским законом ты моя собственность. Твоя собственность — моя собственность, ты должна подчиняться моей воле. И нет такого суда, нет такого судебного исполнителя, который бы не поддержал меня в моем праве отвезти тебя домой. Причем я полагаю, что большинство из них посоветовали бы мне вложить наконец тебе в голову хоть немного здравого рассудка!

В сумеречном свете глаза его казались черными, бездонными, а складки у рта обозначились необычайно глубоко и резко. Каждый раз, когда он открывал рот, его зубы ярко блестели, придавая всему его облику оттенок коварства и свирепости. Все существо Каролин пронизал ужас. Вряд ли кто-либо мог назвать ее трусихой, но этот человек... этот человек был ей страшен. Сила, с которой он сжимал ее запястье, сделалась угрожающей; вывернуть ей руку составит ему не больше труда, чем свернуть цыпленку голову. Как вообще могла бедная Синтия выносить его характер? Думая о Синтии, которой пришлось жить с таким зверем, Каролин, исполненная твердой решимости не показать своего страха, подняла глаза, чтобы встретиться с его взглядом.

— Похоже, ты просто в восторге от драки. Недалеко же ты ушел от пещерного человека!

Каролин почувствовала, как по рукам Джейсона пробежала дрожь бешенства, и подумала, что ее язвительные слова были последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Она отпрянула и инстинктивно подняла свободную руку к лицу, чтобы прикрыть его от возможного удара. Скрыть свое удивление Сомервилл не смог.

— Итак, ваш распрекрасный любовник приучил вас к побоям? Какую приятную жизнь, по всей видимости, вы вели. — С этими словами он отпустил ее руку и почти оттолкнул ее от себя, словно она была ему отвратительна. — Все же я не могу понять твоего нежелания вернуться в Браунтон-Курт. — Тут он многозначительно осмотрел комнату. — Я бы осмелился предположить, что ты была бы счастлива вернуться к своей обеспеченной жизни, особенно теперь, когда Бингем оставил тебя. Что же случилось? Или вы двое обнаружили, что ваша убогая любовная связь не может существовать без материального достатка? Или он узнал, что ты не способна любить никого, кроме себя самой?

— Ты омерзительна.

— Я знаю твоё отношение ко мне. Я холодный, бесчувственный и имею только самые низменные наклонности. Короче, зверь. Ты ненавидишь меня. Теперь, когда это установлено, давай перейдем к вопросу твоего отбытия вместе со мной из этой вонючей дыры.

Джейсон превосходно контролировал выражение своего лица, никаких признаков гнева на нем видно не было. Он открыл дверь стенового шкафа и выдернул несколько платьев. Бросив их на кровать, он собрал ее обувь и сумки, выстроившиеся в шкафу на полу, и швырнул все это на кровать рядом с платьями. Столь же успешно очистил ящики небольшого комода, добавив к груде тряпья еще несколько ее вещей.

Униженная, Каролин наблюдала, как он свалил всю ее одежду в одну кучу и каким полным отвращения взглядом одарил ее на прощание. У нее было такое чувство, словно он вывернул наизнанку ее жизнь, сердце и душу и не нашел там ничего мало-мальски ценного.

— Боже милосердный! Синтия, неужели он скрылся, прихватив с собой не только твоё золото, но и все твои платья и украшения?

— Я... мне пришлось отдать все ростовщикам.

— Даже ты не смогла бы так быстро истратить все эти деньги. Ты, наверное, забыла, но я-то точно знаю, какую сумму украли ты из моего сейфа в ночь побега.

— Я никогда ничего не крали! — с горячностью воскликнула Каролин прежде, чем успела подумать.

— Разве? — удивленно вскинул брови Сомервилл. — Впрочем, ты наверняка не считаешь это воровством, поскольку муж и жена — единая плоть. Но те чудные деньки, когда мы действительно являли собой сие отрадное единство, прямо-таки по Библии, давно миновали, не так ли, а?

— И слава Богу, хотя ты, вижу, никак не желаешь оставить меня в покое!

После такого ответа Сомервилл на миг остолбенел, а потом разразился глубоким, неожиданно богатым по тембру смехом, который напугал Каролин.

— Ты немного изменилась. Раньше ты бы впала в истерику. Надо полагать, Бингем привил тебе смелость и ум.

Джейсон был прав. Она вела себя несколько иначе, нежели Синтия. Если бы сестрицу схватили столь нагло за руку и зажали бы рот, она без конца бы лила слезы и куксилась. Каролин была изумлена, что Синтия нашла мужество и удрала, однако дело обстояло именно так. Что же, теперь всем, чем только можно, необходимо помочь сестре. Каролин понимала, что чем дольше она будет притворяться Синтией, тем легче будет Синтии подлинной, настоящей скрываться от мужниных преследований. Следовательно, покуда достанет сил и, главное, покуда будет сопутствовать удача, ей придется лицедействовать! Естественно, ей не составит никакого труда дурачить Сомервилла весь сегодняшний вечер: в потемках он едва ли отличит ее от своей благоверной. Но в дальнейшем первое, что нужно будет сделать, — если, конечно, она всерьез хочет осуществить намеченный план, — это немедленно заглушить в себе дерзкую Каролин и стать Синтией, издерганной, надломленной и слезливой. Призвав на помощь всю свою волю, Каролин шумно вздохнула, потом повернулась и посмотрела Джейсону в лицо. Внешне близнецы были неразличимы, но теперь ей каждым словом и жестом предстояло изображать Синтию.

Крепко сцепив руки и приняв покорный вид, она повиновалась.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Эти жалкие вещи. Во время путешествия тебе придется что-то носить. У меня нет времени купить тебе что-либо новое здесь. Завтра мы отплываем во Францию.

— Во Францию?

— Да, корабль в Бордо уходит рано утром. Это прекрасно вписывается в мои планы. Я попросил матушку встретить нас там. Она недавно уехала в путешествие по Италии. Я представил все так, словно в последний момент ты решила присоединиться к ней. Я искренне надеюсь, что это положит конец разным кривотолкам. По легенде, я и сам отправился следом, чтобы сопровождать вас обеих домой. Из Франции мы поплывем домой вместе с матушкой, что придаст всей истории некоторый оттенок правдивости.

Каролин начала было заталкивать одежду в свой потрепанный саквояж, но вдруг остановилась. Синтия, у которой для укладки вещей, несомненно, существовала прислуга, вряд ли могла знать, с какой стороны подойти к этому вороху одежды, в то время как Каролин за многие годы путешествий отлично научилась справляться с этим делом. Украдкой бросила она взгляд на Джейсона. Он стоял к ней спиной и смотрел вниз на улицу. Быстро захихнула она небольшие вещицы в кожаный чемодан и, выпрямив спину, торжественно села на край кровати.

— Я отвезу тебя в свой номер в «Голубой лодке», — сказал Джейсон. Он отошел от окна и, поймав ее полный озабоченности взгляд, с отвращением вздохнул. — Не беспокойся. Я не собираюсь наказывать тебя и восстанавливать свои права в твоей постели. Ты достаточно четко дала мне понять, что мои прикосновения противны тебе, и — благодарение Господу! — я больше не желаю тебя. Мы испытываем друг к другу одинаковую неприязнь, моя дорогая. Так что мы оставим все как было, включая отдельные спальни. Это наиболее важная часть сделки.

— Какой сделки?

— Сделки относительно нашей будущей жизни. Ты снова займешь свое место леди Браунтон. На людях мы будем играть роль благополучной и счастливой пары, по крайней мере в ближайшие месяцы, чтобы прекратить все кривотолки, в то время как в нашей частной жизни мы можем оставаться совершенно чужими друг другу. Наплевать, будешь ли ты составлять мне компанию или нет. Тем не менее, чтобы слуги не болтали, пищу мы будем принимать вместе. Я

постараюсь уезжать в Лондон по делам как можно чаще. Когда слухи окончательно заглохнут, мы сможем жить отдельными домами.

— В пределах приличия, конечно, — пробормотала Карелии.

— Конечно.

— Тогда зачем мне сегодня идти в твою комнату?

— Потому что я не хочу спускать с тебя глаз. Между прочим, я заказал на корабле две отдельные каюты. Так что, надеюсь, во время нашего плавания мы сможем избегать друг друга сколь угодно долгое время.

— Во всяком случае, я приложу для этого все усилия. — Голос Каролин приобрел слегка ироничный оттенок. «Надо же, какой любящий муж», — подумала она, саркастически скривив губы. Теперь она могла представить себе всю ситуацию в целом. Синтия с такой жадностью искала любви и участия, а этот зверь, должно быть, довел ее до отчаяния.

— Нисколько не сомневаюсь, что приложишь, — ответил он ей в тон.

Каролин подняла свои сумки с кровати — снова слишком поздно она заметила, что этот жест был скорее характерен для Каролин, чем для Синтии. К ее удивлению, Сомервилл взял их у нее, открыл дверь и пропустил ее вперед. Этот поступок напомнил ей о порою довольно вычурных правилах хорошего тона, принятых в том обществе, с которым она долго была разлучена. Такого благородства от мужа Синтии она, конечно, не ожидала, однако следовало быть готовой ко всему. В конце концов, его волновала только внешняя сторона дела, а не его суть. Главное — правдоподобно изобразить из себя счастливого супруга.

«Голубая лодка», самый старый и наиболее фешенебельный отель Антигуа, располагалась на некотором расстоянии от грязной портовой части города. Покрытое штукатуркой бледно-голубого цвета, который подчеркивался белыми жалюзи, элегантное здание отеля с трех сторон было окружено портиками, располагавшимися на первом и втором этажах. Эти портики были сделаны из дерева и выкрашены в белый цвет. Стройные колонны наверху украшала филигранная резьба, сплетавшаяся в причудливые узоры. Многочисленные высокие окна открывали свободный доступ для бриза, а гости имели возможность беспрепятственно выходить на веранду. На нижней веранде стояла белая плетеная мебель, как бы приглашавшая к отдыху. Порттик был затенен густым кустарником и цветущими растениями. В гнетущей тишине Джейсон и Каролин поднялись по ступенькам веранды. Каролин украдкой бросила на здание взгляд, чтобы полюбоваться его красотой.

В холле отеля Каролин не придавала никакого значения любопытному взгляду портье, имевшему довольно надменный вид. Пока их провожали наверх, никто не проронил ни слова. Дверь открылась в небольшую, со вкусом обставленную гостиную, рядом с которой находилась спальня, где Джейсон и разместил свою мнимую супругу, а сам провел ночь в соседней комнате, предварительно заперев дверь изнутри.

Оставшись одна, Каролин вышла на веранду. Она знала, что без труда могла бы сбежать — через порттик. Но вместо этого она перевесилась через перила веранды и устремила задумчивый взгляд в ночь.

Пока она вместе с Джейсоном Сомервиллом шла в отель, у нее созрел план. Все то время, в какое она сможет оставаться неразоблаченной, пойдет на пользу Синтии, давая ей дополнительный шанс на удачный побег. Если и на борту судна она сумеет выдавать себя за

сестру, пройдут недели, прежде чем Джейсон снова возобновит поиски Синтии. Но к тому времени след милой женушки давно простынет. А почему бы и нет? Почему бы не отважиться ей на этот маскарад и не пожить жизнью Синтии в Браутон-Курт? Ей будет приятна роскошь, которую она знала в детстве. Она снова будет носить элегантные платья, есть изысканную пищу. Возвращение в Англию!.. О чем еще могла она мечтать?

Еще когда Каролин была ребенком, актерские способности позволяли ей в совершенстве воспроизводить манеры Синтии, ее речь. Довольно часто, чтобы одурачить свою няню Бонни, каждая из сестер выдавала себя за другую. Когда пони Синтии забрела в цветник миссис Деркес и обглодала там почти все ирисы, то извиняться к домику миссис Деркес вместо Синтии поскакала Каролин, тем самым избавив сестру от малоприятной нравоучительной речи, с которой миссис Деркес не преминула выступить и в которой пространно толковалось о жутких плодах детской беспечности.

Небольшие отличия, которые непременно проявятся, можно будет объяснить временем, проведенным в разлуке с Джейсоном, и тем жизненным опытом, который она приобрела. Единственная вещь, которая могла бы выдать ее внешне, были ее дешевые, плохо сшитые платья. Да, и еще волосы... Но новая прическа тоже могла быть с легкостью объяснена отсутствием служанки, которая бы убирала их.

В конце концов, Джейсон принял ее за Синтию. За многие годы своей театральной деятельности Каролин поняла, что люди верят только в то, во что они хотят верить, и видят только то, что хотят видеть. Вряд ли Джейсон станет пристально присматриваться к ее манерам и прислушиваться к ее словам, чтобы найти какие-то отличия от Синтии, тем более если супруги испытывали сильную неприязнь друг к другу. Более того, он ведь уже пообещал ей, что на корабле он по мере возможности будет избегать ее. Каролин решила, что для нее не будет слишком сложно вести эту игру в течение того времени, которое ей потребуется.

Каролин сильно сомневалась в том, что Синтия действительно отплыла в Вест-Индию. Ее сестра могла быть застенчивой и скромной, но у нее был острый ум. И она ни за что на свете не оставила бы столь очевидные следы. Скорее всего она заказала рейс на имя своего любовника просто с той целью, чтобы ввести мужа в заблуждение и заставить его идти по ложному следу. И это сработало, криво усмехнувшись, подумала Каролин, наблюдая за тенью Джейсона в смежной гостиной.

Каролин не имела ни малейшего представления о том, что могло заставить Синтию сбежать, но в одном она не сомневалась — всему виной был Джейсон Сомервилл. Ее первое столкновение с Джейсоном доказало ей, что он был человеком, способным довести до отчаяния кого угодно. Было похоже, что Синтию он ненавидел, в то время как все остальные любили ее. Одного этого, на взгляд Каролин, было достаточно для того, чтобы распознать его дурной характер.

Неудивительно, что «чувство Синтии» так часто приходило к ней в последнее время. Спасение Синтии не доставит ей никакого беспокойства, если, конечно, не считать необходимости мириться с отвратительным темпераментом лорда Браутона. В конце концов, после пережитого прошлой ночью испуга она сама была намерена покинуть этот остров. Конечно, Флориан проклянет ее за то, что она оставила его без Джульетты, но Белинда с радостью и достаточно быстро сумеет его утешить. Ничто не связывало Каролин с труппой, и у нее было достаточно причин, чтобы уехать с острова. Долгие годы мечталось ей наконец снова вдохнуть прохладного и сырого воздуха Англии, снова увидеть ее спокойную неброскую красу, так разительно отличающуюся от многокрасочного буйства тропиков. Она так устала жить здесь, ей так хотелось домой. Она бы давно уже уехала, если бы в Британии не жила ее сестра,

которую ей очень не хотелось смущать своим присутствием. Но теперь к скандальному бегству Синтии от мужа добавится еще один новый скандал из-за того, что ее сестра — актриса. Но смущаться Синтии не придется, потому что ее там нет.

Всем сердцем радовалась Каролин тому, что лорд Браутон обещал ей не посягать на нее в постели. Не пообещай он ей этого, она бы не взяла на себя роль Синтии. Сама мысль о том, что в принципе возможно сносить ласки этого холодного, грубого чудовища, заставила Каролин вздрогнуть от ужаса и омерзения. Никогда!

На удивление необычно холодный бриз вызвал у нее дрожь. Она вернулась в комнату, разделась и улеглась в постель. Решение было принято. В течение некоторого времени она будет Синтией Сомервилл, леди из Браутон-Курта, женой Джейсона Сомервилла. Уверенная, что ее план сработает, и чувствуя себя совершенно спокойной, Каролин заснула, едва коснувшись подушки.

Следующим утром ее грубо разбудили. Она открыла глаза и, мигая, в сонной растерянности уставилась на Джейсона Сомервилла.

— Вставай. Нам пора собираться на корабль.

— Сейчас?

Каролин устремила взгляд на открытое окно. Рассвет едва брезжил.

— Корабль отправляется рано, и я намерен успеть на него. Давай одевайся!

Наконец мысли ее прояснились, и она вспомнила, кто был этот человек, что стоял напротив нее, и что собирались сделать они наступившим утром. Каролин зачесала назад свободно ниспадающие волосы, которые вчера вечером не были убраны в толстую косу, и зевнула.

— Хорошо, — сонно ответила ему Каролин. — Я тотчас оденусь, как только ты выйдешь из комнаты.

Повернувшись на каблуках, он вышел. Каролин поднялась, поспешно совершила утреннее омовение, надела на себя сорочку, чулки и панталоны. Все это было легким и воздушным. Нижние юбки под клеткой кринолина она не носила, чтобы хоть немного облегчить те невероятные страдания, которые несла с собой жара. Она выбрала белое простое платье с рукавами до локтя и глубоким вырезом, обрамленным белым крахмальным воротничком. К воротнику приколола перламутровую камею — свадебный подарок Кита.

Каролин причесала свои густые волосы, заплела две толстые косы, которые уложила над ушами. В своей скромной, завязанной под подбородком шляпке и простом платье она выглядела очень строго. Каролин улыбнулась той мысли, что, несмотря на свою добропорядочность, несмотря на то что она никогда никому, кроме своего законного мужа, не отдавалась, ее все же ставили на одну доску с проститутками и неверными женами, и все это только из-за ее профессии.

Но теперь наконец она избавится от своей ложной репутации, потому что сейчас она больше не являлась скромной актрисочкой, но была леди Синтией. Она улыбнулась своему отражению в зеркале. Восторг лицедейства заставил учащенно биться ее сердце. Если обмануть Джейсона все-таки удастся, то это и будет лучшей наградой за ее игру. Дом, благополучие Синтии и — тут ее улыбка приобрела коварный оттенок — удовлетворение, полученное оттого, что она на ступеньку или две спустит Браутона вниз.

В комнату за ее багажом вошел один из служителей отеля. Перед тем как надеть перчатки, Каролин бросила последний взгляд в зеркало и гордой походкой вышла в гостиную, где ее поджидал Джейсон. Она сгорала от нетерпения — так хотелось ей получше рассмотреть его. Но каждый раз, когда она предпринимала такую попытку, смелость оставляла ее. И только когда они уселись в нанятой карете, которая повезла их по улицам в порт, ей удалось это. Взгляд Джейсона был устремлен в окошко, так что она без труда могла наблюдать за ним.

В неясном утреннем свете она заметила, что он был гораздо красивее, чем ей показалось прошлой ночью. Природа наделила его густыми, черного цвета волосами, а искусные парикмахеры, к услугам которых, надо полагать, прибегал Сомервилл, прекрасно их укладывали. В отличие от многих мужчин, которые, следуя моде, носили пышные баки, Джейсон тщательно брился. Ничто не нарушало строгих, бескомпромиссных линий его лица, мужественного подбородка и сильно выдающихся скул. Глубоко посаженные глаза оказались не темными, как давеча показалось Каролин, но серебристо-зелеными. Пушистые ресницы обрамляли эти удивительного цвета глаза, а прямые брови придавали взгляду чувственный оттенок. С таким красивым носом и хорошо вылепленными губами, подумала Каролин, он был бы красавцем, если бы не это напряженное выражение лица и не глубокие складки у рта. Признаки скрываемой злобы и неудовлетворения явно портили его лицо. Скорее всего, размышляла она, его внешность была отражением его злобного характера.

Как только карета остановилась, Джейсон открыл дверцу и выпрыгнул наружу, причем он сделал все это с необычайной поспешностью. Он протянул руку, чтобы Каролин могла опереться на нее, но она упрямо проигнорировала этот жест и, чтобы не упасть на узких ступеньках, схватилась за дверцу. Ей приятно было видеть, как нахмурился Джейсон на такое проявление ее грубости. Величественный и спокойный, поджидал их корабль в конце длинной пристани; увидев его, сдержать своего восторга Каролин не смогла. Она возвращалась домой! Но тут она вспомнила, что проявлять свою радость ей было нельзя.

Ни одна женщина, которую силой заставили вернуться к своему мужу, не могла иметь такого приподнятого настроения. Чтобы скрыть выражение своего лица, она наклонила голову.

— Пошли, — сказал он хриплым шепотом, — тянуть больше нельзя.

Каролин не стала утруждать себя ответом. Она просто шла рядом и надеялась, что игру ее нервов, которую мог уловить Джейсон, он примет скорее за проявление страха, чем радости. Вместе с ней поднялся он по крутому трапу и представил се капитану судна, маленькому французу, который бросил на нее беглый холодный взгляд, не выражавший никакого интереса, что с его провинциальной репутацией знатока женщин было довольно странно. Слегка кивнув, он коротко поприветствовал ее на борту корабля. Каролин ответила ему на его родном языке, надеясь в душе, что продолжать беседу он не станет. Она владела французским не столь хорошо, как Синтия.

Джейсон провел ее по палубе, и они спустились к ее каюте. Она бы предпочла остаться на палубе и посмотреть, как корабль отчалит от берега, но Джейсон, несомненно, мог вообразить, что в последний момент она снова сбежит. Ну что ж, остаться здесь внизу одной было не так уж и плохо. В противном случае во время отплытия Джейсон мог увидеть в ее глазах огонь нетерпения. Это одно могло немедленно выдать ее.

Итак, Каролин, сложив руки на коленях, осталась совершенно одна в своей крохотной комнатке. Как только она почувствовала толчок корабля, отшвартовавшегося от пристани, она позволила улыбке озарить свое лицо. У нее получилось! Пройдут недели, прежде чем они достигнут Франции. И даже если Джейсон раскроет обман, он ничего не сможет поделать. Она

перехитрила его. Вдруг восторг сменился страхом. Ее сердце охватил ужас, когда она подумала о том, какой вызов бросила она судьбе. Потому что так же верно, как то, что вслед за угасающим дневным светом приходит вечерняя тень, план се имел свою темную сторону. Но теперь пути назад не было.

Глава 3

Спустя добрый час после того, как порт остался позади, Каролин сняла шляпку и водрузила ее на небольшой, встроенный в стену умывальник. Она вытащила из волос заколки и расплела косы, которые колыхающейся массой рассыпались по ее плечам. Потом, заглянув в одну из своих сумок, она отыскала пенюар, но тот выглядел сильно помятым и скомканным: прошлой ночью его слишком грубо запахнули в чемодан. Впрочем, и без этого пенюар не годился, так как был слишком тонок. Каролин весьма сожалела, что у нее не нашлось подходящего платья, которое она бы могла набросить поверх. Однако пора было поуютнее устраиваться на своей узкой койке. Каролин собиралась напустить на себя бледный болезненный вид и прикинуться, что страдает от морской болезни.

Начиная с раннего детства морская болезнь сопутствовала обеим сестрам. Но по прошествии многих лет благодаря частому плаванию между Вест-Индией и Свсро-Американскими Штатами Каролин удалось избавиться от нее. Поэтому сейчас, в первые часы под парусом, она испытывала всего лишь легкое недомогание. Ей вдруг пришло на ум, что Синтия едва ли могла обладать хоть сколько-нибудь обширным опытом морских путешествий и наверняка по-прежнему была подвержена приступам морской болезни, даже когда пересекала Ла-Манш. Это соображение убедило Каролин в том, что сестрица никак не способна была отправиться в Вест-Индию, как в то уверовал Джейсон.

Это путешествие послужит серьезной проверкой актерского дарования Каролин, ее умения мистифицировать людей. Хотя ей нестерпимо хотелось обследовать корабль, понаблюдать за работой команды, глотнуть на палубе свежего морского воздуха, она понимала, что нужно притворяться больной и оставаться в постели на тот случай, если Джейсон вдруг пожелает взглянуть на нее. В том, чтобы просто валяться в постели, безусловно, есть свои выгоды, решила она. По крайней мере, ссылаясь на тошноту и головокружение, она могла оставаться в каюте одна в течение еще нескольких дней, подальше от Джейсона с его нарочитой обходительностью и насмешливостью.

Каролин натянула простыню до самого подбородка, чтобы тонкая сорочка была полностью скрыта, закрыла глаза и позволила тихому урчанию корабля убаюкать себя.

Несколько часов спустя ее разбудил скрип открывающейся двери. Моргая спросонья она в низком дверном проеме увидела темную фигуру. Тотчас смутившись, все еще в полусне, Каролин выглядела больной в большей степени, чем могла бы сыграть это.

— Синтия?

Джейсон поколебался. Но потом все же прошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Прошу прощения, но я просто забыл, как легко ты подвергаешься приступам морской болезни. Может быть, тебе что-нибудь принести?

Каролин безучастно покачала головой:

— Нет, пока не пройдет время, мне не поможет ничто.

— Молчаливое страдание? Это что-то новенькое для тебя!

— Джейсон, прошу тебя, — слабо выдохнула Каролин. У Сомервилля хватило такта с полминуты выглядеть пристыженным.

— Ах, извините, извините! — покаянно воскликнул он, выдержав паузу. — Было бы крайне жестоко с моей стороны добивать того, кто и так уже лежит пластом, не правда ли? Сейчас я уйду, чтобы тебе по крайней мере не приходилось еще терпеть мое общество. Так принести что-нибудь? Суп? Кашу?

— Возможно, я сумею побороть приступ собственными силами.

Она надеялась, что бурчащий живот не выдаст ее. Она почти умирала с голоду, ведь в спешке, боясь опоздать на корабль, они даже забыли позавтракать.

— Если тебе что-нибудь понадобится, крикни или постучи в стенку. Я в соседней каюте.

Закрыв глаза, Каролин в знак признательности кивнула. У нее был такой вид, словно она снова засыпала. Услышав, как дверь закрылась, она с облегчением вздохнула.

Оставшись одна, Каролин постаралась вспомнить манеру говорить и мимику сестры. Очень редко она позволяла себе кричать. Однажды Каролин видела, как гневно засверкали глаза Синтии, хотя голос при этом остался, как обычно, ровным и мягким.

Каролин знала, что самым сложным для нее будет добиться именно этой сдержанности в словах, мимике и жестах, потому что сама-то она всегда живо реагировала на происходящее и легко проявляла свои эмоции. Слишком уж часто все, о чем она думала, явственно отражалось на ее лице. Синтия, напротив, сумела натянуть на себя личину ничем и никогда не смущаемой уравновешенности, за которой скрывала свой импульсивный темперамент и прочие, не вполне приличные для леди чувства и эмоции.

Каролин готова была в любой момент вновь притвориться больной, если кто-нибудь нарушит ее одиночество. Ничего, кроме скрипа корабля, она вокруг себя не слышала.

Вдруг в каюту, к изумлению Каролин, вошел сам Сомервилл, держа перед собой поднос с завтраком.

— Ты в состоянии поесть? — спросил он равнодушно. Каролин показалось, что даже к больной собаке он был бы более участлив, чем к ней, своей супруге.

— Думаю, что да. Спасибо.

— Ты хочешь, чтобы я поставил поднос сюда или на кровать? — осведомился Джейсон, кивая головой на маленький столик со стулом.

Каролин не хотела вставать перед этим чудовищем в одной тонкой сорочке.

— На кровать, пожалуйста.

Сомервилл поставил поднос на стол, одной рукой приподнял Каролин, а другой поправил у нее за спиной подушки. Руки его оказались на удивление ловкими и нежными, хотя выражение лица по-прежнему оставалось отчужденным. Простыня, как того и следовало ожидать, соскользнула вниз, и сквозь тонкую сорочку стали четко видны плавные линии ее груди и

темные крути сосков. Зардевшись, Каролин схватила простыню и прижала ее к себе, чтобы прикрыть грудь. Хотя на бесстрастном лице Джейсона не дрогнула ни одна черточка и ничто не указывало на то, что он видел ее на миг обнажившееся тело, у Каролин жадные, похотливые взгляды мужчин из той публики, что посещала театр на островах, вызывали меньше стыда, чем ледяной взгляд этого человека, считавшего себя ее мужем.

Почему, гадала Каролин, он с таким отвращением относится к Синтии? Неужели его гордыня до сих пор не в силах справиться со своими язвами? Наверняка бегство Синтии переживалось как страшное унижение, даже прямое поругание его чести, но ведь он никогда не любил жену. Не преследовал ли он ее из-за денег, желая хотя бы материально компенсировать нанесенный его душе ущерб? Впрочем, следовало признать, что в поведении Синтии, несомненно, угадывалось нечто более едкое, чем простая неприязнь к мужу. Можно было предположить, что ею двигало невероятное отвращение и презрение. Что же такое должно было произойти между двумя людьми, чтобы вызвать столь опасное противостояние?

Джейсон снова повернулся к кровати и бережно поставил поднос на колени Каролин.

— Больше ничего не нужно?

— Нет, достаточно. Я... я очень признательна...

Сомервилл пожал плечами.

— Видишь ли, в мои планы не входило морить тебя голодом. Единственная вещь, которая меня заботит, — это соблюдение приличий. Я думаю, нам не составит особого труда быть на публике обходительными друг с другом. А встречаться наедине и вовсе даже не нужно.

— Интересно, как далеко ты зайдешь, защищая свое доброе имя? — пробормотала Каролин и нахмурила брови.

— Не далее простой симуляции счастливого брака, который я так непредусмотрительно заключил.

— Что ж, одиночество на пару часов мне обеспечено, — пробурчала она себе под нос. — Похоже, лорда Браутона не слишком заботит состояние его недомогающей жены.

Каролин взбила подушки и снова легла, закинув руки за голову. Она была благодарна за представившуюся возможность побыть одной. Ей нужно время, чтобы подумать о Синтии.

Внезапно замысел, который она лелеяла, показался ей почти неосуществимым. За годы, прошедшие с той поры, как она покинула родной дом, в ее сестре могло многое перемениться: ее житейские воззрения, ее страхи и надежды, ее прическа, манера одеваться. Могли измениться голос, жесты, смех.

Семь лет, разделявшие близнецов, вдруг показались Каролин непреодолимым препятствием. Она не имела ни малейшего представления о друзьях Синтии и о том, где эти друзья жили. Возможно, сестра часто любила посещать Лондон. А возможно, как раз наоборот. Не исключено, что она любила принимать гостей в... Как же называлось это место, о котором говорил Джейсон? Браутон Холл? Нет. Браутон-Курт? Ее, Каролин, он называл леди Браутон. Это означало, что свекор умер, а муж унаследовал его титул. Но когда? И как умер старик? Оказалось, что она могла быть не осведомлена о целом миллионе подробностей, незнание любой из которых могло выдать в ней самозванку. Какие-нибудь незначительные промахи Джейсон сможет и не заметить, но то, что его супруге могли быть неведомы имена

управляющего поместьем или кого-либо из домочадцев, он едва ли выпустит из виду. По крайней мере, думала Каролин, он вряд ли сумеет наказать ее за этот обман и попытается все сохранить в тайне. Уж скандала он будет избегать любой ценой!

Все утро Каролин провела в работе над голосом Синтии, призывая всю свою незаурядную память. Одним из основных различий между близнецами был их смех. Каролин обычно смеялась громко и неистово. Ей пришлось попотеть над легким и весьма музыкальным хихиканьем Синтии. Синтия разговаривала тихим и нерешительным голосом, часто с незначительным повышением.

Каролин сама не могла понять, ради чего она так старалась. Между тем дразнить дикое животное всегда довольно опасно. Она подозревала, что за всем этим внешним лоском скрывалась примитивная натура, весь гнев которой выльется на нее, если она доведет дело до этого.

— Кстати, ты мог бы претендовать на восстановление своих супружеских прав. Так поступил бы всякий супруг на твоем месте.

Довольно быстро Сомервилл справился с удивлением:

— Ты что, испытываешь мой характер, дорогая? Пора бы понять, что все уже давно осталось позади. Ты больше не увлекаешь меня, а перспектива завоевать тебя, как неприступную крепость, никогда не прельщала меня.

Каролин не осмелилась поднять на него глаза, побоявшись выдать себя. Она сознавала, что допускает ошибку, беседуя с ним на столь деликатную тему. Бедной Синтии приходилось мириться с исполнением супружеских обязанностей в то время, когда она с трудом выносила прикосновения Джейсона. Все это только потому, что, следуя воле отца, она вышла замуж за одно только имя...

— В таком случае, мужчина имеет право искать наслаждений на стороне, не так ли?

— Ну да, — после недолгой паузы проворчал Джейсон, — так же, как и женщина. Хотя я многие годы размышлял над тем, вполне ли знакомо тебе значение слова «наслаждение»? — Тут звук его голоса пронзил воздух, как удар бича:

— А ласки Денниса Бингема были для тебя достаточно нежными? Уважил ли тебя этот хлыщ? Добился ли в постели «должного уважения» к своей особе?

Каролин потупилась. Щеки ее пылали. Джейсон прямо перед ней обрушил на стол свой кулак.

— Будь ты проклята! Стоит мне подумать обо всех этих грешных, мучительных годах, проведенных с тобой, как... и в конце концов обнаруживается, что ты спал с шл... Тебе чертовски повезло, что я не выпорол тебя!

Каролин бросила на него свирепый взгляд:

— Значит, по-твоему, я еще и должна быть благодарна тебе? Мне что, следует валяться в ногах и восхвалять тебя за то, что терпеть меня не можешь, что не выпорол меня или не прибегнул к какому-нибудь другим, как всегда низким и примитивным...

Джейсон вдруг сделал резкий выпад, отшвырнув в сторону поднос, и вытащил Каролин из постели таким образом, что ее лицо оказалось на одном уровне с его собственным.

— Всякий раз, когда мне случалось произносить слово «секс», ты краснела и приходила в ужас. Ты бывала в шоке, если я выказывал желание обладать тобой, если мне хотелось полюбоваться твоей наготой! Так не дай же Бог и твоим глазам увидеть мое тело... Между тем выясняется, что все эти годы ты благополучно наставляла мне рога.

Сверкнувшие от гнева глаза Сомервилла сделались почти серебристыми. Каролин захотелось отвести взгляд, но оказалось, что она не в силах сделать это: ее словно загнипотизировали.

— Прошу тебя, — прошептала Каролин, дрожа от страха и судорожно облизывая губы, — прошу тебя, я... я...

Он отпустил ее так же грубо, как и держал.

— Будь ты проклята! У меня не было ни малейшего намерения доходить до этого. По отныне держись от меня подальше, да, только держись подальше!

Каролин задохнулась от злости — как будто это она была виновата в том, что у него скверный характер и что он ничуть не затрудняется говорить женщине всякие гадости! Однако в своем поведении она уже и без того сильно отклонилась от роли Синтии. Посему она снова опустила голову, и рассыпавшиеся волосы скрыли ее лицо. Джейсон, с перекошенной гримасой самого лютого отвращения лицом, выбежал, как ураган, вон из каюты. Каролин осталась неподвижно лежать, все еще дрожа от пережитой сцены. Она подивилась тому, как сестра умудрялась терпеть подобное на протяжении почти семи лет. Даже беря в расчет то обстоятельство, что Синтия, а не она была истинной виновницей его ярости, Каролин представляла сейчас собой клубок трепещущих нервов.

В течение последующих трех дней ей удавалось избегать встреч с Джейсоном. Памятуя о первом ленче, тот позаботился о ее питании, и теперь еду исправно приносил стюард. И все-таки Каролин очень скоро почувствовала, что если еще хоть на минуту останется одна, то просто свихнется. Ей совершенно нечем было занять себя. Не было книг, ни машинописных листков с какой-нибудь новой ролью в какой-нибудь новой пьесе. Никто не навещал ее, наконец. Не долго думая, Каролин одела одно из своих старых поношенных платьев и по узким ступенькам взобралась на палубу. Щурясь от солнца, вбирала она в себя бесконечный простор водной сини и бриллиантовой лазури, мгновенно обступившей ее отовсюду. Легкий ветерок колыхал юбки и небрежно поигрывал волосами. Чтобы удержать юбку на месте, ей пришлось прижать к кринолину руку. Оглядевшись, она вдруг заметила Джейсона.

Тот стоял, небрежно прислонившись к перилам, и смотрел на нее. Угадать выражение его лица ей не удалось, поскольку Сомервилл находился довольно далеко. Каролин снова перевела взгляд на море. Наверняка он стоял там, где стоит, когда ветер подхватил ее юбки. На днях Джейсон уже обвинял ее в попытке соблазнить его, а теперь, конечно же, решит, что дивные ножки обнажились перед ним не без грязного умысла.

В течение долгого времени оба не шевелились. Наконец Джейсон выпрямился и с подчеркнуто непринужденным видом направился к супруге.

— Добрый день, — сказал он, останавливаясь в нескольких футах от своей благоверной.

— Здравствуй, — ответила Каролин и сразу почувствовала себя неловко. Ей показалось неестественным обращаться к нему запросто, по имени. Но с другой стороны, жене называть мужа после семи лет совместной жизни «лорд Браутон» или «милорд» было бы несколько абсурдно.

— Насколько я могу судить, ты уже справились со своим недугом, не так ли?

— Да, я чувствую себя несколько лучше. Я решила, что глоток свежего воздуха мне не повредит.

— Не повредит, можно не сомневаться.

Они помолчали. Она понимала, что Джейсон подошел к ней только для того, чтобы создано впечатление, будто они являются любящей, счастливой парой, и при данных обстоятельствах не видела никаких оснований для поддержания беседы, почему продолжала тупо смотреть на море.

— Ты не будешь возражать против прогулок по палубам? — сухо предложил Браунтон.

— С тобой?

Сомервилл недоуменно вскинул брови:

— С кем же еще? Не думаю, что для мужа и жены есть что-то противоестественное в этой прогулке.

— Ага, нам нужно соблюдать приличия! Я правильно поняла?

— Что ж, пусть будет так, если это так важно для тебя.

— А если мне удастся выяснить, что счастье дороже приличий?

Лицо Джейсона осталось непроницаемым.

— Игра в третьеразрядной труппе сделала тебя счастливой?

Каролин не смогла сдержать улыбки.

— Ты переоцениваешь возможности компании Макдоуэлла!

— А ты, по всей видимости, не слишком серьезно к себе относишься.

— Говорят, опыт — хороший учитель, — заявила Каролин кривя губы.

— Ты мне зубы не заговаривай! Отвечай, была ли ты счастлива, живя в этих жалких отелях и ежевечерне выставляя себя на сцене.

— Для меня все было внове. Я находилась в самом начале своей актерской карьеры.

— Вижу, ты, как и прежде, ловко уходишь от ответа на тот вопрос, на который не желаешь отвечать, — выпалил Джейсон и посмотрел прямо в лицо Каролин.

— Нет, нет и нет! Я не была счастлива! Ну, теперь ты удовлетворен?

— Хорошо... А теперь скажи, чего ты добилась своим побегом? Или ты, заставив меня гнаться за тобой через всю Атлантику, решила таким образом подшутить над своим ценящим тонкий юмор муженьком?

— У меня не было ни малейшего желания издеваться над тобой, но поверь, мне совсем не

хочется, чтоб меня препроводили домой, как какого-нибудь нашкодившего ребенка.

На мгновение Джейсон прикрыл глаза и, чтобы восстановить душевное равновесие, глубоко вздохнул.

— Так ты хочешь, чтобы мы прогулялись по палубам или нет?

— Нет, спасибо. Я лучше побуду немного одна.

— В таком случае не буду мешать. Всего хорошего, мадам!

Каролин едва заметно кивнула и краешком глаза проследила за тем, как прямая, точно стрела, фигура Джейсона уплывала куда-то на корму судна.

Надежды актрисы на то, что в течение всего оставшегося путешествия они не будут встречаться более, вполне оправдались. Они виделись только в часы приема пищи. Джейсон сопровождал Каролин в столовую, где к ним присоединялись капитан и двое пассажиров — французских предпринимателей. Предприниматели редко разговаривали по-английски, капитан, в свою очередь, также не был болтлив, и за столом обычно царил полнейшая тишина, довольно тягостная, между прочим. Каролин вообще-то и сама предпочитала молчать, боясь, что ее тайное самозванство станет явным. Джейсон же просто не обращал на нее никакого внимания. Что подумают люди, гадала порой она, об их излишне сдержанном поведении?

Все остальное время Каролин проводила, гуляя по палубам, чем занималась регулярно — утром и пополудни. Перед обедом она обычно отдыхала у себя в каюте.

Потом Каролин вдруг поняла, что втайне надеется на новую неожиданную встречу с Джейсоном на палубе, но шансы на эту встречу были весьма невелики. Джейсон был грубиян с отвратительным характером. Похоже, он старался не появляться на палубе тогда, когда Каролин гуляла по ней. Девушка в силу общительности своей натуры привыкла все время находиться среди людей. Теперь же она постоянно скучала в полнейшем одиночестве. Она болезненно переживала отсутствие собеседника и живого контакта с внешним миром. Каролин была бы не прочь заменить этот внешний мир обществом Джейсона Сомервилла. Их встречи хоть и оказывались почти всякий раз конфликтными, но все же обладали определенной живительной силой.

Наконец корабль пришвартовался в Бордо. Но после ночи, проведенной в местном отеле, и трехдневного, вымотавшего все нервы путешествия в экипаже в Париж Каролин захотела вновь оказаться на борту корабля. Для нее слишком мучительно было целый день трястись вместе с Джейсоном Сомервиллом в одной карете, где он сидел как раз напротив. Разговаривал он мало, зато много смотрел в окошко, изучая ландшафт. Иногда, впрочем, Каролин ловила на себе его взгляд. Глаза его при этом были сужены, взгляд сосредоточен и абсолютно непроницаем. Каждый раз она чувствовала, как по спине у нее бегают мурашки. В ее сердце закрадывался страх, что Джейсон давно обо всем догадался, давно раскрыл весь этот глупый маскарад и теперь соображает, как бы пострашнее отомстить бедной женщине. Но освежив в памяти события последующих дней, Каролин уверила себя, что бояться нечего, ведь Сомервилл никак не мог быть заинтересован в том, чтобы раскрывать ее игру!

Любопытство Каролин относительно леди Браутон сразу по приезде в Париж удовлетворено не было. Матушка Джейсона еще не вернулась из Италии и не намеревалась возвращаться в течение ближайшей недели. Но по возвращении она собиралась присоединиться к супругам в их фешенебельном отеле. Каролин очень надеялась, что ее сердце окажется несколько мягче

сыновнего. Наверху в их апартаментах, в элегантной гостиной, от которой в обе стороны отходили спальни, горничная распаковывала маленькие чемоданы Каролин. Последнюю охватило смущение при мысли о том, как, очевидно, была удивлена девушка, когда вынимала и раскладывала вещи: никто из тех, кто одевался так бедно, никогда не останавливался в этих номерах. Джейсон расположился в строгого вида кресле, обитом бархатом. Каролин прошла в свою спальню и прилегла, чтобы немного отдохнуть после изнурительного путешествия.

В течение трех дней Джейсон ни разу не покидал апартаментов, не взяв ее с собой. Каролин даже начала подозревать, что на ночь, когда она засыпала, он запирает двери ее комнаты. Для нее это было столь же неприятно, сколь и катание с ним в одной карете. Хотя в комнате можно было по крайней мере не тяготиться его непосредственным присутствием.

Каролин как раз выходила после полуденного сна в гостиную, когда в номер вошла холеная женщина. Она отличалась высоким ростом и имела королевскую статью. Ее седые волосы были уложены на затылке, а в ушах поблескивали скромные изумрудные серьги, прекрасно сочетавшиеся с роскошным платьем из темно-зеленого шелка, которое широким кругом волновалось у бедер. Стройную шею охватывал высокий ворот, отороченный кружевом, которое еще больше подчеркивало ее преисполненную достоинства внешность. Три широких кружевных волана черного цвета оттеняли благородный колер платья. В одной руке дама держала черный кружевной веер.

— Матушка! Как приятно вас видеть!

Джейсон улыбнулся и порывисто обнял ее. Пожилая женщина улыбнулась одними уголками рта, и в ее глазах загорелись веселые огоньки.

— Полагаю, — сказала она, — что мне следует ответить любезностью на любезность. Так вот, я тоже рада видеть тебя, хотя, честно говоря, твое письмо, отправленное из Бордо, едва не испортило мне весь отдых!

Улыбка Сомервилла, первое проявление подлинной доброжелательности с тех пор, как Каролин увидела его, погасла.

— Прощу прощения, — пробормотал он, — дело было срочное.

— Я догадалась об этом. А теперь не соизволишь ли ты рассказать мне, в чем же заключается это срочное дело? Какие-нибудь проблемы? — Тут дама устремила взор на свою якобы невестку:

— Синтия?

— Миледи... — начала было Каролин и внутренне содрогнулась: как же ей называть эту женщину, если она даже имени ее не знала.

Брови леди Браунтон поползли вверх.

— Господи, должно быть, в самом деле произошло что-то серьезное, если с «Селены» мы перешли на «миледи»!

— Я думаю, что Синтия не желает больше оставаться членом семьи Сомервилл! — заявил Джейсон, и его глаза заметали в Каролин стальные молнии.

— Прощу прощения, Селена, — заикаясь, поправилась Каролин.

Селена удобно устроилась в огромном кресле, а Каролин в нерешительности продолжала стоять, не зная, остаться ли ей в комнате или удалиться к себе. Мать Джейсона была не в курсе происшедшего, поэтому Каролин полагала, что сын пожелал бы рассказать ей обо всем наедине. Тем не менее Джейсон жестом пригласил ее сесть. Чувствуя себя довольно неловко, она присела на один из стульев со строгой спинкой. Джейсон заложил руки за спину и отошел к окну. Потом откашлялся.

— Матушка, мне нужна твоя помощь.

— Ты уже говорил об этом.

— Я бы хотел, чтобы ты сделала вид, будто Синтия отдыхала с тобой в Италии.

— Что?!

— Именно это я сказал людям. Теперь я хочу, чтобы ты поддержала меня.

— Но...

Темные, пронизательные глаза леди Селены забегали от сына к невестке и обратно. Каролин заметила, что они были зелеными, как и у ее чада, только несколько более яркие и без серебристых вкраплений. В отличие от глаз лорда Браутона в ее глазах, несомненно, светилося тепло и дружелюбие.

— Очень хорошо, — раздельно проговорила она, вновь поворачиваясь к Каролин. — А теперь, милочка, скажи мне, ты уехала отдыхать вместе со мной или присоединилась потом, чуть позднее?

— Это имеет значение?

— Конечно. Во-первых, твои данные должны совпадать с моими, а во-вторых, на борту со мной плыла леди Эмпелин Харрингтон. Даже если предположить, что бедная Синтия во время всего плавания находилась у себя в каюте, страдая от морской болезни, я все же должна была бы хоть раз упомянуть о своей великомученице-невестке, объявить, что она тоже здесь, на судне!

— Да, непременно, — согласился Джейсон. — Что ж, в таком случае будем считать, что она присоединилась к тебе в Венеции или Флоренции.

— Лучше остановимся на Флоренции. В Венеции я повстречалась с мисс Дженнифер Соумс, ты знаешь, она дочь сэра Ричарда, да-да, та самая, с лошадиными зубами! Она находилась там вместе со своей замужней сестрой, за что и благодарю Бога. Мне не пришлось встречаться с ней, но я чувствовала себя обязанной пригласить мисс Соумс на чай. А вот во Флоренции мне повезло больше. Там я не встретила ни единой души, знакомой мне.

— А я уже начал думать, что это вообще невозможно, — вяло заметил Джейсон, и Каролин не смогла подавить улыбку. Селена совершенно не была похожа на своего сына. Грациозная, приятная, с покладистым характером. Казалось, на Джейсона она оказывает положительное влияние.

— Могу я поинтересоваться, для чего мы затеяли эту игру в эти маленькие шарады? — мягко спросила леди Браунтон.

Губы Джейсона сжались.

— Мы с Синтией поссорились. Я... напугал и разозлил ее. В результате она сбежала от меня. И мне понадобилось определенное время, чтобы отыскать ее и убедить вернуться назад. Конечно же, в течение всех этих безумных недель она оставалась одна, без сопровождения и без покровительства своего мужа. Ты же понимаешь, мама, какой теперь скандал могут раздуть сплетники из высшего света.

Селена бросила на сына оценивающий взгляд, по которому Каролин догадалась, что леди Браунтон с большим недоверием отнеслась к его рассказу.

— Да, конечно, можно себе представить...

Каролин несколько удивило то обстоятельство, что голос Джейсона, обычно жесткий и грубый, смягчился, когда повествовалось об истории с Синтией. Как легко можно было догадаться, сын попытался скрыть от матери те сведения, которые, по его мнению, ранили бы ее. По всей видимости, леди Браунтон очень любила Синтию, и ей было бы крайне неприятно узнать о том, что мерзавка сбежала от мужа с другим мужчиной. Да, скорее всего так оно и было. В противном случае Джейсон вряд ли стал бы представлять Синтию в розовом свете.

С минуту Селена изучающе смотрела на Каролин, а потом промолвила:

— Я думаю, что первым делом мы должны купить тебе подходящее для путешествия платье. По магазинам отправимся завтра же.

Прежде чем Каролин успела что-либо сказать, Джейсон воскликнул:

— Ради Бога, мама, это не повод для походов по магазинам. Нам нужно вернуться в Лондон.

— Не беспокойся, несколько дней отсрочки погоды не сделают. В конце концов, после отдыха в Италии никто так не рвется домой. Или тебя ждут какие-то неотложные дела в Англии?

— Нет, но...

Сомервилл заколебался, и Каролин решила, что он, задумав умолчать о своем нежелании делить тесное пространство гостиничных апартаментов со своей женой, ищет убедительную причину для оправдания той поспешности, с которой намеревается вернуться в Англию.

— Впрочем, да, меня, безусловно, ждут дела!

— Но послушай, Джейсон, если ты и в самом деле хочешь, чтобы люди поверили в этот обман, ты не допустишь, чтобы Синтия прибыла в Лондон в столь неухоженном виде. И неужели ты можешь вообразить, что я, намеренно изменив маршрут и включив в него Париж, не посету ателье Уорта?

— Конечно же, ты права, — вздохнул Джейсон, — но как скоро вы со всем этим управитесь?

— Разумеется, к Уорту мы не пойдем, я пошутила, но у белошвеек, думается, мы получим подходящее платье за два дня. А у Уорта мы при желании сможем заказать новые вечерние платья, которые, конечно же, нам могут переслать потом. Я бы сказала, что трех дней, в крайнем случае четырех, будет вполне достаточно.

— Хорошо, я рассчитываю на тебя!

Джейсон был счастлив, что смог переложить заботу о Синтии на другие плечи.

Селена отобедала вместе с супругами в их номере. Атмосфера за столом была довольно теплой и дружественной благодаря веселой болтовне мамыши о своем путешествии и бесконечных расспросах о последних лондонских сплетнях. Каролин нашла леди Браутон приятной в общении и старалась все время направлять беседу в безопасное русло, говорить по возможности о тех местах и событиях, которые ей самой были знакомы с детства. Селена попросила ее рассказать об Озерном крае. Глаза Каролин разгорелись, когда она принялась описывать красоты родного пейзажа. Несколько раз ее колкие замечания заставили Селену рассмеяться, даже Джейсон хохотнул однажды, когда она повествовала о некоем Скайре, чьи земли лежали неподалеку от Грешам-Холла. Предупредительно избегала она говорить о своей семье. Чем меньше будет сказано о близнецах, тем лучше.

Когда после еды все дружно потягивали бренди, Селена вздохнула и с улыбкой посмотрела на свою мнимую невестку.

— Какая славная светская беседа. Знаешь, моя дорогая, я не припомню, чтобы раньше ты когда-нибудь рассказывала о своем детстве. Насколько я поняла, ты была единственным ребенком в семье, да?

Каролин почувствовала, как ее лицо заливают краской, и едва не вскрикнула, но прежде, чем она успела что-либо сказать в ответ, Джейсон со своим обычным бесстрашием объявил:

— Да, матушка, Синтия — единственный ребенок в семье. Правда, я не слишком хорошо осведомлен о ее ближайших родственниках. Может быть, это тетушка Элизабет? — спросил он, обращаясь уже к супруге.

Каролин сдержанно кивнула, стараясь изо всех сил оставаться в своей роли. Трудно поверить, но, похоже, Синтия никогда не упоминала о ней в этом семействе. Все же зачем ему нужно было лгать своей матери о сестре-близнеце? В тех немногих письмах, что когда-то она получила от Синтии, говорилось, что отец вычеркнул имя Каролин из семейной Библии, запретив слугам и домочадцам даже упоминать о ней. Следовательно, когда они прибыли в Лондон для представления Синтии ко двору, тетушка Элизабет, несомненно, предупредила Синтию ни словом не обмолвиться о своей беспутной сестрице, поскольку в противном случае мог разразиться серьезный скандал, совершенно испортивший бы первый балный сезон. Выходит, Джейсон о существовании Каролин даже не подозревал!..

Ее сердце пронзила острая боль. Мысль о том, что Синтия до такой степени стыдилась поступка своей сестры, что даже никогда не упоминала о ней, казалась унижительной. Но в то же время она почувствовала необыкновенное облегчение оттого, что Джейсон не имел ни малейшего представления о ее существовании. Теперь нечего было опасаться того, что он вдруг станет следить за ней и прислушиваться к каждому ее слову. Возможно, она покажется ему несколько странной, необычной, но мысль об обмане вряд ли придет ему в голову. Женщина, выдающая себя за примерную супругу, на самом деле отнюдь не примерна и даже не супруга вовсе? Никогда!..

После ужина Селена немедленно удалилась к себе. Каролин, вместо того, чтобы последовать в спальню, как она это обычно делала после приема пищи, направилась к тому внушительных размеров креслу, на котором минуту назад восседала леди Браутон. Теперь, после признания Джейсона, ее больше не беспокоило то, что она вдруг допустит ошибку и выдаст себя.

— Сегодня ты была на диво любезна с матушкой, — слегка поелозив на своем излюбленном

стуле, обитом бархатом, заметил Сомервилл.

— По-твоему, обычно я веду себя с ней грубо?

— Нет, конечно, нет! Ты всегда очень... вежлива. Да, вежлива, но более сдержанна и не столь приветлива.

— Вероятно, я сделалась столь, как ты сказал, любезна только потому, что провела некоторое время в обществе человека, люто ненавидящего меня!

Каролин вызывающе перехватила его несколько изумленный взгляд, и в течение полминуты оба они пристально смотрели друг на друга. Потом Сомервилл перевел глаза на ее губы, на грудь, на ноги. Внезапно она вспомнила его обещания не претендовать на свое место в ее постели. Этот мужчина считал себя ее мужем и думал, что знает все потаенные уголки ее тела. А что, если он придет к ней и на правах законного супруга примется целовать ее? Паника овладела Каролин, сердце учащенно забилось.

Как только Джейсон поднялся со своего стула, прекратив тем самым игру в «кто кого пересмотрит», Каролин сразу как-то вся сжалась.

— Если ты не возражаешь, я лягу сегодня пораньше, — голос Сомервилла прозвучал резко и грубо, — спокойной ночи, Синтия.

— Спокойной ночи, Джейсон.

Глава 4

На следующее утро, верная своему обещанию, леди Браутон взяла Каролин с собой, и они отправились по магазинам. Был закуплен целый набор одежды, включая шляпку густо-синего цвета, башмаки из мягчайшей кожи козленка с бахромой по верхнему краю, перчатки, отороченные лентами панталоны, лифчики и даже белые хлопчатобумажные чулки. К тому времени, когда Селена закончила покупки, на теле Каролин не осталось ни единой старой вещи. Все было новым и наилучшего качества. Селена умудрилась так задобрить и умаслить модного портного, что уговорила его Немедленно сшить для любезной невестки два платья для путешествий.

Много лет прошло с тех пор, как Каролин, прогуливаясь по элегантным магазинам и выбирая ткани и модели, могла позволить себе свободно, без оглядки тратить деньги. Но и сейчас она ограничила свои желания, остановившись только на самых необходимых вещах, которые могли пригодиться ей во время поездки в Англию. В конце концов, в Браутон-Курт в ее распоряжении окажется достаточно нарядов, принадлежащих Синтии. Каролин чувствовала себя виноватой в том, что обманывает Селену, хотя по поводу мистификации Джейсона не испытывала никаких угрызений совести. Конечно, лгать убеленной сединами матери этого чудовища с непроницаемым лицом, которая, по-дружески взяв Каролин за локоток, таскала ее по магазинам и, не скупясь, приобретала для нее дорогие вещи, было некрасиво.

Каролин была также благодарна представившейся ей возможности получить короткий урок о последних направлениях современной моды. Долгие годы, проведенные в Индии и обеих Америках, разучили ее следить за прихотливыми изменениями общественного вкуса, и она боялась проявить свою неосведомленность в этом вопросе, как только придется столкнуться с высшим светом Англии. Однако день, проведенный у Уорта вместе с Селеной, которая заказала там несколько ансамблей для осенне-зимнего сезона, позволили Каролин узнать, что, скажем, кисточки и бахрома, которые, казалось, присутствовали повсюду, являлись, так сказать,

последним пискom. Юбки уже утратили свою округлость и сделались слегка плоскими впереди и выпуклыми сзади, часто с небольшим шлейфом. Кашемировые шали отчасти потеряли свою былую популярность, но их все еще носили. В моду входили искусно сшитые комнатные туфли с перфорированным верхом, позволявшим демонстрировать цветные чулки.

Походы по магазинам вместе с леди Браунтон оказались настоящим удовольствием, причем за этим занятием Каролин не только счастливо избегала малоприятного общества Джейсона, но и получала возможность насладиться компанией Селены. Эта милейшая женщина, в чьих голубовато-зеленых глазах ни на мгновение не угасал какой-то невероятно притягательный, озорной блеск, взирала на мир не без улыбки, с оттенком крайне своеобразного юмора, скорее, впрочем, доброго и снисходительного, нежели циничного. Ее спокойная манера держаться на людях располагала к доверительному общению с ней. Сидя за чашкой кофе с пирожным в одном из парижских кафе, Каролин недоумевала, как у столь милой женщины мог вырасти такой угрюмый, бездушный сын. Видимо, мальчик пошел в отца, у которого был довольно крутой нрав. К тому же не исключено, что жизнь Селены была более суровой, чем это могло показаться при беглом взгляде на ее безмятежное лицо. А ведь ей приходилось мириться с не знающими сострадания мужем и сыном.

Джейсон обычно присоединялся к женщинам за ужином, проходившим, как правило, либо в гостиной отеля, либо в каком-либо фешенебельном парижском ресторане. Теперь, когда Каролин была принаряжена надлежащим образом, она могла принимать живейшее участие в фантастической ночной жизни французской столицы. Между прочим, несколько платьев Селены по ее собственному распоряжению были ушиты и подогнаны к стройной фигурке невестки. По цвету и фасону они несколько не соответствовали возрасту Каролин, но благодаря их добротности и своеобразному изяществу она могла посещать в них самые изысканные места развлечений.

Джейсон по-прежнему оставался молчалив, и саркастическая гримаска все так же не сходила с его физиономии. Тем не менее Селена взирала на него скорее с мягким участием, нежели с раздражением. Что до Каролин, то она прилагала все зависящие от нее усилия к тому, чтобы не обращать на него внимания вообще. Однако поведение женщин никак не отражалось на самочувствии Сомервилла. С каждым днем он становился все более мрачным и напряженным, и Каролин очень обрадовалась, когда в их апартаменты были доставлены платья от Дюмона — для путешествий. Теперь они могли покинуть Париж и направиться в Англию. Там, как все надеялись, настроение Джейсона улучшится.

— Конечно, это не самые хорошие платья, — критически заметила Селена, изучив новые поступления, — но для путешествий вполне сгодятся. Коричневый цвет довольно скучен, но на нем практически незаметны грязь и сажа. Кроме того, качество их превосходное. Каждое утро я буду присылать к тебе Изабелл, чтобы она заботилась о твоей прическе. Ты больше никогда не будешь выглядеть неопрятной. Мне, между прочим, нравится, что ты наконец избавилась от этих пошленьких локонов вокруг лица. Довольно мило, конечно, но мне кажется, что тебе больше подойдет несколько более строгий стиль. Ты сделаешься более привлекательна. Джейсон, тебе так не кажется?

Сомервилл, сидя в кресле и читая «Тайме», даже не взглянул на Каролин, когда она прошлась по гостиной, демонстрируя свои туалеты. На секунду опустив газету, он промямлил: «Да, матушка, твой вкус всегда был безупречен», — и потом тотчас уткнулся носом в колонки передовицы.

Каролин проигнорировала его столь кислое замечание, не желая портить себе удовольствие от ношения сделанных на заказ платьев — чудных, из приглушенно-коричневой и зеленой ткани.

Их превосходный покррой выгодно подчеркивал ее прекрасную фигуру, а богатая ткань оттеняла цвет кожи.

Джейсон свернул газету в трубку, поднялся с кресла и проговорил:

— Надо полагать, матушка, уж теперь-то мы вполне готовы к поездке, не так ли?

— Почему бы и нет. Конечно же!

— Прошу меня извинить, но я вынужден немедленно пойти и сделать все необходимые приготовления к тому, чтобы отправиться завтра же.

Селена вздохнула и, посмотрев вслед уходившему из комнаты сыну, покачала головой. Каролин поняла, что свекрови не терпелось забросать невестку градом вопросов. Пожилая дама повернулась к Каролин, но та отвела взгляд. Да, момент был упущен.

— Что ж, — несколько разочарованно пробормотала Селена, — тогда и мне нужно шевелиться. Пойду скажу Изабелл, чтобы начинала укладывать вещи.

— Да, конечно. Кстати, от всей души благодарю вас за платья. Они просто восхитительны.

Селена взмахнула рукой и ласково улыбнулась:

— Не стоит благодарности, моя милочка. Ты же прекрасно знаешь, как я люблю покупать платья.

Каролин проследовала в свою комнату, не желая встречаться с Джейсоном в случае его возвращения. Она сама упаковала вещи, купленные для нее Селеной здесь, в Париже, а старую одежду трогать не стала. Маленькая лакированная шкатулка, где хранились всяческие дорогие сердцу безделушки — подлинные сокровища для Каролин, были тем состоянием, которое она унаследовала от своей прежней жизни. Ничего более девушка с собой брать не собиралась. Прежде чем опустить шкатулку в новый кожаный саквояж, она присела на край кровати и открыла ярко блестящую крышку. Тотчас ей на глаза попала золотая пуговица. Каролин тщательно протерла ее большим и указательным пальцами. Если бы Джейсон хотел убить ее, то возможностей для этого у него на острове было больше чем достаточно. И все-таки его фигура в точности походила на фигуру того человека, что когда-то напал на нее ночью в Антигуа. Каролин нахмурилась. Возможно, Джейсон, а не она имел преимущество в настоящей ситуации. Не исключено, что она возвращалась на родину с человеком, который некогда пытался ее убить.

Она бросила пуговицу назад в шкатулку и захлопнула крышку. Нет, безусловно, все это были домыслы ошибочные. Нападавший на нее бандит, несомненно, остался в Антигуа.

Единственная опасность, которая ее может подстергать, — это опасность быть уличенной в самозванстве. Спрятав шкатулку под кипой новых шелковых шарфов, Каролин решила немедленно забыть о своей жизни в Вест-Индии и все начать с нуля. Теперь ее имя Синтия Сомервилл из Браунтон-Курт.

Трое путешественников сели на поезд, добрались на нем до Кале, где мигом погрузились на пассажирское судно и пересекли Ла-Манш. В каюте, которую Каролин делила с леди Браунтон, она, сказавшись больною, без проволочек завалилась в постель. К счастью для лицедейки, во время морского путешествия Селена едва обращала на нее внимание, поскольку сама, повернувшись лицом к стене, лежала на койке и изо всех сил пыталась одолеть тошноту и головокружение.

Ночь все трое провели в Дувре, а наутро опять сели на поезд. В вагоне Каролин прикрыла глаза и довольно скоро уснула, убаюканная мерным перестуком колес. Пробудившись спустя по меньшей мере час, она украдкой огляделась. Джейсон исчез, а матушка его спокойно посапывала, погрузившись в дрему. Что ж, теперь можно было безбоязненно любоваться милыми сердцу британскими ландшафтами!

Каролин смотрела на мелькавшие за окном поля, уже всюю зеленевшие, извилистые дороги, крохотные ручьи, при пересечении которых поезд коротко грохотал на небольших мостках. Все кругом было таким красивым, что девушка не уставала удивляться тому, как это ей удалось столь долгое время обходиться без отчих красот, в какой-то дыре... Раньше ей не случалось бывать в графстве Кент, потому что оно лежало достаточно далеко от ее родного Озерного края, но сочная зелень, степенная, мягкая прелесть окружающей природы были в высшей степени английскими. Совсем недавно она была совершенно уверена в том, что увидеть родную землю ей больше никогда не доведется. Теперь ей до боли хотелось оказаться снаружи вагона, кожей ощутить влажный, теплый воздух, вдохнуть всей грудью аромат английской деревни.

Каролин знала только то, что фамильный дом Сомервиллов находился в Кенте. Селена, надо полагать, прямо оттуда отправится в свой лондонский дом. Сопоставив кое-какие факты, девушка пришла к заключению, что Джейсон и Синтия столичной суতোлке предпочитали свое загородное обиталище. Что ж, это было вполне в духе сестрицы, поскольку она, как и сама Каролин, была уроженкой отнюдь не промышленных вавилонов, но тихого и спокойного Озерного края.

Поскольку никто, ни Джейсон, ни Селена, ни разу не упомянули названия какого-либо городка, вблизи которого мог находиться Браунтон-Курт, Каролин не составила себе ясного представления об их времени прибытия в конечный пункт. Посему крайне трудно было удержаться от распивавших ее вопросов и скрывать волнение.

Джейсон вернулся сразу, как только проснулась Селена.

— Подъезжаем к Барему, — улыбнулся он матери.

— Благодарю, дорогой. Господи, Синтия, наверное, я была ужасающе скучна, да?

— Что вы, что вы, какая чепуха! Леди, вы даже во сне сплетничали напропалую и восхитительнейшим образом острили. Я в общем-то сама всю дорогу спала, но все-таки кое-что уловила из ваших речей. Повторяю, восхитительно!

— Спасибо, милочка, но надо признать тем не менее, что я уже старею, да, старею...

Джейсон протянул обеим дамам шляпки. Селена тотчас свою нацепила и завязала под подбородком ленточки. Каролин последовала ее примеру. Вероятно, в Бареме нужно будет выходить...

— Броддас будет встречать нас? — осведомилась Селена.

— Да, — сказал Джейсон, — я отправил ему из Дувра телеграмму и попросил прислать карету. Путешествовать станет гораздо проще, когда власти закончат ветку на Хокли.

— Но с этими чадящими железными монстрами пейзаж вряд ли делается более привлекателен. Синтия, ты как думаешь?

— Думаю, технический прогресс только изуродует это райское местечко.

Хокли! Вот еще одно название, которое ей нужно сохранить в памяти. По всей видимости, Барем отстоит несколько дальше от Браунтон-Курт, нежели Хокли.

Въехав в небольшой городок, поезд замедлил ход и, издав шипение, остановился. Джейсон проводил своих спутниц через вокзал и подвел к элегантному экипажу, уже дожидавшемуся их. Лошадьми управлял одетый в ливрею мужчина, другой мужчина, также в ливрее, встретил их у дверей станции; как только в этих дверях появился Джейсон, он немедленно выпалил: «Милорд», — и лицо его осветилось широкой улыбкой. Подав знак кучеру и сорвав с головы шляпу, он стремглав бросился навстречу Сомервиллу.

— Рад тебя видеть, Броддас.

— Миледи! Миледи! — прокричал Броддас, усердно кивая Селене и Каролин. Он открыл дверь кареты и опустил металлические ступеньки. Трое путешественников, пока кучер следил за тем, как двое дюжих молодцев грузили багаж, удобно расположились в карете. Броддас вскарабкался на сиденье, и все отправились дальше. Каролин, чтобы скрыть охватившее ее возбуждение, скрестила руки на коленках.

Увидеть городок Барем ей не пришлось, так как открывать занавески на окнах Джейсон не стал. Но вскоре в темной карете стало очень жарко.

— Может быть, немного проветрить? — серьезно спросил Сомервилл у дам. — Похоже, становится душно.

— Да, пожалуйста, проветри, — поспешила ответить Каролин.

Джейсон поднял с ее стороны занавеску. Каролин, в надежде, что ее любопытство будет принято за желание несколько скрасить дорожную скуку, выглянула в окно и с интересом стала наблюдать за беспрестанно сменяющимися друг друга картинами. Все вокруг было окутано серым густым туманом, который тем не менее ничуть не походил на тропический. Они проезжали мимо яблоневых садов и полей с какой-то низкорослой травкой. Какой культуры был этот урожай, Каролин не признала. Но тут, словно отвечая на ее немой вопрос, Джейсон заметил, обращаясь к матери:

— Похоже, урожай хмеля мы в этом году соберем отменный, как думаешь? Через недельку-другую сюда начнут отовсюду стекаться сезонные рабочие.

— Они все такие противные, — поморщилась Селена, — ну прямо как цыгане. Надо не забыть убраться в Лондон к этому времени.

Джейсон рассмеялся и снова обратил взгляд на поля. В отдалении Каролин заметила блестящую на солнце воду. По пути она то и дело теряла ее из виду, но потом она неизменно появлялась вновь. То была река, и дорога тянулась почти параллельно ей! Уже далеко за полдень они оказались на вершине долгого подъема, и их взглядам открылся роскошный вид на эту реку.

— А вот и Тиз! — воскликнул Джейсон и улыбнулся.

«Ему дорога эта местность», — подумала Каролин. Теперь нужно было запомнить еще и название реки. Возможно, скоро она приведет свои знания в порядок и почувствует себя вполне привольно в дебрях всех этих новых дат, имен, географических названий.

Очень скоро они проехали деревушку Хокли. Когда солнце начало клониться к закату,

путешественники оставили главную дорогу и перебрались на сравнительно узкую тропу, вдоль которой тянулись яблоневые сады. Сквозь гущу плодовых деревьев часто виднелись крыши скромных, но чрезвычайно опрятных домиков. Завидев в карсте Джейсона, стайка детишек, игравшая у крыльца одного из подобных домиков, выразила радостными криками самый неподдельный восторг: казалось, они счастливы были видеть знакомое лицо. На пороге следующего, столь же аккуратного и ухоженного жилища стояла женщина и мела пол. При виде кареты ее лицо озарилось широкой улыбкой, и она со всех ног бросилась к дороге. Джейсон подал знак Броддасу, и тот остановил экипаж.

— Милорд! Ах, милорд, я хотела сообщить вам, что Джеми на следующей неделе возвращается домой!

— Вот как? — с удовольствием отозвался Сомервилл. — Замечательно. Я уверен, — добавил он, слегка высываясь из окна (женщина немедленно сделала ему на это очаровательнейший книксен), — уверен, что наш молодчага чувствует себя уже вполне хорошо!

— В общем, да. И хотя он уже никогда не будет так же здоров, как прежде, но если бы вы, милорд, не отослали его к тому чудесному доктору, бедняга попросту бы умер или в лучшем случае лишился ноги. Доктор сам сказал мне об этом. Так что мы с Клайдом в вечном долгу перед вами. Вы добрейший человек на земле!

При этих словах у Каролин широко раскрылись глаза — от удивления. Видно было, что слышанные ею излияния — не пустая лесть со стороны семьи, которая, как могло показаться, дешево арендовала у Джейсона землю. Женщина испытывала настоящую благодарность и истинное восхищение. Когда экипаж вновь тронулся, Селена, оглянувшись на все еще стоявшую у дороги селянку, спросила:

— О чем это вы разговаривали, сынок?

— Да ничего особенного, — небрежно ответил Джейсон и пожал плечами.

— Но похоже, для Мэри Фентон все сказанное было чрезвычайно важно!

— Полагаю, что так. Ее сын Джеми, латая крышу хмелесушилки, свалился на землю и сломал ногу. У него началось заражение крови, и я поспешил отвезти его в Танбридж-Уэлс к одному знакомому доктору. Очевидно, парнишка поправляется.

Каролин едва справилась со своим изумлением. Как Джейсон мог быть участлив к чужому горю и не испытывать ни капли жалости к собственной жене и ее страданиям?

Экипаж въехал в красивую буковую аллею, устье которой открывалось на просторной зеленой лужайке, где возвышался довольно большой дом. Вот и добрались, подумала Каролин, — Браунтон-Курт.

Здание было сложено из серо-коричневого кентского камня, линии имело необыкновенно чистые, хорошо продуманные. На фасаде не замечалось никаких излишеств: ни колонн, ни вычурной лепки. Дом был простой четырехугольной формы, в три этажа. На крыше вздымались четыре дымохода. По переднему скату располагались мансардные окна. Строение не поражало ни своими размерами, ни возрастом, ни изысканностью, к чему, например, привыкла Каролин в Грешам-Холл, но сама эта безыскусность дышала таким величием, таким изяществом, что приходилось только диву даваться.

Каролин представляла себе, что ее встретит темное, мрачное местечко, что-нибудь вроде

заново отстроенного старинного аббатства или, скажем, норманнского замка, холодного и чопорного. Но этот дом и его окрестности пронизаны были светом, теплотой. Дух гостеприимства, казалось, почивал на этих камнях, лужайках, аллеях. Каролин недоумевала, что заставило Синтию покинуть столь прекрасный, почти райский уголок.

Броддас остановил экипаж у высокого крыльца и, спрыгнув с облучка, открыл дверцу кареты. Прежде чем он успел опустить ступеньки, парадные двойные двери широко распахнулись, и вперед вышел седовласый, строгого вида старец:

— Добро пожаловать, милорд!

— Барлоу!

Джейсон выскочил из кареты и развернулся, чтобы помочь сойти дамам.

— Здравствуй, Барлоу, — улыбнулась Селена и по выщербленным каменным ступеням стала подниматься в дом Сурово, сановно поджатые губы Барлоу наконец расплзлись в широчайшей ответной улыбке.

— Как приятно снова увидеть вас, миледи! Мы и не подозревали, что вы тоже приедете!

— Да, миссис Морли придется теперь позаботиться о том, чтобы горничные приготовили еще одну комнату — Она с удовольствием сделает это, миледи.

Джейсон протянул руку Каролин, и та приняла ее с благодарностью. Сейчас, когда ей предстояло вступить в дом, она особенно нуждалась в поддержке, кто бы се ни оказывал. Бедняжка очень нервничала, так как не знала имен слуг. Между тем, когда Барлоу ввел их в дом, эти слуги уже выстроились вереницей. Каролин судорожно сглотнула: Боже, как много! И каким же образом с ними справляться? Впрочем, она знала, что все они выстроились в соответствии с рангами. Первой шла миссис Морли, о которой уже успела упомянуть Селена. Каролин несколько смятенно улыбнулась ей и поздоровалась.

— Добро пожаловать, миледи! — был, как водится, ответ.

Проходя вдоль шеренги и любезно отвечая приветствиями на поклоны, Каролин успела заметить, что оказываемый ей прием был заметно прохладнее того, что оказывался Джейсону и Селене. Очевидно, Синтия своим побегом глубоко задела честь семьи Сомервилл, которой, надо полагать, большинство слуг и принадлежало. И что бы ни придумывал Джейсон, как бы ни старался скрыть скандал от преданных ему людей, на чьих глазах Синтия покинула дом, это ему не удастся: едва ли они поверят в его итальянскую сказку. Ясно, что Синтия сыскалась отнюдь не во Флоренции!..

Впрочем, не слишком приветливые лица прислуги весьма в малой степени обескураживали Каролин: подобную встречу нетрудно было предвидеть. И вдруг в толпе ей бросилось в глаза до боли знакомое лицо, благословенное лицо...

— Бонни! — воскликнула она и протянула вперед руки.

— Миледи! — Руки служанки встретились с руками госпожи и успокоительно погладили их.

Бонни была женщина довольно худая, плоскогрудая, с невозмутимым выражением лица и поразительно маленьким и бледным ртом. Однажды в детстве Каролин видела ее с распущенными волосами и поразились тогда их пышности. Однако Бонни постоянно собирала

их на макушке в тугой узел, таким образом утаивая свое сокровище ото всех решительно. Да, не узнать ее было невозможно, хотя в ней уже и не осталось ничего от прежней пухлощекой няни. Бонни присматривала за сестрами, пока те не вступили в пору своего отрочества. Она была весьма строга к близнецам, но все же любила их до безумия, хотя чувство к Каролин приправлялось обычно изрядной толикой досады. Но, как ни верти, Бонни была тем единственным человеком, который был вполне знаком Каролин в этом доме. Ласкал слух даже легкий северный акцент няни.

— У вас очень усталый вид, миледи.

— Боюсь, что ты права, — пробурчала Каролин, стараясь не выказать своей радости.

Когда наконец все слуги были обойдены, Бонни бросилась к своей воспитаннице.

— Позвольте мне проводить вас в комнату, миледи, — попросила она, — я помогу вам раздеться. Потом вы согласитесь, надеюсь, на чашечку горячего шоколада. Ладно? Это будет как раз то, что надо, не правда ли?

— Да, пожалуй!.. Джейсон, ты извинишь меня?

— Ну конечно же! — согласился тот с поспешностью почти неприличною, будто ему не терпелось избавиться от присутствия благоверной.

Бонни проводила ее наверх, в комнату Синтии. Каролин была признательна няне за то, что та показывала дорогу, которую в лабиринте многочисленных коридоров очень трудно найти без посторонней помощи. Бонни отступила в сторонку и пропустила Каролин вперед. Та вошла в освещенную лучами заходящего солнца комнату, довольно просторную. Нарядная массивная мебель, покрытая искусной резьбой, несколько гнетуще подействовала на привыкшую к куда более скромной обстановке лицедейку. Украшенное бахромой постельное покрывало, тяжелая, синего бархата, драпировка, обои, испещренные огромными нежно-розовыми маками, — все это казалось излишне громоздким даже в такой просторной комнате.

— Присядьте здесь, — указала Бонни на стул перед туалетным столиком, — а я расчешу вам волосы.

— Что ж, было бы неплохо. Благодарю тебя, милая Бонни!

С этими словами Каролин сняла шляпку и положила ее на столик. Быстрыми, ловкими руками Бонни вытащила из волос своей воспитанницы заколки, расплела косы, тотчас начав их расчесывать.

— Не рассказали бы вы мне, мисс Каролин, что вы такое натворили?

И голос, и сама фраза были настолько знакомы девушке, что она не сразу поняла, о чем речь.

— Как ты назвала меня? — спросила Каролин, пристально посмотрев на служанку.

— Я назвала вас Каролин. По-вашему, я ошиблась? Ну нет. Неужели вы думаете, что можете одурачить Бонни, а? Я всегда хорошо различала вас с Синтией. — Тут старушка прикоснулась к бледному шраму на затылке Каролин и заявила:

— Вы обзавелись этой отметиной, когда упали, будучи всего трех лет от роду, и разбили голову о буфет вашей матушки. Кроме того, мисс Каролин, волосы у вас заметно светлее, нежели у

сестры, а кожа, напротив, темнее. Это оттого, что много времени провели в жарких странах.

Каролин внимательно изучала себя в зеркале. Обо всем, что сейчас ей выложила Бонни, она и не задумывалась. Она пыталась когда-то защитить свою кожу, одевала широкополые шляпы и пользовалась зонтиком, но, несмотря на все ее ухищрения, лицо и руки сильно зато загорели. Волосы, разумеется, выцвели.

— Да, Бонни ты всегда была очень наблюдательна и умна.

— И слава Богу! Иначе вы заставили бы меня повертеться. Но теперь все-таки скажите, зачем вы здесь и зачем выдаете себя за Синтию?

Каролин с некоторым облегчением вздохнула: пускай она изобличена в своем притворстве, зато теперь появился человек, с которым можно поделиться чем угодно. Тем более замечательно, что этот человек — Бонни. Она всегда встанет на ее сторону и наверняка никому не сообщит о своем открытии.

— Я пока что и сама не знаю, зачем я здесь и для чего скрываюсь. Но в любом случае, Бонни, спасибо, что не выдала меня там, внизу!

— Можно подумать, — фыркнула Бонни, — я побегу ему обо всем докладывать. Что бы ни происходило, это не его ума дело!

— Его — лорда Браутона? — ухмыльнулась Каролин. — А мне, казалось, что если тебе вместо твоей супруги подсовывают какую-то левую бабенку, то это прежде всего тебя самого и касается!.. Ха-ха!.. Кстати, ты же знаешь, что Синтия сбежала?

— Конечно, знаю! Я так прямо вся и обмерла, когда его светлость прислали сообщение, что возвращаются-де домой с леди Селеной и леди Синтией. Сначала я не признала вас, мисс Каролин, но потом живо почувствовала разницу. А как распустила волосы и увидела небольшой шрам, этакий маленький шовчик на затылке, то убедилась в справедливости своих догадок. Но куда же подевалась настоящая Синтия?

— Мне бы и самой хотелось знать об этом, — проговорила Каролин, вставая со стула и запуская в волосы пальцы — но знаю-то я еще меньше твоего... Я находилась в Антигуа, когда ко мне пожаловал лорд Браутон. У меня не было ни малейшего представления о том, кто он и чего от меня добивается. Ты же помнишь, Бонни, я была отлучена от семьи задолго до свадьбы Синтии. Наконец догадалась, что передо мною, должно быть, муж моей дорогой сестрицы, ошибочно принявший провинциальную актрисочку за свою супругу. Он сказал, что выследил беглянку на островах, где она скрывалась с человеком по имени Деннис Бингем. Это правда?

— Да, как правда и то, что Деннис — настоящий джентльмен, — ответствовала Бонни. — Совсем не таков, как его светлость. Джейсон скорее настоящее животное, чем настоящий джентльмен!

— Я уже успела убедиться в справедливости твоих слов. Как есть животное! Тем не менее я также поняла, что окажу Синтии определенную услугу, если не стану разочаровывать Сомервилла и позволю ему и дальше думать, что я — это она.

— Верно, — согласилась Бонни, но тут же, поджав губы, добавила:

— Вам всегда нравилось попадать в переделки. Хотя на сей раз вы поступаете верно. Это поможет ей...

— Хорошо! Раз так, значит, ты поможешь мне!

— Конечно, нужно сделать все возможное, чтобы помочь бедняжке избавиться от этого изувера Джейсона. Но что могу сделать я?

— В твоих руках главное, что интересует меня: сведения, сведения и еще раз сведения. Обо всем, что творилось и творится в этом доме, в этой семье. За последние пять лет я ничего не слышала о жизни своей сестры. Мне не знакомо расположение комнат в этом здании. А для того, чтобы не допустить промаха, необходимо знать как можно больше!

— Я расскажу тебе все, что знаю.

— Но сначала объясни, что именно заставило Синтию сбежать? Джейсон обвинял ее в связи с этим Бингемом?

— Да нет, все стряслось не со зла! — поспешила заверить Каролин Бонни. — Синтия — настоящая леди. Но наш ангел не мог ужиться с этим дьяволом Сомервиллом. Она никогда не любила его и вышла замуж только потому, что таково было желание ее отца. Синтия хотела угодить сэру Невиллу, особенно после того, как вы удрали с юным господином Мейбри. Папаша бушевал неслыханно и повсюду болтал о том, сколь эгоистичны оказались его дочурки. Он умолял Синтию не покидать его, не следовать вашему, мисс Каролин, примеру. Ну, так она и вышла замуж за лорда Браутона, правда, тогда он был всего лишь Сомервиллом. Три года назад отец Джейсона умер. Его светлость, я разумею Джейсона, конечно, а не покойника-отца, тотчас бросились разыгрывать перед вашей наивной сестрицей целый спектакль, прикинулись обезумевшим от любви юнцом, таскали цветы и конфеты. Конфеты конфетами, однако сразу после свадьбы его светлость не замедлили обратиться в гнуснейшее животное, о чем уже, впрочем, было говорено.

Каролин не удивило то, что под затейливыми ухаживаниями порой скрывается натура грубая и деспотичная. Джейсон и Синтия могли сколько угодно кокетничать друг с другом, танцевать на приемах, сидеть рядышком за чаем, но наедине их никогда не оставляли. Беря в рассуждение наивность Синтии и то давление, которое на нее оказывал отец, можно было предположить, что она и в самом деле вышла замуж без любви. Восемнадцатилетней девчонке явно не хватало жизненного опыта, да и никакого представления о настоящей любви у нее быть не могло.

— Бедное дитя, — продолжала Бонни сокрушенно, — она иногда пыталась мне рассказывать о том, какие вещи выделявали его светлость.

— Вещи? Какие вещи?

— Отвратительные вещи, — мстительно сощурилась Бонни. — В постели. Синтия говорила мне, что его светлость требовали от нее в постели выполнения различных греховных, богомерзких действий. Бедняжка чувствовала себя униженной, раздавленной от унижения... Он хохотал над ней, глумился... Вы совсем не знаете его светлости, мисс Каролин. Одного их взгляда достаточно, чтобы обратить человека в глыбу льда. Он ужасный, ужасный человек.

Выходит, Браутон, подумала Каролин, принуждал ее бедную сестрицу утолять его ненасытную жажду всевозможных сексуальных извращений. Подобное открытие несколько смутило мнимую леди Браутон и навело на мысли, что настоящая леди Синтия Браутон могла и не вынести мужниного темперамента.

Каролин помнила, что отношение к ней Кита в постели было всегда теплым, ласковым,

позитивным, но все же едва ли разделяла его восторг. Он научил ее доставлять удовольствие мужчине и получать его самой. Однако муженек никогда не увлекал ее, ибо относился к ней не иначе, как к партнеру, — безусловно, партнеру уважаемому, добросовестному, но все же партнеру и только. Впрочем, иметь мужа неласкового и невнимательного, во главу угла ставящего силу и жеребячий нахрап, — еще хуже!

— Мисс Синтия очень обрадовалась, когда его светлость перестали приходить к ней в комнату по ночам. Джейсон сказал, что утратил к ней как к женщине всякий интерес. Бедняжка сокрушалась, что ей не суждено изведать в жизни ни любви, ни счастья. Что ж, по крайней мере ей больше не пришлось сносить боль и унижения. Тогда-то она и повстречалась с мистером Бингемом. Мистер Деннис Бингем — прекрасной души человек. Но он друг господина Хью.

— Кого?

— Хью Сент-Джонса, двоюродного брата его светлости. Он проживает в поместье Грейхилл. Он хороший человек, даром что друг его светлости. Оно и не мудрено, что друг: родственники, росли вместе...

— А мистер Бингем? Синтия полюбила его?

— О да!.. Однажды вечером она заглянула ко мне, глаза светятся, что твои звездочки, и говорит, значит: «Нянюшка, — говорит, — я, — говорит, — любовь свою нашла. Уж думала, любви-то и не бывает настоящей, а тут возьми и подвернись мистер Бингем». Ну, я знала, кого она имеет в виду. Хотя это было грешно: девушка замужняя и все такое! Но Деннис хорошо с ней обращался и любил ее люто! Просто-таки ужасно любил! Какая счастливая перемена после стольких лет унижения и скорби с его светлостью! Ну, когда она окончательно решилась сбежать с мистером Бингемом, я помогла ей упаковать вещи и улизнуть из дому. Также я позаботилась и о том, чтобы утром никто не пришел будить ее.

— А Джейсон Он разве не разозлился на тебя?

— Да он не знал, что я замешана в этом дельце. Тогда я уверила всех, что накануне побега Синтия просила не тревожить ее с утра. Было единодушно решено, что беглянка обманула и меня. А его светлость слишком слабо интересовалась своей супругой, чтобы знать о ее близости со мною — А куда она отправилась, ты не знаешь?

— Нет, — покачала головой няня, — она не решилась открыть мне это. Видимо, из осторожности. Если б я была в курсе, то мне пришлось бы лгать его светлости. Синди же хотела, чтобы я всегда отвечала правдиво.

— Но укатить в Вест-Индию — это никак не похоже на нее, ведь верно?

— Индию? Прodelать путешествие на корабле? Нет, не похоже. Я про себя решила, что она направилась во Францию или в Германию. Ей всегда там очень нравилось.

— Мне тоже приходила в голову такая мысль. Джейсон, очевидно, проследил ее до порта. Там он обнаружил, что беглецы заказали рейс до Антигуа на его имя. Ему показалось, что они были глупы и неопытны, раз оставили столь заметные следы. Но я подозреваю, что Синтия попросту ввела в заблуждение своего тирана-супруга. Джейсону просто повезло, что на островах он наткнулся на меня.

— Господь хранит наше бедное дитя! — заметила Бонни. — Он дает ей шанс.

Для Каролин внешне противоречивые верования Бонни всегда были непонятны Няня часто качала головой и предупреждала ее, что язычница и что в будущей жизни готовится принять на себя все адовы муки.

— Надеюсь, тебя минует чаша сия, — с отчасти кощунственной дипломатичностью ответствовала Каролин. — А теперь, няня, потрудись рассказать мне как можно подробнее об этом доме и о прилегающем к нему парке.

— Позади дома раскинулся сад, очень красивый, хотя в это время года большинство цветов уже осыпалось. В глубине сада протекает речка.

— Тиз?

— Верно. Кругом ничего особенного. Так, поля хмеля. Его светлость владеют превосходными землями...

— А что это за странные домишки с остроконечными, похожими на колпак, крышами?

— Это хмелесушилки. Хмель там высушивается в печах. О, тебе еще следует знать о сторожевой башне.

— Что это?

— Сторожевая башня Хемби. Сначала это была крепость. Но из семьи Хемби не осталось никого. Они каким-то образом были связаны с родом Сомервилл, обосновавшимся в Грейхилле. Сторожевая башня разрушилась. В шестнадцатом столетии Сомервиллы построили вот этот дом, причем для его возведения использовались камни, взятые с руин сторожевой башни. Развалины существуют и по сей день. Они лежат к югу отсюда, на холме. Туда без труда можно добраться пешком. Мисс Синтия часто хаживала в те края. Она говорила, что там ей очень спокойно и хорошо. Она любила бывать одна.

— Расскажи мне о деревне и о людях, которые живут поблизости. Сегодня я встретила женщину, которую леди Селена назвала Мэри Фентон.

— Видимо, это жена Клайда Фентона. Они у его светлости арендуют землю. Всегда арендовали и вообще испокон веков живут рядом с Сомервиллами.

Бонни продолжала называть имена важных людей в округе, имена многочисленных арендаторов, а также имена работников поместного парка. По просьбе Каролин она начертила приблизительный план дома, его первого и второго этажей, и назвала каждую комнату. Когда Каролин спросила о третьем этаже, Бонни лишь покачала головой.

— Он не используется, мисс, — сказала она, — конечно, если только не случается большой наплыв важных гостей. Мебель там обычно забрана чехлами. На чердаке устроены комнаты для прислуги. Но вам нет нужды изучать их. Я глубоко сомневаюсь в том, что мисс Синтия когда-либо навещала туда.

— На сегодня, думаю, достаточно, — вздохнула Каролин, потягиваясь. — Боюсь, я получила сведений гораздо больше, чем в силах переварить в один присест Ты была совершенно права, когда заикнулась о моем усталом виде. Нужно немного вздремнуть, перед тем как начать переодеваться к обеду.

— Очень хорошо, мисс Каролин. Когда понадобится, позовете!

Как только Бонни вышла, Каролин бросилась обследовать комнату. Она открывала ящики и дверцы стальных шкафов, где бесчисленными рядками висели и лежали богатые наряды. Здесь были пеньюары и нижнее белье из шелка и кружев, чулки всех цветов, оборчатые нижние юбки, панталоны, отделанные кружевами, и сорочки, украшенные тонкими, нежных цветов, лентами. Она увидела высокую кипу льняных носовых платков с монограммой и опять-таки кружевным краем. Кружевные воротнички и косынки, переливающиеся шарфы, предназначенные для прикрытия плеч, лежали в стопках по дюжине. Лакированные шкатулки были переполнены серьгами из жемчуга, слоновой кости, жадеита и прочих камней красоты неописанной. В одном из ящичков она обнаружила убранные на лето меха: муфты и шляпки из лисы и шиншиллы, норковая накидка, подбитое соболем пальто. Другой ящик переполняли солнцезащитные зонтики, сделанные из шелка и тафты, с кружевами и бахромой. Матерчатые и кожаные перчатки различной длины и расцветки соседствовали с коллекцией раскрашенных пергаментных вееров на костяных ручках и в перламутровых чехольчиках.

На туалетном столике выстроилась батарея разнообразных флаконов. В ящиках лежали заколки и сеточки для волос, некоторые из которых были изготовлены из шелка, а некоторые из бархатной ленты, нарядные гребни, атласные ленточки для вечерних платьев. В другом ящике находились кашемировые и пайсельские шали, легкие накидки, сплетенные из шантильских и мальтийских кружев. В шкафу вишневого дерева на полках помешались шляпные картонки. Каролин снимала эти картонки одну за другой и изучала их содержимое. Там она обнаружила широкополую соломенную шляпу для жаркой погоды в деревне, зимний капор и множество шляп различного цвета и фасона, подходящих к отысканным там же платьям. Под шляпными картонками ровными рядами выстроилось почти такое же количество обуви: разного рода ботинки, мягкие домашние туфли из бархата, нарядные туфли на высоких каблуках для вечерних выходов. Богатство и разнообразие одежды и аксессуаров поражало. Среди этого великолепия, которое, казалось, жило своей собственной жизнью, Каролин почувствовала себя человеком маленьким и незначительным. Наконец, повернувшись к огромному, красного дерева шкафу, она увидела ряд туалетов, которые не могли ей присниться даже в самых смелых снах. Там были вечерние и дневные платья, платья для прогулок, бальные наряды. Все это оказалось сработанным из самых дорогих тканей, какие только ей когда-либо доводилось видеть: поплина, муслина, шелка, — тафты, бархата. Богатство расцветок поражало не меньше. Многие платья были пастельных тонов: бледно-желтые, голубые, розовые, с оборками и воланами. Но больше других внимание Каролин привлекли три платья в самой глубине шкафа: одно — цвета красного бургундского вина, другое — изумруда и третье — полночной сини. Жадно прикоснулась она к последнему платью, сшитому из атласа. С пологой линией выреза и широкой тафтяной лентой наряд дышал красотой и элегантностью. Каролин так давно не трогала своими руками подобных вещей, что только теперь поняла, как изголодалась по этому дивному ощущению — осязаемости изящества! Красота все время манила ее, но по бедности, в которой она жила, дорогие покупки делать не приходилось. Каролин понимала, что ее попросту мучило тщеславие, но остаться равнодушной к тем благам, которые с такой легкостью отронила Синтия, не представлялось возможным. Пусть только на краткий срок, но она позволит себе окунуться в эту роскошь, она оденет все эти богатейшие одежды и будет блистать в них, не испытывая ни малейшей неловкости.

Каролин немного вздремнула было, но какая-то девушка ее разбудила. Очевидно, это личная служанка Синтии, в ужасе подумала Каролин. Как же ее звать?

Полли? Памела?. Судорожно пыталась она вспомнить имя прислуги. Ах да! Присцилла!

— Прошу прощения за то, что разбудила вас, миледи, но уже скоро обед.

— Да, конечно, все в порядке!

Каролин села и потянулась. Она чувствовала себя достаточно отдохнувшей и желала без проволочек облачиться в выбранное ею платье.

— Как ты думаешь, Присцилла, у меня есть время для ванны? С дороги я кажусь себе крайне чумазой.

— Да, миледи, если вам угодно. Я приготовлю ванну немедленно.

— Спасибо, Присцилла, — улыбнулась Каролин.

Девушка сделала книксен и выскользнула из комнаты.

Через несколько мгновений она вернулась с другой служанкой. Вместе они втащили небольшую металлическую ванну, поставили ее перед камином и ведрами живо наносили в нее воды. Потом Присцилла принесла горячий чайник и стала лить кипяток, что делала до тех пор, пока температура воды в ванне не стала приемлемой для вольготного купания в ней. Каролин издала вздох простого чувственного удовольствия, когда погрузилась в ванну. Ей подумалось, что она могла бы провести в этой ласковой, бережно обнимающей ее тело воде целую вечность.

По завершении процедуры Присцилла насухо вытерла свою госпожу, затем помогла одеть шелковое белье и принялась затягивать корсет, с каждым рывком значительно зажимая талию Каролин. Далее пришел черед нижней юбки, за которой последовал громоздкий каркас кринолина, удерживающий эти самые юбки на должной ширине. Присцилла собрала волосы Каролин в элегантный пучок, вокруг шеи повязала черную бархатную ленточку с перламутровой камеей. Серьги с такими же камеями она вдела в уши. Когда Каролин поднялась, Присцилла тщательно расправила на ней складки бирюзового вечернего платья и застегнула на спине пуговицы.

— Ах, миледи, вы всегда так чудесно выглядите, — восторженно прошептала Присцилла.

Стоя перед широким зеркалом, Каролин вынуждена была признать, что в самом деле выглядела обворожительно. Богатая ткань платья, волнение, охватившее ее оттого, что она надела его, окрасили кожу в алый цвет и зажгли огонь в глазах. Яркая бирюза углубила голубизну ее глаз, изумительный вырез платья подчеркивал совершенство фигуры. Каролин улыбнулась, почувствовав, как вселяются в нее уверенность и смелость. Пусть Джейсон ведет себя самым отвратительным образом, сегодня вечером она будет наверняка в силах противостоять ему!

Глава 5

Руководствуясь небрежно набросанным Бонни планом дома, Каролин сумела отыскать столовую без каких бы то ни было приключений. По дороге она старалась примечать каждую мелочь. Не доходя столовой, она увидела Джейсона, вернее, его спину. Он находился в гостиной, где перед едой, как и в доме ее отца, собиралась вся семья. Зная, что бросает вызов Сомервиллу, Каролин вошла в комнату. Джейсон обернулся и смерил ее свирепым взглядом, причем Каролин вдруг ощутила всю силу его магнетизма и подалась вперед. Внезапно она вспомнила прикосновение его твердого мускулистого тела, когда он схватил ее сзади в Антигуа. Когда Каролин вообразила, как он берет ее на руки и целует, то испытала испепеляющий прилив эмоций, нечто сродни смеси ужаса и ожидания.

— Джейсон! — едва слышно произнесла она Джейсон вздрогнул и мрачно нахмурился.

— Черт тебя поberi! — выругался он.

— Я... прошу прощения...

— Неужели ты думаешь улестить меня тем, что напялила это платье? Мы, кажется, эту тему давным-давно обсудили, Синтия. Я не настолько глуп, чтобы поверить, что тебе ни с того ни с сего вдруг понравилось носить вещи, которые я тебе подарил. Душа Каролин ушла в пятки. Конечно! Как только она не поняла этого сразу? Синтия никогда не стала бы носить те платья ярких расцветок. Именно поэтому они были припрятаны в самый дальний угол шкафа. Синтия любила пастельные тона, ленточки, кружева, оборки. В манере одеваться она была полной противоположностью Каролин. Нет сомнений, что броские, пестрые платья купил Синтии муж, и она старалась надевать их пореже.

Язвительный, если не попросту грубый тон Джейсона рассердил Каролин, и первым ее порывом было выпалить ему в ответ что-нибудь в столь же резком духе. Однако делать подобных вещей не стоило, и она сдержалась, ибо и так уже допускала кое-какие промахи, исполняя роль кроткой Синтии. Превозмогая себя, она опустила голову и смиренно пролепетала:

— Я могла перемениться, Джейсон.

— Ты не способна меняться, — заскрежетал зубами Сомервилл и, отвернувшись, направился к буфету. — Выпьешь шерри?

Каролин не знала, любила ли Синтия ликер. Или это, быть может, казалось ей вульгарным — пить шерри перед обедом? Не попытка ли это Джейсона разгадать тайну Каролин?

— Пожалуй, выпью, — рискнула согласиться девушка. С безразличным выражением лица напил он небольшой стакан шерри, потом брезгливо, точно боясь заразиться проказой, протянул его Каролин. Тот факт, что Джейсону было противно прикоснуться к ней, плохо вязался с отблеском того пламени, что вспыхнуло в его глазах при входе Каролин в комнату. На этот счет она не могла ошибиться.

Каролин села на обтянутый бархатом стул и начала маленькими глотками опорожнять свой бокал, стараясь при этом не замечать назойливых перебежек Джейсона из угла в угол. Выпив спой ликер, он мгновенно налил себе еще порцию и также расправился с ней.

— Думаю, с Лорел ты еще не виделась, — выпалил он вдруг.

Лорел?! Бонни не упоминала ни о ком, у кого бы было такое имя, — ни служанку, ни соседку.

— Нет. Я... вздремнула немного.

— Ничего другого нельзя было и ожидать, — усмехнулся Сомервилл. В голосе его сквозило презрение.

Очевидно, Джейсон полагал, что она должна была бы обязательно навестить Лорел, кем бы та ни являлась. Родственница? Соседка? Но не мог же он подумать, что она бросится навещать кого-либо вне дома тотчас по приезде? Необходимо было добыть информацию.

— А ты уже виделся с ней?

— Ну разумеется!

— И как она?

— Как обычно, без изменений.

— Это хорошо.

Не покажется ли Джейсону странным, если она спросит его о том, возможно ли увидеть Лорел за обедом? Наверняка покажется, если речь идет о любимой старушке няне. Но кто бы ни была эта особа, она почти наверняка больна. В противном случае, думала Каролин, она бы вышла поздороваться с ними по приезде.

— Она спрашивала обо мне?

Джейсон посмотрел на Каролин с ненавистью:

— Похоже, в бегах ты сделалась еще более жестокосердной, чем раньше, достигла, так сказать, новых вершин в искусстве ранить человека!

Итак, она допустила еще один промах. Но какой?

— Прости, я не хотела показаться тебе злодейкой, просто меня интересовало...

— Она тебя никогда не интересовала! — прорычал Сомервилл, причем глаза его сделались холодными, стальными. — Бога ради, не притворяйся. Раньше ты всегда прямо говорила о своем отвращении к ней. Какую же игру ты ведешь сейчас? Не собираешься ли ты убедить меня в том, что ты прекрасная мать и примерная жена? Поверь мне, у тебя ничего не выйдет! Уж я-то знаю, что в твоём ледяном сердце нет ни капли любви ни к кому из нас. Ты самая плохая мать из всех мною виденных. Животное больше заботится о своём потомстве, чем заботишься ты! О своём!!

Каролин не сводила с Джейсона глаз, не в состоянии произнести ни слова. Казалось, голова ее как-то разом опустела, все мысли как будто выдуло ветром. Сомервилл бросил на нее свирепый взгляд и, повернувшись порывисто, зашагал к двери и выбрался в коридор. В это самое мгновение в столовую вплыла величавая Селена и едва не столкнулась с сыном.

— Что случилось, Джейсон? — воскликнула она, отпрянув.

Джейсон быстро собрался с силами и, поборов гнев, проговорил сдавленным голосом:

— Ничего. Просто я забыл в своей комнате одну вещь и собирался сейчас сходить за ней.

— О, конечно же!

Селена повернулась к Каролин и поздоровалась:

— Здравствуй, Синтия.

— Здравствуй, Селена! — поприветствовала в ответ Каролин, хотя полностью была поглощена размышлениями над той репликой, что бросил ее Джейсон. Он назвал Синтию самой плохой матерью. Мать! В этом было что-то невообразимое. Нет, это невозможно! Вероятно, Сомервилл раньше был женат и Лорел досталась Синтии в приемные дочери. Джейсон, видимо, считал, что Синтия плохо относится к ребенку, хотя Каролин и представить не могла, чтобы ее сестра плохо обращалась с детьми.

— Ну что, теперь можно идти обедать?

Джейсон проводил мать, а Каролин пошла за ними следом. Сомервилл предложил стулья обеим женщинам, а сам уселся в головном торце огромного стола. Каролин находилась справа от него, а Селена слева. Создавалось впечатление, будто все обедавшие сгрудились в этой комнате только для сохранения тепла и безопасности, хотя за столом могло расположиться человек пятьдесят, то есть гораздо больше, чем было сейчас.

Обед длился долго, одно блюдо сменяло другое. Каролин казалось, что этим переменам не будет конца. Джейсон хранил молчание, говорила в основном Селена. Этим вечером Каролин была слишком занята своими мыслями, чтобы поддерживать светскую беседу. Наконец сдалась и Селена. Трапеза завершилась в неловком молчании. Вскоре Каролин, извинившись, сослалась на усталость и попросила разрешения удалиться.

Разрешение было получено немедленно, причем было сопровождено пожеланием доброй ночи. Желала того, конечно же, Селена. Каролин поднялась по лестнице. Там она позвонила служанке, и мгновение спустя Присцилла уже стояла перед своей госпожой и помогала ей раздеваться. Каролин, стараясь говорить равнодушно, попросила:

— Присцилла, будешь уходить, пожалуйста, скажи Бонни, что сегодня вечером мне необходимо увидеть ее.

— Обязательно, миледи.

Присцилла бережно повесила в шкаф нежное шелковое платье и распустила шнуровку корсета Каролин. Та скользнула в кружевной пеньюар, который Присцилла загодя разложила на кровати, запахнулась и подвязалась мягчайшим кушачком. Присцилла опустила на колени и надела на ноги Каролин легкие комнатные туфли из бархата. Потом она поднялась и стала проворно вытаскивать из волос хозяйки заколки.

Каролин прикрыла глаза, и, пока Присцилла плавными движениями расчесывала ей волосы, предавалась своим мыслям. Закончив работу, девушка положила щетку с серебряным верхом на туалетный столик и спросила:

— Что-нибудь еще, миледи?

— Нет, спасибо, больше ничего не нужно.

— Тогда, мэм, спокойной ночи. Я передам Бонни вашу просьбу.

Девушка сделала книксен и удалилась из комнаты. Несколько минут спустя в дверь постучали.

— Да-да, входите.

— Вы хотели видеть меня, миледи? — чопорно осведомилась Бонни.

— О да!

Каролин так и подскочила, протягивая руки навстречу служанке:

— Бонни, кто такая Лорел? Сегодня лорд Браутон обозвал меня самой плохой матерью. У Синтии есть ребенок?

— Будет правильнее сказать, — фыркнула Бонни, — что у моей славной девочки плохой, ненормальный ребенок! Порой, когда я смотрю на эту Лорел, то думаю, что Синтия, называя ее

дьяволом, была не так уж далека от истины. Этот ребенок, несомненно, является дьявольским отродьем!

— О чем это ты говоришь? — вскрикнула Каролин. Няня сердито посмотрела на нее:

— Ребенок едва не погубил Синтию во время родов. Но Джейсону до этого не было никакого дела. Их волновал только наследник. Что ж, он получил то, чего заслуживал, хотя дитя едва не разорвало сердце нашей бедной девочки.

— Но почему? Что случилось? Ребенок что, болен? Бонни многозначительно вскинула голову:

— У нее больной разум. Она полная идиотка.

— О нет! — возопила Каролин и с размаху села на стул, судорожно вцепившись в его спинку пальцами. — Бедная Синтия!

— Она лежала в постели и рыдала, рыдала... Конечно, его светлость и знать не хотели, как она себя чувствовала. Кроме самих себя, их ничто не интересовало. Ребенок был их, следовательно, Синтии надлежало любить его, нянчиться с ним, петь колыбельные, как если бы он не был чудовищем!

— Чудовищем? — судорожно сглотнула Каролин. — Ты хочешь сказать, что девочка уродлива?

— Нет, кроме умственных способностей, у нее все в порядке. Но вы же знаете мисс Синди: она не терпит ничего ненормального!

Сказанное Бонни вполне соответствовало действительности. Синтия любила красоту и совершенство. Безобразие и уродство всегда приводило ее в ужас. Она испытывала нечто большее, чем просто отвращение. Она испытывала неизменный ужас, когда видела даже обычных калек и нищих. От этого она надолго делалась больна. В отличие от других детей, с которыми доводилось играть им в детстве, Синтия терпеть не могла ярмарки с их странными персонажами, с их шутами, толстяками, горбунами и прочими уродцами. Когда Каролин подхватила корь, Синтия только один раз взглянула на сестрицу и, разревевшись, бросилась прочь от ее постельки и заперлась в детской.

Однако назвать подобное поведение проявлением черствости натуры Каролин не могла. С теми, кто был некрасив и отличался от нормальных людей, Синтия никогда не обращалась жестоко. Каролин считала, что негативные эмоции Синтии сглаживались и приглушались всеобщей любовью к ней. Но теперь у бедняжки был свой ребенок, к тому же больной ребенок. Каролин вполне могла помыслить, что после родов сестра неделями лежала в кровати, не в силах подавить отвращение и ужас перед собственным дитятей. Она даже могла представить себе полный отказ от ребенка. Несмотря на то что дочь была плоть от плоти Синтии, последняя не располагала ни силами, ни мужеством для того, чтобы взять на себя заботу о существе, один вид которого был столь отвратителен.

— Ты была здесь, когда Синтия родила... Лорел? — Поколебавшись, Каролин уверенно выговорила имя ребенка. Все-таки этот человек был ее племянницей.

— О да! Она хотела, чтобы я была рядом с самого начала и могла заботиться о младенце. Сейчас, конечно же, уже совершенно ясно, что нянька будет нужна Лорел до конца ее жизни. Она никогда не сможет заботиться о себе самостоятельно. Ей уже шесть лет, но она совершенно не умеет обслужить себя.

— А разговаривать она умеет? А ходить?

— Она начала ходить, когда ей было уже почти четыре года. Правда, сейчас она справляется с этим вполне прилично. Конечно, мне, точно насадке, приходится не спускать глаз с нее, ведь она может преспокойно сунуть руку в огонь или сделать что-нибудь еще в таком же духе.

Она издает некоторые звуки, но назвать их речью никак нельзя. Она начинает шуметь, когда голодна. А когда видит папашу, то производит и вовсе ни с чем не сравнимые звуки.

— Понятно.

Каролин переполняли противоречивые чувства. Ей было бесконечно жаль Синтию, но все-таки, как и ранее, когда сестра проявляла слабость, она испытывала раздражение. Каролин радовалась тому, что сделалась теткой, но боялась, что, увидев племянницу, она почувствует к ней отвращение.

— Я... я хочу ее видеть, Бонни. Девочка уже в постели?

— Нет. Я собиралась уложить ее, но тут явилась мисс Присцилла и сказала, что вы хотите видеть меня.

— Тогда отведи меня к Лорел, пожалуйста.

— Вы в самом деле хотите этого, мисс Каролин? Вы можете зайти к ней на минуточку, конечно. Но вам вовсе не обязательно видеть ее. Никто не сочтет подобное поведение странным. Мисс Синтия редко ее навещала, только когда ее вынуждали его светлость.

Каролин напряженно улыбнулась. Похоже, с Бонни у нее опять будут проблемы. Нянины речи раздражали ее.

— Прекрати, Бонни. Меня нельзя назвать робкой или излишне впечатлительной. Лорел — моя племянница, и я хочу видеть ее!

Бонни поджала губы.

— Да, мисс.

Детская располагалась на третьем этаже. Бонни вела Каролин по извилистым коридорам. Двери всех попадавшихся по пути комнат были закрыты, в силу чего помещение казалось мрачным и навевало мысли о призраках. Наконец Бонни распахнула дверь в игровую. Фарфоровые куклы и прочие многочисленные игрушки рядами выстроились на полках. По всему было видно, что денег на обстановку не пожалели. Дверь в противоположной стене вела в спальню девочки. Эта спальня была выполнена в бело-розовых тонах. Кровать оказалась обычного размера, но с высокими боковыми стенками, точно колыбель. Она представляла собой странное зрелище и несмотря на свою белую отделку очень напоминала гроб. Каролин содрогнулась.

Она увидела Лорел сразу, как только вошла в комнату. Ребенок сидел в углу на кресле-качалке. На девочке было длинное белое платье, рукава, подол и вырез которого украшала оторочка из рюшей. В одной руке она сжимала маленькое вязаное одеяло, большой палец другой руки был надежно устроен во рту. Из глаз Каролин брызнули слезы. Лорел отнюдь не выглядела уродом и даже дурнушкой... скорее наоборот. Джейсона напоминали только ее угольно-черные волосы. Васильково-синие глаза, изящный изгиб бровей, нежная кожа цвета

слоновой кости, отчасти короткая верхняя губка — все это девочка, несомненно, унаследовала от матери. Ее можно было бы назвать точной копией как Синтии, так и Каролин в их детстве, если бы не рассеянное выражение лица и отсутствующий взгляд. Снизу вверх посмотрела Лорел на Каролин и мило улыбнулась. Каролин тоже улыбнулась в ответ. Она не сводила с нее глаз. Ей сильно хотелось схватить девочку и прижать ее к себе.

— Здравствуй, Лорел.

Девочка разинула рот и издала некий звук вроде «мог». Каролин почувствовала, как потихоньку впадает в глубокую печаль. Она подошла к ребенку и присела на корточки. Глаза Лорел расширились. Кажется, от удивления. Она потянула руку вперед и прикоснулась к роскошным золотисто-рыжим волосам Каролин.

— Нет, мисс Лорел, — заявила Бонни, делая шаг навстречу девочке, — не трогайте ее светлость!

Каролин махнула рукой, запрещая няньке вмешиваться во что-либо.

— Все в порядке. Я ничего не имею против. Продолжай, Лорел!

Однако Лорел отдернула руку сразу, как только Бонни заговорила.

— Продолжай же, Лорел, не бойся! — поощрительно улыбнулась Каролин.

Девочка успокоилась. Пальцы ее пробежали по распущенным волосам Каролин, потом прикоснулись к блестящему шелку пеньюара и кремовой коже на щеке. Горло Каролин от боли сжало. Она осторожно, стараясь не напугать ребенка, обвила его руками. Лорел несколько не удивилась ласке. Напротив, она также обвила шею Каролин и крепко стиснула ее. По щекам самозванной матери потекли слезы жалости, печали и любви.

Через минуту она отпустила Лорел, встала и взяла дитя за руку.

— Хочешь, я тебя покачаю немного? Я вижу, ты совсем уже спишь!

Они прошли мимо Бонни, которая стояла, скрестив на груди руки и всем своим видом выражая негодование и полное неприятие происходящего.

— Все чудесно, мисс. Только девочка не привыкла к тому, чтобы Синтия укладывала ее.

— Но я не думаю, что она стала бы возражать против этого, да? Мне хочется сделать это самой!

Бонни пожала плечами и вышла вон. Каролин села в кресло-качалку около детской кроватки и посадила Лорел на колени к себе. Девочка доверчиво прильнула к ее груди. Одна рука ее, по-прежнему сжав одеяло, повисла в воздухе, а палец другой вновь вложился в рот. Каролин принялась медленно раскачиваться, обнимая ребенка и время от времени глядя его длинные черные волосы. Дитя было прелестно. Как только Синтия могла не любить девочку? Доченька оказалась такой славной, она так обрадовалась мамочке! В ее облике не было ничего, что указывало бы на ее ненормальность. Если не считать пустого взгляда. Но такая мелочь не оттолкнула бы Синтию. Бонни говорила, что роды были сложными. Может, именно это повлияло на отношения матери к дочери? Каролин знавала в Индии одну офицерскую жену, которая ненавидела собственного ребенка только за то, что он причинил ей боль при родах.

Каролин поцеловала Лорел в макушку и стала напевать колыбельную, ту самую, что ей самой в детстве напевала Бонни. Во время пения к ней вернулась застарелая боль, всколыхнув горькие и одновременно сладкие чувства. Через полтора года после замужества она тоже родила ребенка, хорошенького маленького мальчика. Каролин с самого начала знала, что он обречен, потому что был слаб и болезнен. Изнуряющая жара Индии довершила дело. Мальчик умер прямо на руках у матери. Каролин проплакала несколько дней, свернувшись калачиком на кровати. У нее было такое чувство, словно жизнь проходит мимо нее. Но постепенно слезы высохли, воспоминания потускнели, сделались менее гнетущи, а потом и вовсе перестали мучить ее.

Однако безмолвное горе не прошло бесследно. Она скучала по ребенку, но вернуть его было невозможно. Теперь, качая малышку и напевая колыбельную, она чувствовала, как пустота наполняется. Теперь Каролин представляется возможность заботиться о девочке, которую отринула от себя Синтия. Она подумала, что это, видимо, сама судьба столкнула ее с Джейсоном Сомервиллом и заставила прикинуться его супругой, Синтией. Теперь приходилось взирать на свою роль с несколько иной точки зрения. Отныне Каролин рассматривала собственное самозванство не просто как помощь своей сестре. То был шанс сделаться любящей матерью для бедной девочки! Со всей страстью будет она продолжать играть свою отчаянную роль — так долго, как только это понадобится. Она сделает все возможное и невозможное, чтобы остаться здесь, с дочерью Синтии.

Внезапно Каролин почувствовала холодок, повернула голову и увидела Джейсона, стоявшего в дверном проеме. Лицо его было темно и задумчиво, одной рукой он опирался о косяк. Сомервилл заговорил уже было, кривя рот, но Каролин сделала ему знак рукой — молчи! Тело Лорел ослабло от дремы. Каролин хотела поднять ребенка, но не смогла. Джейсон пришел ей на помощь и принял девочку в свои руки. Он бережно уложил ее в постель и заботливо укрыл одеялом. Лицо Лорел на фоне нежной расцветки белья было просто прекрасным.

Каролин никогда за последние недели не стояла так близко от Джейсона. Вдруг его пальцы вцепились ей в запястье, и он выволок ее в коридор, хлопнув дверью прямо перед носом вечно любопытной Бонни.

— В какую игру ты со мной играешь? — прошипел Сомервилл.

Даже при тусклом коридорном освещении она могла видеть вспыхнувшие в его глазах огоньки гнева. Пальцы все сильнее сжимали запястье. Каролин надменно вскинула подбородок:

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Отпусти меня.

— Что ты делала в комнате Лорел?

— Я качала ее перед сном, ты и сам видел это.

— Что это вдруг такое нашло на тебя, — прорычал Сомервилл, — что ты решила навестить дочь?

— Разве ты не сказал мне, что нужно с нею повидаться? И я не понимаю, почему это так волнует тебя? Разве ты не этого хотел от меня?

Джейсон нахмурился.

— Ты никогда раньше не делала этого. Зачем же начинаешь теперь? — Он отпустил руку Каролин, но продолжал оставаться рядом. — Неужели ты надеешься снова завоевать меня?

Неужели ты хочешь заставить меня полюбить вновь? Никогда это у тебя не получится, можешь даже не утруждать себя стараниями.

— Не понимаю сама, зачем бы это мне вдруг понадобилось заставлять тебя снова меня полюбить. Впрочем, твое мнение меня не волнует!

Не важно, что эти слова не вполне соответствовали ее роли, но гордость заставила их выговорить.

— Никак не могу поверить в то, что ты могла измениться!

— Что ж, не верь. Твои вера и безверие мне одинаково безразличны.

Каролин отбросила волосы на спину. Шелковый водопад обрушился на бледный атлас ее пеньюара. Джейсон проследил глазами за мерцающей роскошью ее волос.

— Твои волосы посветлели.

— Тропическое солнце, — нервно пояснила Каролин. Джейсон тыльной стороной ладони провел по ее волосам вниз.

— Такие же шелковистые, как и раньше.

Каролин стояла, не шевелясь и едва осмеливаясь дышать. Сомервилл, казалось, был погружен в свои мысли, витавшие, судя по всему, довольно далеко. Взор был затуманен. Он осторожно прикоснулся к ней. Шершавые пальцы едва заметно цеплялись за атлас ткани. Руки, достигнув плеч Каролин, пробежали по выступающим ключицам и ухватились за борта халата. Внезапно он отвернул их, пояс развязался, и халат упал на пол, открыв взору тонкую кружевную сорочку. Дыхание Каролин участилось, когда взгляд Сомервилла скользнул по ее груди.

— Ты, как всегда, обворожительна!

Голос его был с хрипотцой. Каролин почувствовала, как затвердели ее соски, и знала, что Джейсон это заметит. Вдруг Сомервилл выпрямился, быстрым и уверенным движением набросил на нее халат и завязал пояс. Его глаза сверкали, но выражение лица оставалось бесстрастным.

— Твоя красота — товар, которым пользовались слишком многие, а посему эта красота меня лично больше не интересует!

Каролин судорожно сглотнула и взмахнула рукой, чтобы ударить его, но он перехватил руку и сказал:

— Я знаю, ты не желаешь видеть меня в своей постели. Ты это дала понять мне достаточно ясно. Так что нет нужды устраивать арлекинаду: надевать платье, подаренное мною, брать на руки Лорел. Ничто больше не заставит меня полюбить тебя вновь. Ничто не поможет. Тебе не удастся восстановить те дивные, целомудренные отношения, что однажды были между нами, когда ты уже допускала меня в свою постель, а я еще не утратил желания этим допуском воспользоваться. Оставь свои штучки, Синтия.

— Мне ничего от тебя не нужно! — отозвалась Каролин и дрожащими пальцами сжала отвороты халата. Она ненавидела Джейсона, но все же в то мгновение, когда он взглядом ласкал ее грудь, ей представилось, как он сейчас снимет с нее сорочку, обнажит ее тело...

— Хорошо же, — прорычал Сомервилл, — коли наши чувства совпадают, я пойду спать. Все, Синтия. Я иду спать!

Он гордо прошел мимо и легко стал спускаться по лестнице. Каролин, стояла не шевелясь, покуда он не скрылся из виду. Потом она осмотрелась и вздохнула. Вокруг было сумрачно. Почему они держат Лорел здесь, в самой отдаленной части дома? Нет сомнений, гордый лорд Браутон стесняется своей полоумной дурочки и старается запрятать ее подальше от любопытных глаз гостей и друзей.

Каролин потуже затянула пояс и приняла решение все вокруг изменить. Со временем Джейсон узнает, что Синтия уже не та робкая мышка, которую он знал прежде. Она не намерена больше мириться с его безобразным поведением, она больше не позволит Лорел оставаться одной. С этими мыслями Каролин спустилась по лестнице и вернулась к себе в комнату.

Попав в комнату, она немедленно заперла дверь и оставила ключ в замочной скважине. Потом сняла пеньюар и бросила его на стул. С беспокойным сердцем подумала она о том, куда может вести боковая дверь ее комнаты, но после решила, что, верно, там находится спальня мужа. По спине забегали мурашки. Ей совсем не понравилось то, что их комнаты находились так близко. Она бесшумно подошла к двери и повернула ручку. Моля небо, чтобы петли не заскрипели, она слегка приоткрыла дверь и заглянула в образовавшуюся щель. Ее взгляду предстал небольшой кусочек просторной спальни. Она могла видеть изголовье кровати, часть окна и уголок для бритвы, что с абсолютной точностью указывало на принадлежность комнаты мужчине. Наверняка это была спальня Джейсона. Тут она уловила какое-то движение и увидела Джейсона собственной персоной. Каролин прикрыла дверь, потом, вытащив ключ из замочной скважины той двери, что выходила в коридор, примерила его в замочную скважину двери в спальню Сомервилла. Ключ подошел, раздался щелчок, и тотчас же послышался хриплый неприятный смех. Она поняла, что Джейсон слышал, как она заперла их общую дверь. Каролин поморщилась и, забрав ключ, вернула его на место. Какое ей дело до того, что думает этот негодяй? По крайней мере теперь она чувствовала себя в большей безопасности.

Присцилла отвернула для нес на постели покрывала, и она забралась под них. Каролин показалось странным спать на кровати без москитной сетки, но уж зато как приятно было зарыться лицом в мягкие подушки. Девушка вытянулась, закрыла глаза и мигом уснула.

На следующее утро Каролин проснулась довольно поздно. Позевывая, она спрыгнула с постели и отдернула занавески. Обнаружилось, что солнце уже высоко стояло на небе. Каролин вознамерилась уже одеваться, но тут вдруг вспомнила, кто она такая теперь и где находится. Леди сами не одеваются. Она позвонила в колокольчик, начав в ожидании Присциллы причесывать волосы. Служанка не замедлила появиться. В руках она держала небольшой поднос с чайником и пустой чашкой.

— Доброе утро, миледи! — нерадостно проговорила она. — Я принесла вам чаю.

— Ах, как заманчиво звучит!

Каролин налила себе душистого чаю и со вкусом отхлебнула. Присцилла принялась причесывать ее. Тридцать минут спустя, надев бледно-розовое платье, которое, как ей казалось, непременно выбрала бы Синтия, Каролин спустилась вниз. Но ни в гостиной, ни в столовой никого не было. Каролин предположила, что Джейсон и его мать уже позавтракали. В подогреваемых на углях кастрюлях лежали теплые яйца и ветчина. Каролин обслужила себя самостоятельно и села за длинный стол. Вскоре появился лакей и принес ей одну чашечку чаю. Сидя за столом, Каролин поглядывала в окна, которые выходили в боковой двор и на

конюшни, располагавшиеся за ним. Она видела, как конюх вывел из стойла величавого белого жеребца. Каролин, очарованная статью животного, не могла оторвать глаз от него. Как хотелось ей верхом на лошади проскакать по полям — на лошади, подобной этому красавцу! Но Синтия вряд ли появлялась вблизи конюшен. И это воздержание от прогулок верхом будет, как Каролин прекрасно понимала, одной из самых трудных задач в ее мистификации.

Потом она увидела Джейсона в сапогах и костюме для верховой езды. Он погладил жеребцу морду и предложил ему лакомство. Наблюдая за тем, как Сомервилл берет поводья, как седлает лошадь, Каролин догадалась, что он был превосходным наездником. В противном случае он едва ли справился бы с такой лошастью — лошастью, у которой было решительно все: и воля, и сила, и крутой нрав. Каролин почувствовала болезненную зависть: как бы ей отправиться на прогулку верхом!..

Допив чай, она встала из-за стола. Чем бы заняться? Каролин беспечно прошла по дому, пытаясь собрать как можно больше информации о расположении комнат. Каждый раз, когда она встречала кого-либо из слуг, то впадала в легкую панику, так как не знала их имен. Впрочем, постепенно ей стало ясно, что называть слуг по именам вовсе не обязательно. Они кланялись ей, иногда, если это были женщины, делали книксены, Каролин в ответ на все это попросту кивала, чем все дело и ограничивалось. Она мысленно приказала себе продвигаться медленно. Нельзя торопиться, нельзя никого и ни о чем спрашивать. Нужно научиться извлекать из всего нужные для себя сведения самостоятельно. Да, трудненько придется ей, ибо терпение — не в ее характере.

Каролин решила пойти в детскую. На третий этаж она поднялась по лестнице. Теперь там уже не было темно, но свободные комнаты выглядели по-прежнему жутковато. Каролин тихонько постучалась в дверь игровой и осторожно вошла. Бонни сидела подле Лорел, а та, скрестив ножки, устроилась на полу и возилась со своей тряпичной куклой, разглаживая ее сделанные из пряжи волосы. Лорел была одета так, как обычно одевались все девочки из богатых семей, то есть ее одежда была точной копией одежды взрослых людей. На нее натянули хлопковое платьице с удлиненным лифом и короткой, всего лишь до колен, юбкой. Отороченные кружевами панталоны оставались открытыми. Поверх них топорщились многочисленные нижние юбки. Ноги девочки были обуты в мягкие домашние туфли. Черные как смоль волосы были заплетены в две косы. По мнению Каролин, Лорел выглядела как разряженная кукла. Девочка даже не подняла глаз, когда ее новая мамочка вошла в комнату. Бонни вскочила на ноги и сделала два порывистых шага вперед.

— Мисс, вам не следует...

Каролин резко воздела руку, чтобы предотвратить дальнейшие нападки няни.

— Бонни, я знаю, что нет нужды видеть Лорел. Но я хочу ее видеть. Думаю, все пока складывается удачно. Синтия свободна, а я хочу заменить Лорел мать. Больше того, я хочу стать ей подлинной матерью, ибо этого моя сестрица сделать не смогла. Я не нахожу свое желание порочным. И я бы предпочла не слышать твоих глупых предостережений и увещаний!

— Похоже, мисс Каролин, вы вдруг ни с того ни с сего сделали настоящей леди, — выпалила Бонни, — но я-то знаю, кто вы на самом деле!

Губы Каролин тронула едва приметная ухмылка. Она знала, как сыграть гранд-даму, если понадобится. А еще она знала, что Бонни должна быть ее служанкой, а не доверенным лицом, какие бы отношения ни были у нее с Синтией.

— Ты что, угрожаешь мне? Ты собираешься пойти к Джейсону и поведать ему, что я сестра Синтии, а она сама вне пределов досягаемости? Даже если тебе и удастся убедить его во всем этом и он не запрет тебя в каком-нибудь сумасшедшем доме, то каким образом это поможет тебе или твоей бедной девочке Синтии? Не понимаю, почему ты возражаешь против моего общения с Лорел, как с собственной дочерью?

Бонни потупилась. Слишком долго служила она в аристократическом семействе, чтобы не научиться подчиняться властным ноткам в хозяйском голосе.

— Потому что она не ваша дочь. Вы всегда своего добивались, мисс Каролин. Мисс Синтии неизменно приходилось довольствоваться тем, что оставалось после вас.

— Ложь! — вспыхнула Каролин. — Да, когда мы были детьми, я иногда отнимала у Синтии игрушки. Но я никогда не приносила сестру в жертву собственным интересам, как это ты пытаешься тут мне преподнести. Скорее я защищала ее, защищала как от других детей, так и от взрослых!

— Может быть, что и так. Но несправедливо забирать у нее все: ребенка, мужа, дом, платья — и наслаждаться всем этим так, как она сама никогда не наслаждалась. Довольно скоро вы, надо полагать, приучите даже вот этого дьявола брать пищу из ваших рук.

— Успокойся, Бонни, — рассмеялась Каролин. — Никто не в силах очаровать Джейсона Сомервилла. Ты настроена слишком мрачно. Послушай, мы часто не ладили с тобой. Между нами никогда не будет тех отношений, которые сложились между тобой и Синтией, но мы обязаны сотрудничать. Мы обе желаем добра Синтии. Нет ничего дурного в том, что я полюбила ее ребенка. Тебе самой, Бонни, слишком хорошо известно, что этой любви сама она никогда не могла дать Лорел.

— Ладно, сдаюсь, все равно ведь ваша возьмет!

— Поверь, в моей жизни было достаточно много случаев, когда все складывалось совершенно не так, как я того хотела.

Пока они беседовали, Лорел, ползая по полу, задрала вдруг свою головку и увидела Каролин. Просияв, девочка поднялась на ножки и мелкими, неуклюжими шажками поспешила ей навстречу. Каролин, вновь ощутив прилив нежности, опустилась на колени рядом с Лорел, и та мигом запечатлела на ее щеке робкий поцелуй. Каролин удивленно хохотнула:

— Ну как ты, малышка?

— Она не понимает того, что вы ей говорите, мисс, — засопела Бонни, — можете и не пытаться ей что-либо втолковывать!

Каролин смерила служанку неодобрительным взглядом, Бонни встала и торопливо пробормотала:

— Я пойду к себе, похлебаю чайку, раз уж вы решили остаться с ребенком. Вас это устроит миледи?

— Вполне.

Целый час Каролин провозилась с Лорел на полу, ползая с ней самым отчаянным образом, что приводило девчурку в неопикуемый восторг. Она хохотала и хлопала в ладоши. Потом Каролин

читала ей стишки и пела песенки. Когда наконец она поднялась, чтобы уйти восвояси, девочка вцепилась ей в руку и замычала: «Моооог!»

— Ты что, зайка, хочешь сказать «мама», да? — спросила Каролин и погладила несчастную по головке. — Не волнуйся, я ухожу не навсегда. Вечером я тебя снова навещу. До свидания.

Каролин наклонилась и поцеловала чадо прямо в темечко. Потом ушла.

В час дня, спускаясь в столовую, Каролин нашла там только одну Селену.

— Здравствуй, дорогая!

Селена поднялась и поцеловала Каролин в щеку.

— Отдохнула?

— О да! Сегодня утром я проснулась довольно поздно. Сон освежил меня. Думаю после обеда немного погулять по парку. Вы не составили бы мне компанию?

— Возможно, но ненадолго.

Обе женщины сели за стол, причем их стулья придерживали лакей и дворецкий. Когда лакей начал обслуживать их, Селена повернулась к Каролин и сказала:

— Сегодня утром, между прочим, мы получили приглашение к обеду.

— Правда? От кого?

— От Хью, двоюродного брата Джейсона.

— Вот как? Зовет нас к себе в Грейхилл? — Название усадьбы счастливо сохранилось в памяти Каролин.

— Да, в пятницу вечером. Он прознал, что вы вчера вернулись и уже успел прислать мальчика с приглашением.

— Очень приятно! — сказала Каролин, а про себя подумала, что для нее любое событие представляет опасность. Даже такая простая вещь, как званый обед. Не приходилось сомневаться в том, что Синтия уже бывала в Грейхилле и прекрасно знала Хью и все его семейство. Бонни говорила, что Джейсон и Хью выросли вместе. Обычная светская болтовня могла оказаться роковой для самозванки, ибо она не знала ни людей, ни событий, ни мест...

Из непринужденной беседы с Селеной во время прогулки по парку Каролин узнала, что Хью был двумя годами старше Джейсона. Его мать звали Лиллиан, и она доводилась сестрою Сомервиллу-отцу. Поскольку Селена во время разговора ни разу не упомянула ни о жене Хью, ни о его детях, то Каролин заключила, что у него не было ни того, ни другого. Создавалось впечатление также, что этот Хью был симпатичен Синтии. Каролин вспомнила, что Бонни называла его настоящим джентльменом, добавляя, что именно он познакомил Синтию с Деннисом Бингемом. Синтия, очевидно, была признательна ему за это.

Каролин скоро наскучило выуживать из Селены всякие сведения, и она просто принялась наслаждаться прогулкой среди тщательно подстриженных кустарников и деревьев. Поздние летние цветы еще не увяли. Начинали зацветать морозостойкие сорта хризантем. Расположенные затейливыми рядами, они сверкали золотом и серебром. Некоторые деревья

уже слегка изменили цвет листьев и даже в самый разгар дня в воздухе чувствовалась прогорклая свежесть. Каролин укутала плечи легкой шалью.

За деревьями протекала река. В глубине парка, как бы наблюдая за рекой Тизом, расположилась белая грациозная беседка.

— Когда я впервые встретилась с отцом Джейсона, у Сомервиллов здесь был целый лабиринт из живой изгороди, а беседка стояла как раз в его середине, — сказала Селена. — Для семейства лабиринт был предметом гордости, потому что его насадил Чарлз Сомервилл более ста лет назад. Лабиринт обожали все любовные пары: он давал им возможность улизнуть от нежелательных соглядатаев и побыть наедине. — Тут леди Браутон пристально поглядела на Каролин и осведомилась осторожно:

— Надеюсь, я не шокирую тебя? Тогда мы располагали куда большей свободой, чем при нынешней королеве!

— Нет, я ничуть не шокирована. Мне интересно. Но что же случилось с лабиринтом?

Селена удивленно посмотрела на нее:

— Разве Джейсон не рассказывал тебе?

— Да нет, не помню что-то, — попыталась вывернуться Каролин, и безуспешно.

— Хорошо, я тебе напомню. Он потерялся там, когда был маленьким ребенком, года в три-четыре. Конечно, никому и в голову не приходило, что дети будут играть в лабиринте, так как даже взрослый мог в нем заблудиться. Тем не менее Джейсон и Хью решили все исследовать сами, ты же знаешь этих мальчишек. Разумеется, они заблудились. Мы обыскали все закоулки, пока кто-то не вспомнил о лабиринте. К вечеру, а был уже вечер, сделалось довольно холодно; Хью мы нашли сидящим в беседке, а потом неподалеку и Джейсона. Сомервилл-младший сильно озяб и был до крайности напуган всем случившимся, хотя, естественно, по сию пору не желает в этом признаваться.

— Ни чуточки не желает, — добродушно улыбнулась Каролин.

— Обоим мальчикам прочитали настоящую нотацию, а на следующий день мой супруг приказал вырубить лабиринт. Беседку перенесли в другое место, причем теперь можно, сидя в ней, любоваться рекой. Неплохо, правда? — Глаза Селены озорно сверкнули. — Но у меня сохранилась сентиментальная приверженность лабиринту.

Каролин от души радовалась обществу Селены и пришла к выводу, что, пожалуй, ей будет недоставать леди Браутон, если та уедет в Лондон. Селена служила как бы буфером между ней и Сомервиллом. Самые жуткие сцены между Каролин и Джексоном происходили как раз тогда, когда они оставались наедине. Девушка вспомнила те горькие слова, которые они друг другу наговорили прошлой ночью. Откровенно насмешливое признание Джейсона в том, что его интересует в супруге (пускай и мнимой) только тело, задело Каролин. Существовала опасность того, что по отбытии Селены подобные перебранки участятся. Парадоксально, но ожидания чего-то в Каролин было не меньше, чем страха перед этим чем-то...

Глава 6

В пятницу вечером небольшая группа из трех человек уселась в карсту. Каролин в светлоголубом платье, отороченном белыми кружевами, выглядела ледяной красавицей. Огромные

голубые глаза на очаровательно бледном лице привораживали к себе всякого, кто дерзал заглянуть в них. Строгая красота Селены подчеркивалась платьем приглушенно-лилового цвета. Широкие юбки обеих женщин, растянутые обручами, наполняли экипаж блеском тафты и шелка. Слабый запах розовой воды смешивался с несколько более тяжелым благоуханием жасмина. Джейсон сидел рядом с Каролин и по возможности старался не касаться ее, что, впрочем, было довольно трудно в тесной карете. На фоне прелести своих спутниц он напоминал своим суровым черным костюмом о некоей сдержанности, торжественности, даже об аскезе.

Усадьба Грейхилл приветливо освещалась огнями, что в сгущавшихся сумерках выглядело особенно мило. Дверь открыл мрачного вида дворецкий и тотчас отступил в сторону, давая пройти гостям. Потом он провел прибывших в ту комнату, где их уже поджидали Хью и Сент-Джон. Каролин осматривала дом с любопытством. Он оказался весьма изящен, хотя в размерах сильно уступал Браунтон-Курту. Каролин заметила оригинальность приземистой центральной части здания, с деревянными балками. К ней-то и были произвольно пристроены три крыла, расходившиеся в разные стороны. Именно эти пристройки придавали дому то изящество, которое бросилось в глаза Каролин. Северный фасад был увит плющом.

Гостиная, где гости обнаружили Хью, также поражала своей элегантностью и вся дышала теплом и уютом, коих, по мнению Каролин, сильно недоставало в усадьбе Браунтон-Курт. У Сомервиллов все выглядело излишне добротно и излишне современно. Мебель не несла печати исторической или семейной принадлежности.

Усадьба Грейхилл понравилась Каролин сразу же, как сразу же понравился и рослый улыбающийся мужчина, поднявшийся навстречу гостям из своего огромного кресла. Он тепло пожал руку Джейсону, пробурчав при этом невнятное приветствие, потом запечатлел на щеке Селены поцелуй, выразивший родственную привязанность.

— Как поживаете, тетюшка Селена? Как вам показалась Италия?

— Мы обе, я и Италия, чувствуем себя просто великолепно! — с ослепительной улыбкой отозвалась леди Браунтон.

— Вижу, что так оно и есть! С каждым годом вы все хорошеете, тетюшка!

Селена рассмеялась и хлопнула Хью по руке сложенным веером:

— Лстец, лстец! Но именно за это я тебя и люблю! Хью повернулся к Каролин, взял ее руку в свою и поцеловал, правда, довольно сдержанно:

— Нет нужды спрашивать тебя об Италии. Ты вся цветешь!

Каролин улыбнулась: трудно было не улыбнуться столь обаятельному джентльмену. Братья поразительно походили друг на друга. Оба были темноволосые, длинноногие, с волевыми подбородками. Но Хью весь светился теплом и лаской, тогда как Джейсон был скорее молчалив и угрюм. Каролин хотелось дознаться, не напоминал ли когда-нибудь Сомервилл своего кузена и какая душевная травма могла превратить его в теперешнего грубияна и дикаря. Безусловно, веселый, общительный Хью затмевал своего сурового братца, но старался не подчеркивать этого и даже пару раз сумел развеселить Джейсона, заставил его улыбнуться. Чувствовалось, что их привязанность очень сильна. Каролин оставалось только удивляться тому, как легко отнесся Хью к поступку Синтии, оставившей мужа ради одного из общих друзей.

Несколько позднее, когда уже начало смеркаться, Селена играла для всех на фортепиано.

Джейсон при этом стоял подле нее и переворачивал ноты. К удивлению Каролин, леди Браун проявила себя талантливой исполнительницей.

Девушка сидела на стуле странного вида. У этого стула наличествовал всего один подлокотник. Каролин объяснили, что подобная форма была разработана в прошлом веке для мужчин, всегда носивших в ту пору шпагу при себе. Однако в веке нынешнем стулья такой конструкции оказались весьма удобными для женщин с их невероятной ширины юбками. Хью подсел к Каролин поближе — на обтянутый красным бархатом диван.

Первые несколько минут после того, как Селена начала играть, Хью сохранял молчание, но потом наклонился к Каролин и пробормотал:

— Весьма сожалею, кузина Синтия...

Девушка в испуге воззрилась на него:

— Прошу прощения?

Хью улыбнулся, и в его глазах появилось доброе, но печальное выражение.

— Тебе не нужно притворяться. Джейсон рассказал мне правду. Весьма сожалею, что познакомил тебя с этим Бингемом. Я даже и представить не мог, что Деннис такой негодяй. Впрочем, мне следовало предвидеть и ваш побег...

Каролин лихорадочно соображала, что ей отвечать. Ей до крайности была неприятна мысль о том, что Хью считает ее изменницей и потаскушкой.

— Я... Прошу тебя, не смущайся...

— Это ты не смущайся, дорогая кузина. В общем-то мне не следовало заводить речь обо всем этом. Я просто хотел сказать тебе, что весьма сожалею о том, что мне пришлось сыграть столь незавидную роль во всей этой истории. — Тут Хью на минуту умолк, уставясь на свои холеные руки, потом, не поднимая глаз, вновь заговорил:

— Синтия, я знаю, что временами жить рядом с Джейсоном просто невыносимо. Но в глубине души он прекрасный человек. Прошу тебя, не суди его слишком строго.

— Не думаю, что все дело в моем осуждении Сомервилла, — отозвалась Каролин, — скорее наоборот.

— Я просто хочу сказать тебе, чтобы ты не принимала близко к сердцу все то, что он наговорил тебе за последнее время, и не настраивала себя против него. Конечно, у него вспыльчивый характер. И когда задето его самолюбие, он сначала действует, а уже потом размышляет. Однако кузен довольно отходчив, и его можно убедить рассмотреть причины конфликта. Уверен, что это произойдет очень скоро. Джейсон остынет, станет более спокойно относиться к случившемуся и захочет сам пойти на... примирение.

Каролин потупилась. Как раз примирения ей хотелось меньше всего. Чем дальше от нее Сомервилл, тем лучше.

— Не думаю, что когда-нибудь это случится.

— А ты не отступайся, Синтия, не отступайся от него, прошу тебя!

На лице Хью были написаны столь неподдельные печаль и сострадание, что Каролин не смогла сдержать улыбки. Несмотря на все недостатки, Джейсона, по всей видимости, очень любили родственники и прислуга.

— Ладно, не отступлюсь, раз ты так усиленно просишь меня об этом!

Хью слегка нахмурился:

— Надеюсь, ты не думаешь, что я помешался на своем драгоценном кузене?

— Нет, просто я всегда считала и считаю тебя человеком искренним и очень добрым. Мне не хотелось показаться тебе непочтительной.

— На тебя это не больно похоже!

Опять ошибка!

— Извини, пожалуйста, но иногда люди меняются. Жизнь часто делает их жестче и циничнее.

— Только не тебя. Не могу даже помыслить кузину Синтию особой бессердечной и циничной! Кстати, я часто размышляю над тем, что было бы, если б я встретился с тобой прежде, чем это сделал Джейсон...

— Что ты имеешь в виду? — в испуге отшатнулась Каролин.

Хью пожал плечами.

— Ничего, — сказал он и тотчас переключил свое внимание на Селену:

— Тетушка, как всегда, прекрасно играет, а Моцарт ей особенно удается!

— О да, да! — поддержала его Каролин. Ей еще так много предстояло узнать обо всех этих людях. Не будь сегодняшнего вечера, она могла бы спросить Селену о ее умении играть на фортепьяно, что было бы довольно странно для человека, знающего леди Браунтон более семи лет, тем более учитывая несомненную одаренность последней. Куда ни кинь, всюду поджидают ловушки, подводные течения... К счастью, кое-какую информацию Каролин уже удалось почерпнуть из разговоров с Хью и другими. Если б она не спешила и располагала достаточным количеством времени, то наверняка смогла бы узнать все, что ей нужно.

После своего блистательного выступления Селена почувствовала себя несколько утомленной и, выждав около четверти часа, велела Джейсону закладывать карету. Все трое немедленно отбыли в ночь. Каролин, мягко откинувшись на мягких валиках, устало смежила веки. Роль Синтии отнимала слишком много сил. Беседа о родственниках навела ее на размышления о своей собственной семье, крошечной и жалкой. Теперь даже Синтия оставила их отца. Интересно, насколько отец постарел? Каково его здоровье? Возможно, она, Каролин, скоро выберется навестить его. Девушка любила отца, несмотря на постоянные стычки с ним в юности.

Каролин открыла глаза и посмотрела на Джейсона. Тот равнодушно взирал на темные поля, проносившиеся в окне.

— Что-нибудь слышно новенькое о моем отце?

Джейсон с изумлением повернулся к своей супруге:

— Состояние его здоровья ничуть не улучшилось, если верить тому, что я прочел в последнем письме от доктора Джейсона. По сути дела, речь идет уже о двух-трех месяцах...

У Каролин по спине пробежал холодок.

— Несколько месяцев?

Неужели до смерти? Но именно это означают обычно подобные заявления. Нет, не может быть, что сэр Невилл умирает, ведь он еще не старик! Только теперь Каролин начала понимать, что все-таки отец должен был постареть.

— Не следует ли мне навестить его? — рассеянно пробормотала она.

Сомервилл фыркнул:

— Не глупи! Сэр Невилл не из тех людей, кто легко прощает обиды! Сомневаюсь, что он вообще пустит тебя на порог. Слишком поздно, милая женушка. Нельзя, что-то однажды разрушив, думать, будто это что-то чудесным образом восстановится, как только ты того пожелаешь! Некоторые вещи не поддаются ремонту.

Каролин почувствовала, как на глаза ей навернулись слезы, но постаралась поскорее подавить их, так как не хотела, чтобы ее печаль заметил Джейсон. Она и сама прекрасно знала, что отец не умел прощать! Его строгие нравственные правила не позволяли любить согрешившую или даже просто сделавшую глупость дочь. Несомненно, после того как Синтия бросила своего мужа, он вычеркнул ее имя из семейной Библии. Теперь Невилл был тяжело болен и готовился окончить свои дни в полном одиночестве. Конечно, в том была и его вина, но осознание столь печальной негибкости отца ничуть не облегчало страдания Каролин.

— Бедный отец, — вздохнула она, уже больше не думая о том, что Джейсон услышит этот вздох, и не сдерживая слез.

На следующий день Селена и Каролин отправились в экипаже по окрестностям Браунтон-Курта, чтобы навестить соседей: обычные визиты вежливости. Каролин была очень признательна Селене за то, что та, сама не подозревая об этом, обогащала ее ценнейшими сведениями обо всех родственниках, слугах и обитателях округи. Если нужных людей не оказывалось на месте, то дамы оставляли свои визитки, а если оказывались, то приходилось выносить зачастую длинные и страшно нудные беседы. Каролин от всей души надеялась, что подобные визиты у них не войдут в привычку.

Еще день спустя Каролин и Селена сидели в гостиной и лениво переговаривались. Вдруг в комнату вошел дворецкий. Он отвесил Каролин поклон и печально произнес:

— Его преподобие и мисс Нельсон с визитом, миледи!

Селена неприязненно поморщилась. Каролин, увидев подобную реакцию, улыбнулась. Его преподобие были викарий и имели приход в церкви Св. Франциска в Хокли. Каролин вспомнила, с каким облегчением вздохнула Селена, когда день тому назад они никого не застали в доме Нельсонов. При этом леди Браунтон пробормотала что-то вроде «его ужасная сестра». Наверняка эти слова относились к мисс Нельсон.

— Пригласите их, Барлоу.

Через минуту Барлоу уже вводил в гостиную упомянутую парочку. Каролин радушно

улыбнулась и протянула руку:

— Мне чрезвычайно приятно видеть вас, ваше преподобие!

— О, миледи, нам так не хватало вас все это время! Я очень сожалею, что вы нас не застали вчера...

Каролин что-то невразумительно пробормотала в ответ и стала пристально разглядывать обоих гостей. Они до того были похожи друг на друга, что не могли не вызвать смеха у окружающих. Обоих природа наделила круглыми лицами с довольно невыразительными чертами: небольшие рты, поджатые губы, глаза — узкие, бесцветные, скулы сглажены до крайности, волосы черны и редки. Оба были довольно пухлые и одеты в серенькие тона. Движения священника чем-то напоминали воробьиные повадки. Он был нервозен и быстр.

— Как поживаете, мисс Нельсон? — спросила Каролин.

— Просто прекрасно, а вы?

Хотя сказанные молодой женщиной слова и были вежливы, лицо ее оставалось напряженным и неприветливым, и если бы ее глаза могли иметь какое-либо выражение, то это было бы выражение неприязни. Каролин пыталась понять, лично ли к ней относится эта легко угадываемая неприязнь или же таким образом мисс Нельсон воспринимает миропорядок в целом. Однако когда гостя обратила свою плоскую физиономию к Селене и поприветствовала ее, то в голосе, ровно минуту назад сухом и почти грубом, явственно зазвучали теплые нотки:

— Рада вас видеть, миледи!

— Я рада встрече не меньше вашего, Миллисент! — сказала Селена, склонив голову. — Присядьте, пожалуйста, и расскажите, что новенького в вашем приходе.

Викарий шумно прочистил горло и взгромоздился на довольно шаткий с виду стул, а его сестрица уселась в кожаном кресле. Пока его преподобие в деталях описывал последние события в приходе, мисс Нельсон хранила совершенное молчание. Каролин изо всех сил старалась подавить зевок. Когда же викарий добрался до «Дамского Базара», то повернулся к сестре и, сияя, предложил:

— Почему бы тебе, дорогая, не рассказать об этом чудесном представлении, ведь ты была его главной организаторницей!

— «Базар» прошел с большим успехом, — жестко проговорила Миллисент, уставясь на Каролин. Глаза ее буквально метали молнии. — Жаль, мисс Синтия, что вас там не было.

— Уверена, что вы прекрасно справились с постановкой и без меня, — парировала Каролин, нарочито мило улыбаясь. Понять столь неприкрытое выражение враждебности со стороны этой женщины она не могла. Даже если предположить, что Миллисент не одобряла ее поступка, вернее, поступка Синтии, то было едва ли благоразумно это неодобрение демонстрировать. В конце концов, Синтия — жена самого могущественного во всей округе человека, который давал средства к существованию самим Нельсонам! Что ж, какова бы ни была причина столь явной неприязни, Каролин весьма мало смутится. Если уж она сумела поставить на место даже завистливых актрисок в Антигуа, то придурковатая сестра захолустного викария будет образумлена в два счета!

— Да, мы справились и без вас, — проскрежетала Миллисент, — но вам не о чем сожалеть, ведь

от поездки в Италию вы наверняка получили огромное удовольствие, не так ли?

— Да, Италия — чудесная страна, — ответила Каролин без тени замешательства.

— И это невзирая на то, что поездка была так внезапна, да?

Каролин медленно подняла брови и навела на нервничающую дамочку беспощадно холодный взгляд аристократки, не выдержав которого бедняжка потупилась и соблаговолила покраснеть. Тогда талантливейшая самозванка заметила таинственно:

— Что поделаешь, временами я бываю несколько импульсивна. Но от этого жизнь становится только интереснее, — а? Как вы думаете, Миллисент?

— Боюсь, я не могу судить о подобных вещах объективно...

Викарий глухо хохотнул:

— Миллисент никогда не бывает импульсивна, миледи. Жизнь в доме приходского священника не оставляет места для сумасбродства.

— Это и хорошо! Такая жизнь приучает человека быть сдержанным и рассудительным, каковы качества, несомненно, достойны всяческого поощрения. Во всяком случае, я хотела бы позаимствовать их у мисс Нельсон.

— Нам всем не помешало бы это, — вступила в разговор Селена, чтобы немного сгладить все острые углы. — Я уверена, что нашей дорогой Синтии не пришлось бы в такой спешке укладывать вещи, если бы она сразу приняла мое приглашение; мы бы отправились вместе, и ей не пришлось бы, как это, к сожалению, случилось, лихорадочно разыскивать меня во Флоренции. Но ей всегда очень трудно было расставаться с Джейсоном и Лорел даже на пару недель!

— Совершенно верно, — не замедлил согласиться викарий, в то время как его сестрица смерила Каролин откровенно недоверчивым взглядом.

В эту минуту послышался тяжелый топот сапог и в дверях появился Джейсон:

— А, Томас! Очень рад! Барлоу уже успел доложить мне, что вы здесь. И мисс Миллисент? Какая приятная встреча! Как это мило с вашей стороны!

Сомервилл пожал священнику руку, а руку мисс Нельсон поднес к своим губам. Каролин заметила, что при этом напряженное до того лицо Миллисент расплылось в блаженнейшей улыбке. Что ж, теперь причина неприязни этой дурочки к Синтии была совершенно ясна: Миллисент питала самые нежные чувства к Джейсону!

— Судя по твоему виду, ты не удержался от того, чтобы поковыряться в земле самому! — сухо заметила леди Браунтон.

— По правде говоря, — рассмеялся Сомервилл, — я наткнулся на застрявшую телегу Роба Марша. Мне пришлось спешиться и подставить плечо.

Самая простодушная радость озаряла лицо Джейсона. Морщинки в уголках глаз и рта совершенно разгладились. Он был красив в ту минуту. Неудивительно, что Миллисент так сохла по нему. Идиотка! У нее не могло быть даже капля надежды на завоевание его сердца. Даже

если бы это сердце и не принадлежало Синтии. Впрочем, если бы она и до билась своего, то едва ли смогла умело распорядиться плодами своих завоеваний. Каролин видела, что Миллисент слишком слаба и неопытна для такого человека, как Сомервилл. В одежде для верховой езды, пропыленной и пропахшей потом, слегка и лошадь, он излучал жизненную силу, казался абсолютным воплощением мужского начала! Рубашка с расстегнутым воротом не скрывала его могучей загорелой шеи, на которой поблескивали полоски восхитительной влаги. Каролин невольно ощутила притягательность этого мужчины и вынуждена была признать, что он в высшей степени сексуален... Впрочем, довольно быстро опомнилась и покраснела от стыда за саму себя. Что за чудовищные мысли лезут ей в голову!

Джейсон с интересом слушал, как священник описывал ему жалкое состояние кровли собственного дома. Каролин видела, что викарий надеется на помощь своего доброго патрона. Патрон же обычного нетерпения не проявлял, и девушка дивилась той обходительности, которую он выказывал по отношению к Миллисент. Джейсон разговаривал с ней весьма тепло и любезно, но не в такой степени, чтобы у бедняжки могли зародиться какие-нибудь надежды на взаимность.

Пообещав заняться кровельными работами в доме викария, Сомервилл извинился вторично и удалился для того, чтобы наконец переодеться. Как только он ушел, брат и сестра Нельсон стали прощаться. Не без доли цинизма Каролин подумала, что эти двое получили все, что хотели, и теперь решили отбыть. Как только дверь за ними захлопнулась — этот звук явственно донесся и в гостиную, — Селена, закатив глаза, простонала:

— Слава Богу, ушли!.. Вчера я была настоящей дурой, когда решила, что смогу избежать встречи с Нельсонами.

— Подозреваю, — захихикала Каролин, — что нет способа избежать их. Несмотря на все свое хлопанье крылышками, викарий, по всему видно, человек решительный!

— Что?! Синтия, странно слышать от тебя такое. Мне казалось, священник — один из твоих друзей!

— Викарий неизменно является другом госпожи из поместья. Разве вы не знали этого?

— Какой цинизм! — улынулась Селена и покачала головой. — Знаешь, дорогая, невзирая ни на что, это был один из самых приятных за последнее время визитов. Я даже подумываю о том, чтобы на пару неделек отложить свой отъезд домой.

— Что ж, и отложите! Мне бы очень хотелось, чтобы вы еще погостили у нас!

Каролин пугала перспектива остаться в доме совершенно одной против Браутона и его верных слуг. Селена, похоже, была здесь ее единственным другом, если, конечно, не считать Бонни. Впрочем, последняя выступала скорее в роли доверенного лица, и только, нежели являлась искренней союзницей.

— Хорошо, — сказала Селена, — я могла бы остаться до следующего четверга, скажем, но никак не позднее: в субботу я просто обязана прийти на обед к Китти Трэшер. Ее сын женился на дочери какого-то купца, и Китти пытается ввести ее в высшее общество, а посему ужасно боится, что никто не захочет прийти к ней.

Каролин едва заметно улынулась. Дочь купца! Не приходилось сомневаться в том, что отец невесты — человек весьма и весьма состоятельный, а Кроссли женится только затем, чтобы по-прежнему вести свою вольготную аристократическую жизнь. Но родители его так стыдились

избранницы, что вынуждены были вводить ее в общество исключительно в тесном кругу друзей и знакомых. Интересно, что бы подумала Селена, если бы узнала вдруг, что ее невестка только что прибыла из колоний, где играла на театральных подмостках!

Дни проходили за днями, и Каролин потихоньку привыкла к домашней рутине. Впрочем, кроме переодеваний к завтраку и обеду ей здесь и занять-то себя было, в сущности, нечем. Бонни говорила, что ведение дома Синтия полностью препоручила миссис Морли и заботилась лишь о том, чтобы не позабыть прочесть меню, которое каждый понедельник представляла ей эта самая миссис Морли. Каролин совершенно не привлекало также вышивание, которым, чтобы как-то скоротать время, занималась Синтия. Более того, если бы ей и захотелось повышивать, то отсутствие навыков немедленно бы выдало ее. Синтия не любила верховой езды, а Каролин, напротив, обожала. Синтия только и делала, что читала книжки, рвала цветы да изредка навещала соседей.

Обреченная на скуку, Каролин, чтобы хоть как-то спасти себя, стала все больше и больше времени проводить с Лорел. Девочка была счастлива, оттого что ей так много стали уделять внимания. Она любила, прижавшись к Каролин, слушать, как та поет ей песни. Каролин щедро одаривала Лорел своей любовью, которая слишком долго, со дня смерти ребенка от Кита, оставшись невостребованной. Познакомившись с девочкой поближе, мама, пускай и самозваная, обнаружила, что та способна на большее, чем ожидали от нее окружающие. Конечно, ее способности были ниже среднего уровня но постепенно у Каролин появилось убеждение, что девочку можно развить как следует. Наплевать, что никто раньше даже не пытался чему-нибудь обучать ребенка. Она сделает это: Бонни всего лишь заботилась о самых примитивных потребностях Лорел: одевала ее, кормила, купала, следила, чтобы она не ушиблась. Все прочие домочадцы часто даже вовсе не замечали ребенка, как бы игнорировали сам факт его существования.

— Она способна только на самые простые действия, мисс Каро, тут уж ничего не попишешь, — настаивала Бонни. — Она может самостоятельно обслуживать себя. Вы думаете, его светлость не возили ее к докторам? И притом самым лучшим докторам? Возили, еще как возили, но доктора пришли к единодушному заключению, что Лорел — идиотка. Они говорили, что все это из-за ужасных, излишне затянувшихся родов, через которые пришлось пройти мисс Синтии. Такие вот роды и сгубили мозг мисс Лорел.

— Бонни, а я разве говорю, что девочка нормальна? — парировала Каролин. — Конечно, нет. Но за последние несколько недель она здорово продвинулась в своем умственном развитии и продолжает делать большие успехи. Посмотри, как бедное дитя старается построить из кубиков такую же крепость, какую построила я!

Лорел действительно старательно громоздила друг на друга деревянные кубики, даже высунув от усердия кончик языка. Бонни многозначительно посмотрела на Каролин.

— Да, — важно сказала няня, — я знаю, что иногда она поступает довольно осмысленно. Но она может быть сосредоточенной лишь очень недолгое время, а после получает удовольствие также и от разрушения всего построенного?

— Но это нисколько не умаляет ее стараний в целом! — ответила Каролин.

— Да, миледи, как скажете!

Бонни явно не желала сдаваться.

Тем не менее Каролин продолжала работать с девочкой, прикладывая все усилия к тому, чтобы

бедняжка научилась для начала хотя бы самостоятельно одеваться: показывала, как нужно управляться с панталонами, сорочкой, нижними юбками. Несмотря на то что успехи были довольно скромны, Каролин не сомневалась, что девочка понимает ее и желает научиться всему тому, чему ее хотят научить.

Новую маму оказалось не так-то легко запугать, хотя грозная Бонни беспрестанно негодовала на каждое ее вторжение в детскую. На все неодобрительные взгляды и намеки Каролин просто не обращала никакого внимания. У нее не было проблем с тем, чтобы просто взять и поставить старуху няньку на место, когда та становилась излишне крикливой в своих поучениях. Но в общем-то все это превратилось в ежедневную войну. Каролин была преисполнена решимости одержать победу, хотя сильно рисковала, так как Бонни могла раскрыть Джейсону все карты. Но все же отчаянная лицедейка верила, что любовь няни к Синтии удержит ее от столь опрометчивого шага. Итак, Каролин продолжала тайком ходить в детскую. Она узнала время, когда там бывает Сомервилл, и прилагала все усилия к тому, чтобы не встречаться с ним.

Как только Селена решила возвратиться в Лондон, Джейсон вызвался сопровождать ее и задержался в столице по каким-то делам дней на десять. Хотя Каролин сама мысль об отъезде леди Браутон была невыносима, она все же радовалась тому, что остается в доме одна, без Сомервилла. Это давало ей неслыханную свободу общения с Лорел!

Со дня отъезда Джейсона прошло уже несколько дней, когда Каролин решила вывести Лорел в парк. Было вполне ясно, что, несмотря на слабый ум, чувства девочки развились вполне прилично. Ей нравились красивые картинки, она всегда тщательно ощупывала мягкие ткани, из которых шились наряды Каролин, жадно вдыхала аромат ее духов.

— Знаешь, Бонни, — нередко заявляла Каролин, — я думаю, Лорел понравятся цветы и их запах. Тебе так не кажется, а?

Бонни непонимающе смотрела на свою новую госпожу и блеяла:

— Это уж вам виднее, миледи! Это уж как вам угодно!

— Складывается впечатление, что несчастное дитя все время сидит взаперти в своей комнатке.

— Нет-нет, я, вывожу ее на прогулки, мисс Каро!

— Я и не сомневаюсь, что выводишь!

Каролин старалась говорить в примирительных тонах. Она действительно видела Бонни выгуливающей Лорел. Поспешный шаг няни, взгляд, устремленный прямо перед собой, рука, крепко сжимающая ручку девчурки... Лорел, спотыкаясь, бредет рядом, головка ее вертится во все стороны, новые впечатления обрушиваются на нес. Девочке, чтобы усвоить новое, требовалось гораздо больше времени, чем нормальным детям, и Каролин понимала, что прогулки с Бонни были для Лорел скорее чем-то пугающим и неясным, чем просто радостью знакомства с миром.

— Няня, милая, мне все-таки хотелось бы вывести ее в парк самой!

— Хорошо, миледи!

Очень быстро привыкла Бонни называть Каролин «миледи», хотя Синтию называла не иначе, как «мисс Синтия».

Бонни закутала Лорел в голубое пальто и надела на голову капор. Однако было слишком тепло, по мнению Каролин, которая выходила в сад, набросив на плечи одну лишь шаль. Лорел не давала одеть себя для прогулки, она не хотела выходить наружу и сопротивлялась изо всех сил. Глаза ее наполнились слезами.

— Нет, нет! — лепетала малышка (это было единственное слово, которое она умела выговаривать вполне членораздельно) и кивала на Каролин.

— Ну вот! — сокрушенно заметила Бонни. — Сегодня у нее слезливое настроение, миледи. Она думает, что я поведу ее на прогулку без вас... Да, все последние дни крошка сама не своя. Она все время ждет, когда вы придете навестить ее. Не хочет подчиняться обычному распорядку!

— Распорядок — не самое главное в жизни, — резко оборвала нянькину болтовню Каролин и, присев на корточки, протянула руку Лорел:

— Пойдем, дорогая, мама хочет погулять с тобой. А ты хочешь идти со мной?

Лорел оживленно закивала головой и схватилась за юбку Каролин. Мать, пускай мнимая, и дочь направились вниз по лестнице, мимо горничной, полировавшей перила. Служанка проводила их изумленным взглядом, сжимавшая тряпку рука повисла в воздухе. Каролин не обратила на все это ни малейшего внимания, вывела Лорел на крыльцо, где дала малышке осмотреться немного, охватить взглядом весь аккуратно подстриженный парк. Потом они сошли по ступенькам и направились по извилистым тропинкам, в самое сердце роскошного парка.

Все впечатления были новы и удивительны для Лорел. Непроизвольно она протягивала руку и прикасалась к листьям деревьев и кустарников, замечая, что эти листья, как и сами деревья и кустарники, все очень разные. Вдруг малышка присела на корточки и подняла с земли палку, внимательно изучила ее и, отнюдь не желая выбрасывать, накрепко зажала в своей ручонке. Она продолжала собирать камешки и палочки до тех пор, пока ее руки вмещали все собранное. Наконец ничего добавить уже не представлялось возможным, и ротик Лорел стал потихоньку кривиться от досады. Каролин решила проблему следующим образом: она взяла у девочки все лишние предметы и засунула их себе в карман. Лорел, вдохновленная открывшимися перед ней горизонтами, с удвоенной энергией принялась разыскивать новые гвоздики, прутики, камешки, осколки стекла и запихивать всю эту дрянь в благословенные карманы Каролин. Когда наконец путешественницы достигли роскошной клумбы с громадным количеством хризантем, глаза Лорел широко распахнулись, и малышка издала звук небывалого восторга. Она подбежала к цветам и, запустив руки в самую их гущу, стала теревить стебли и пышные головки хризантем. Каролин присела рядом и показала, как правильно нужно рвать цветы. Теперь Лорел, следуя преподанному примеру, уже не мяла цветок в кулаке, а осторожно брала его за стебель у корня. Среди цветов они провели несколько минут, прежде чем Лорел почувствовала себя готовой идти дальше. Стояла ранняя осень, и некоторые деревья уже роняли свои высохшие листья. Когда Лорел впервые наступила на опавшие листья, те захрустели под ее ногами. По лицу девочки пробежало выражение крайнего изумления. Она снова и снова наступала на них, с восторгом прислушиваясь к легчайшим шелесту и хрусту. Она загребала их ногами, потом наклонялась и хватала полными пригоршнями, бросая тотчас листья в воздух. Она весело смеялась, когда те плавно падали на землю. Каролин не могла не разделять счастья малышки.

Они достигли белого открытого бельведера, что находился в конце парка, и сели там на скамью, любясь рекой. Лорел сначала обошла маленькую деревянную беседку на холмике кругом, трогая ее резные колонны, перила, потом наконец устроилась рядом с Каролин и

устремил взгляд на речку. Вскоре, утомившись наблюдениями за равномерно катящимися волнами, она задремала, прислонившись к своей новой маме. Каролин покрепче обняла малышку и подумала, что, пожалуй, согласилась бы просидеть вот так целую вечность.

Вскоре с реки пополз вечерний туман, сырость стала проникать даже сквозь одежду. Хотя Каролин и сердилась на Бонни за то, что та укутала девочку излишне тепло, но все же понимала, что от сырости ребенок может заболеть, чего никак нельзя было допускать. Она слегка потрясла крошку, та медленно раскрыла глаза. Казалось, девочка ничуть не удивилась своему пробуждению в столь странном месте. Мило улыгнувшись и спустив ноги на землю, она протянула руку Каролин; та взяла ее, и обе они зашагали к дому, иногда останавливаясь по дороге, чтобы полюбоваться попадавшимися им на глаза чудесами.

Капор Лорел сбился и болтался теперь за спиной на лентах. Волосы спутались, в них застряли обрывки листьев и цветов. Обе путешественницы выглядели дивно растрепанными, дивно беззаботными. Иногда, склонившись к траве, они смотрели, как ползла там змея.

— Синтия!

Рев лорда Браутона прервал их безмятежное наблюдение. Чувствуя себя виноватыми, и Каролин, и Лорел резко подскочили. По тропинке навстречу им торопливо шагал Джейсон. Он был без шляпы, его черные как смоль волосы зловеще блестели на солнце, сощуренные глаза превратились в щелочки, и глубокая складка прорезала весь лоб. Лицо покраснело от гнева, кулаки и не думали расправляться в ладони. Лорел в испуге посмотрела на Каролин, и та, как бы защищая девочку, обняла ее за плечи. Когда Джейсон подошел поближе, то немедленно вырвал дочь из объятий Каролин.

— Какого черта ты прогуливаешься с ней? Кажется, однажды я уже запретил тебе делать это!

— Да, но ты же знаешь, что куда более благоразумным предупреждениям и то не всегда внемлют! И кстати, будь посдержаннее, ты пугаешь Лорел.

На мгновение глаза Сомервилла вспыхнули, но он тут же приказал дочери:

— Иди домой, детка.

Лорел, ища поддержки, обратила умоляющий взгляд к Каролин. Та улыбнулась ей.

— Да, Лорел, да, иди в свою комнату. Там тебя ждет няня. Она приготовила для тебя чашечку горячего какао. Не беспокойся, чуть позже я составлю тебе компанию!

Джейсон повернулся и не без изумления посмотрел вслед удалявшейся дочери. Когда она достигла дверей дома, он резко повернулся к Каролин и выпалил:

— Черта с два ты составишь ей компанию! Я уже говорил тебе, что не позволю играть с Лорел во всякие непристойные игры!

— Я и не играю ни в какие игры, тем более непристойные. Но она не только твоя, но также и моя дочь, ведь так?

— Так, да вот только никто не хочет всерьез считать тебя матерью. Ты просто сучка! Эгоистка! Тебя никто не интересуется, а Лорел для тебя раньше просто не существовала. Ты давным-давно утратила свои права на нее!

— Я ее мать, — упрямо настаивала Каролин. — Ты не можешь запретить мне видеться с ней.

— Разве?

Джейсон так низко наклонился над Каролин, что ей даже пришлось слегка отстраниться. Она могла видеть мохнатые кончики его ресниц, яркие точки зрачков. Она окунулась в его выразительный мужской запах, и ее пронзило воспоминание о Ките и об отце. Запах Джейсона не был точным воспроизведением их ароматов, но все же содержал в себе нечто чарующее, притягательное. Сомервилл тяжело опустил свои руки на плечи Каролин, причем пальцы его стали крепко сдавливать ее.

— Если тебе так хочется стать матерью Лорел, то, быть может, ты пожелаешь также занять свое законное место в супружеской постели?

Каролин судорожно сглотнула, но глаз опускать не стала. По правде говоря, она просто не могла их отвести в сторону, будучи заморожена серебристо-зеленым взглядом Джейсона.

— А что, если я решу восстановить свои права? — продолжал хрипеть Сомервилл. — Кстати, я это непременно сделаю, если ты будешь продолжать встречаться с Лорел. Ты что, забыла уже, как ненавидела спать со мной? Как ненавидела даже вот это. — Тут Джейсон наклонил голову и прижался ртом к ее губам, пытаясь раскрыть их кончиком языка. Он прижал ее податливое тело к своему так, чтобы она могла почувствовать всю волшебную крепость его мышц. Его дыхание испепеляло ей кожу. Каролин, вдруг вспыхнув, затрепетала. Она подняла руки к его груди, как если бы собиралась оттолкнуть его, но силы в этих руках не было. Джейсон еще больше отдался поцелую и одной рукой обхватил ее грудь. Даже сквозь одежду она почувствовала всю силу его жара. Пока он пытался нащупать ее сосок, его язык упивался нектаром ее рта. Он обследовал поверхность неба и лениво ласкал язык, в то время как его свободная рука настойчиво гладила бедра Каролин.

Сама же Каролин забылась в плывущем мире безумных страстей. Где бы Джейсон ни прикасался к ней, она чувствовала в своем теле жизнь: грудь, живот, ноги, руки, рот, — все в остром желании отзывалось ему. Внезапно Сомервилл отпустил ее и почти отшвырнул прочь.

— Ага, ты этого хочешь! — Рот его презрительно кривился, а глаза сверкали. — Снова хочешь оказаться в моей постели, не так ли?

Дрожащими руками Каролин утерла губы и попыталась собраться с мыслями. Сейчас было не время разваливаться на части. Ей нужно подумать о Лорел. Важным было только это. Ей следовало сосредоточиться на Лорел и старательно воображать себя Синтией.

— Ты же прекрасно знаешь, что не хочу, — сказала она тихо.

— Рад слышать от тебя такие речи. Но всего вероятнее то, что посредством тесного общения с дочерью ты хочешь причинить мне боль. Найдешь лазейку в ее сердце, а потом будешь угрожать мне, что уйдешь из ее жизни!

— О нет! Только не это! Как тебе в голову могла прийти такая мысль! — вскрикнула Каролин.

— Дорогая моя, где речь идет о тебе, я могу ожидать чего угодно.

— Но поверь, я изменилась. Я не причиню зла Лорел. Я просто хочу, чтобы ты предоставил мне возможность видеться с ней. Я хочу быть ей матерью!

— Ты же не переваривала ее раньше! Тебя всю ломало при одном упоминании о дочери. Откуда вдруг такая перемена?

— Я... у меня был опыт... такой опыт, который заставил меня понять, что я была не права в своем отношении к ней.

Каролин разглядывала свои руки. Ей нельзя было отступаться, нельзя было совершать никаких оплошностей. О своих чувствах она подумает позже. Но сейчас ей предстояло убедить Джейсона в том, что побег Синтии изменил ее отношение к Лорел. Иначе вся ее собственная возня с малышкой будет понята абсолютно не правильно. Джейсон продолжал сомневаться в ее добрых намерениях по отношению к Лорел и, не ровен час, запретит ей видеться с девочкой. Или, что уже совсем нехорошо будет, обнаружит самозванство Каролин и вышвырнет обманщицу из дому. Она закусила губу, едва справляясь с дрожью, уже овладевавшей всем ее телом. Как можно заставить Джейсона поверить? Что же такое могло переменить нрав Синтии?

— Я видела... я видела ужасные вещи, — начала она, взор ее затуманился: припоминались виденные в Вест-Индии кошмары. — Дети, умирающие от голода. Калеки. Брошенные на произвол судьбы старики...

Джейсон продолжал смотреть на супругу молча. От изумления морщины на его рассерженном лице стали разглаживаться. Каролин подняла к нему глаза, влажные от слез. Искренняя мольба читалась в этих глазах.

— Я поняла, какой глупой была по отношению к Лорел. Я ведь гораздо лучше обеспечена материально, чем большинство матерей. Я хочу наверстать все упущенное за эти годы. Мне никогда не хотелось причинять Лорел боль. Дело в том, что я страдала почти врожденной неприязнью к людям, несколько отличным от нормальных. Теперь я вижу, как заблуждалась. Джейсон, пожалуйста, дай мне шанс. Не забирай ребенка, не лишай надежды на счастье в материнстве. Не поступай со мной так жестоко!

В глазах Сомервилла еще сохранялось настороженное выражение, но рот уже перестал презрительно кривиться.

— До чего же ты прелестна, когда молишь о снисхождении, о сострадании. Этим своим взглядом ты переворачиваешь всю душу человеку.

— Прощу тебя, Джейсон! Хочешь, я встану перед тобой на колени? Хочешь, буду ползать у тебя в ногах? Это тебя утешит?

— Трудно сказать. Я уже потерял все надежды на твое исправление. Если меня что-нибудь и волнует, так это судьба Лорел.

— Тогда позволь девочке наконец обрести мать. Она хочет, чтобы я была рядом. Она счастлива со мной!

— Она всего лишь заморожена твоей красотой, но понять, как эта красота ничтожна, бедняжка не в состоянии. Впрочем, ладно. Не буду мешать тебе видеться с ней, но обещаю, что следить начну самым жестоким образом. И если ты сделаешь что-то, что причинит зло Лорел, ты пожалеешь о том, что родилась на свет!

Глава 7

Каролин продолжала твердо стоять на своем, хотя угроза Джейсона потрясла ее. Высоко подняв голову, она смотрела ему прямо в лицо и потом, в знак того, что поняла его слова, кивнула. Сомервилл гордо зашагал прочь, оставив ее в парке одну. Каролин направилась к каменной скамейке, что стояла возле клумбы с хризантемами. Яростный поцелуй Джейсона глубоко потряс девушку, но не из-за того чувства ненависти, которое скрывалось за этим поцелуем, а из-за ее собственной реакции на издевательскую ласку Джейсона. Она испытала волну страсти, безумное желание обвить его руками и ответить на поцелуй. Каролин вспомнила, как от его прикосновений воспалилась ее кожа, как затвердели соски. До чего же унижительно было реагировать таким образом на поцелуй, которым Джейсон всего лишь хотел напомнить Синтии о том, как груб он бывал с ней в постели!

Каролин не узнавала сама себя. Она испытала страсть с Китом, но никогда не бывала увлечена так, как сам муж. Кит всегда уверял ее, что для леди ее воспитания некоторая холодность в амурной возне только естественна. Он научил ее, как доставлять удовольствие ему. Она с радостью делала все, о чем он просил, но сама едва ли испытывала нечто необычное. После смерти Кита у нее не было проблем с отваживанием своих бесчисленных поклонников. Она не имела ни малейшего желания иметь что-либо с ними. Но вот теперь она испытала вспышку страсти к мужу своей сестры, к человеку, который обращался с Синтией до последней степени скверно и от которого с первого дня их встречи в Антигуа она не видела ничего, кроме гнусного презрения и неуважения.

Каролин переполняли бурные и противоречивые эмоции. Когда она была моложе, то всегда избавлялась от подобных чувств, и самым действенным средством избавления была верховая прогулка: неистовый аллюр, дующий прямо в лицо ветер. Каролин с тоской во взоре посмотрела на конюшню. Ах, если бы сегодня ей удалось прокатиться!..

Нет, она не могла, ибо Синтия, чью роль приходилось так или иначе играть, почти никогда не ездил верхом. Посему Каролин старалась держаться подальше от лошадей, чтобы не искушать сидевших в ней бесов, то и дело нашептывавших ей про развевающиеся гривы, про свист в ушах, про неистовую скачку... Верховая езда была ее любимым времяпрепровождением до тех пор, пока состояние кошелька позволяло развлекаться подобным образом. Со вздохом Каролин поднялась и направилась к дому, но и там, в доме, не могла найти успокоение для своих расшалившихся нервов. Обстановка спальни с ее бесчисленными мелкими и довольно безвкусными украшениями душила Каролин. У нее было чувство, что жизнь Синтии загнала ее в капкан и теперь выбраться становилось все труднее. Ей нестерпимо хотелось глотнуть свежего ветра стремительной скачки!

Каролин широко распахнула дверцу шкафа и стала рыться среди платьев, пока наконец не отыскала амазонку из королевского голубого бархата. Наверняка Синтия все же по временам выезжала на лошади, иначе костюм для верховых прогулок был бы ей попросту ни к чему. Быстро, даже не удосужившись обратиться за помощью к Присцилле, Каролин стянула с себя одежду. Отбросив всю эту массу, включавшую в себя платье, нижние юбки и обручи, она облачилась в амазонку строгого покроя. Цвет был очень к лицу ей, так же как и простой военный стиль жакета. На ноги она натянула блестящие мягкие сапожки и стала искать хлыстик. Наконец хлыстик был найден в дальнем углу шкафа. К счастью, гораздо легче удалось ей отыскать кожаные краги для верховой езды и изысканную голубую шляпу под стать амазонке. Водрузив шляпу на голову, она закрепила ее длинной шляпочной булавкой и, посмотрев в зеркало, улыбнулась. Шляпа с длинным пером фазана, плавно изгибающимся и касавшимся ее щеки, была невероятно мила. Каролин вышла из спальни, взяв хлыстик и перчатки. В коридоре она несколько помедлила и огляделась, потом с быстротой молнии устремилась вниз по лестнице к задней двери, подумав, что чем меньше людей она встретит на своем пути, тем лучше, тем вероятнее, что Джейсон не узнает о ее прогулке. Выйдя из дому,

Каролин пересекла парк и направилась к конюшням, располагавшимся сразу за этим парком. Вступив после яркого дневного света в полумрак стойла, она несколько помедлила и зажмурилась, чтобы попривыкнуть к темноте. К ней немедленно направился помощник конюха. Челюсть его от удивления отвисла. Сняв с головы кепи, он выдал из себя только:

— Миледи! Я... я не ожидал вас здесь увидеть!..

— Меня внезапно охватило желание покататься верхом, — ослепительно улыбнулась в ответ Каролин. — Подготовь мне, пожалуйста, лошадь поспокойнее.

Нельзя было просить такую лошадь, которую бы она выбрала сама. Это показалось бы слишком нелепым, но Синтия, не исключено, дерзала прогуливаться верхом на какой-нибудь смирной лошаденке.

Юноша, продолжая мять в руках свою шапку, мигом скрылся и вскоре вернулся, ведя за собой раскормленную кобылу. Каролин, подавив вздох разочарования, улыбнулась юноше, а тот, казалось, был совершенно подавлен присутствием «миледи». Девушка решила воспользоваться этим своим преимуществом. Она доверительно наклонилась к нему и проговорила:

— Пожалуйста, никому об этом не рассказывай. Понимаешь, я хочу хорошо научиться ездить на лошади, чтобы приятно удивить его светлость!

— О да, миледи, ни одна душа не узнает об этом!

— Благодарю, — сказала Каролин и села в седло. Поскольку она уже давно ничего подобного не делала, то ей пришлось особенно стараться, чтобы выглядеть неуклюжей. Она вывела кобылу со двора и поехала по дорожке, ведущей в западном направлении. Сначала ею руководило желание как можно быстрее скрыться из виду, но едва она очутилась под прикрытием деревьев, то расслабилась и стала спокойно наслаждаться раскинувшимся перед ней пейзажем. Каролин вспомнила, что где-то здесь, по словам Бонни, находилась сторожевая башня — любимое место Синтии. Совсем неплохо было направиться туда. Раз Синтия часто бывала там, то Каролин следовало хотя бы знать, как то место выглядело.

Чтобы достичь развалин, Каролин не потребовалось много времени. Синтия, несомненно, ходила сюда пешком. Крепость Хемби была квадратной, из числа тех, что строились в Кенте норманнами несколько столетий назад для того, чтобы отражать возможные атаки с пролива. Она была сложена из такого же серо-коричневого камня, что и Браутон-Курт. В более поздние времена к ней пристроили два крыла. Теперь оставались только две полуразрушенные стены, все остальное, включая пристройки, лежало в руинах. Каролин спешила и направилась к башне.

Дверь находилась на уровне второго этажа, что часто встречалось в этих старых крепостях, сооруженных специально для военных действий. Родной дом близнецов, который тоже когда-то служил сторожевой башней, был устроен аналогичным образом. Правда, позже захватчики превратили высокую дверь в окно. В крепость входили по веревочной лестнице, которую в ходе сражения поднимали, что затрудняло проникновение внутрь. Но теперь высокая дверь выглядела нелепо, потому что с двух сторон разрушенный форт оказывался открытым. Каролин, побродив кругами, вошла наконец в пролом в стене. Она посмотрела вверх, и у нее закружилась голова, так как стены казались наклоненными внутрь. Каролин поспешно опустила глаза и направилась в другое место. Там, куда она пришла, также отсутствовали крыша и часть стены. Удивляло то, что большинство внутренних перегородок уцелело. Бонни говорила, что камень сторожевой башни Хемби использовался при сооружении Браутон-Курта,

что, по всей видимости, и способствовало быстрому разрушению пристроек.

В крыльях было более сумрачно, чем в самой крепости, потому что стены здесь были выше и в меньшей степени тронуты неумолимым временем и хозяйничанием провинциалов. В одной или даже двух, так сказать, кельях было совершенно темно. Каролин прошла по всему строению, осторожно обходя валуны, щебенку. Вдруг она услышала, как камень чиркнул по камню, как будто что-то упало. Каролин огляделась, но ничего не увидела в сумраке развалин. И все-таки по спине пробежали мурашки. Если бы это был человек, он бы непременно окликнул ее. Напряглась. Прислушалась. Нет, кругом царил абсолютная тишина.

Каролин действовала так, словно бы играла некую роль в мелодраме. По-видимому, само место так повлияло на нее. Наверное, какое-то мелкое животное сдвинуло камешек с места, и тот покатился. Может, это крыса? Каролин стрелой понеслась прочь, придерживая юбки амазонки. Снаружи было приятно, тепло и солнечно. Стоял прекрасный осенний день, и Каролин мгновенно почувствовала несостоятельность и глупость всех страхов. Противоположное крыло, надо полагать, когда-то пострадало от пожара, поэтому-то изнутри там все было покрыто сажей и отовсюду торчали обугленные балки. Ей незачем было туда идти. Оглядевшись, она зашагала к лошади. Понять пристрастия Синтии к столь малопривлекательному месту Каролин не могла. Конечно, крепость имела довольно романтический вид, но в то же время была слишком грязна и зловеща.

Чтобы оседлать кобылу, Каролин пришлось подвести ее к дереву. Как только девушка вскочила в седло и удобно в нем устроилась, у нее снова возникло чувство, будто кто-то наблюдает за ней. Она почувствовала себя незащищенной и стала нервничать. Пристально вглядывалась Каролин в деревья, росшие вдоль тропинок. Они были густыми, часто располагались группками, и гипотетический наблюдатель мог оставаться в них вполне незамеченным. Возможно, Джейсон, завидя, что супруга куда-то поехала верхом, отправился вслед, чтобы вызнать, не обманывает ли она его.

Впрочем, подобные предположения были более чем нелепы. Если бы Сомервилл и заподозрил обман, то вряд ли стал бы скрывать свои домыслы. Он использовал бы такое открытие и дразнил Каролин. Каким бы неприятным человеком он ни был, он все же не взялся за столь гадкую слежку. Его средство — это прямое нападение!..

Однако так же маловероятно, чтобы кто-нибудь еще мог следить за ней. Каролин твердо решила умерить свои интуитивные предположения и сильнее вдавила каблуки в бока кобылы.

Как только Серая Леди устремилась вперед своей причудливой иноходью, Каролин захохотала. На такой дивной кобыле она от своих преследователей, если эти преследователи действительно окажутся не просто плодами расстроенного воображения, не убежит!

Девушка остановилась во дворе, напротив стойла и, будучи в силах соскочить с лошади сама, дождалась тем не менее, когда подойдет парень, помощник конюха, и любезно стащит на землю, как сие и приличествует. Юноша повел лошадь в конюшню, а Каролин, влекомая любопытством и любовью к животным последовала за ним. В одном стойле находился замечательный белый жеребец, который при приближении женщины начал прядать ушами и настороженно коситься в ее сторону. Она уже знала, что то был конь Джейсона. Раз или два с большого расстояния она видела его на этом жеребце. Тогда Каролин решила, что конь просто великолепен. Но увидев его вблизи, она поразились еще сильнее. В конце ряда стойл появилась изящная черная кобыла из арабских скакунов со звездочкой на лбу. Каролин прислонилась к деревянной перекладине и восхищенно посмотрела на лошадь. Лошадь явно предназначалась для женщин: небольшого размера, с ясным взором и, судя по всему, резвая.

Помощник конюха уже снял седло с Серой Леди и чистил кобыле спину. Каролин повернулась к нему и спросила:

— Послушай, любезный, как зовут вот эту красавицу со звездчатым пятном на лбу?

Брови паренька поползли вверх от изумления, но он тут же спохватился и придал лицу обычное выражение.

— Неужели забыли? Это Фелиция, миледи! Кобыла, которую вам подарили его светлость несколько лет назад.

Каролин приложила все усилия к тому, чтобы как-то спасти ситуацию:

— Между прочим, я именно так и подумала! Не правда ли, жаль, что такая красавица может внушать девушкам вроде меня столь сильный страх.

— Да, миледи.

Каролин поняла, что помощник конюха мысленно пожал плечами. Ее поведение могло показаться ему предосудительным, но это вполне соответствовало духу Синтии.

Вернувшись в свою комнату, Каролин тут же сняла костюм для верховых прогулок, и очень кстати, так как в ту же минуту явилась Присцилла и сообщила, что для госпожи уже приготовлена ванна. После долгого и приятного купания Каролин позволила служанке перед камином расчесывать себе волосы. Та свернула их узлом на хозяйкином затылке, накрутив на палец свободные и все еще влажные прядки. Каролин надела шелковое платье цвета белой лаванды и накинула на голые плечи белую кружевную накидку тонкой работы, прикрыв таким образом глубокий вырез платья. Небольшая брошь стягивала у нее на груди шарф. Каролин заметила, что золотистый цвет ее кожи стал пропадать. Теперь ее бледнеющее лицо все более соответствовало идеалу британца.

Когда она спустилась в гостиную, то нашла там Джейсона со стаканом в руке. Каролин с ужасом сознавала, что это будет их первый вечер и первый ужин без Селены. Сомервилл выпил содержимое бокала и повернулся к супруге. Глаза его блестели.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, — сказал он. — Как и всегда. Шерри?

— Да, если можно.

Взгляд Джейсона выбил Каролин из колеи. Муженек, очевидно, выпил больше своего обычного стакана виски.

Сомервилл протянул ей шерри, а себе налил еще один полный стакан. Он сел напротив Каролин. Оба они, чувствуя себя довольно неудобно, напряженно смотрели друг на друга.

— Полагаю, что у вас с Селеной было приятное путешествие, — попыталась Каролин завязать беседу.

— Вполне нормальное, как обычно, — пожал плечами Джейсон.

— Она успела к обеду?

— К какому обеду?

— Она говорила мне, что была приглашена на обед какой-то своей подругой. Та вводит в общество свою невестку.

— Ах, вон оно что... — Джейсон словно пребывал в замешательстве и не знал, что делать, что говорить. — Да, мать потащила меня за собой. Чертовски скучный прием.

При этих своих словах Сомервилл изрядно отхлебнул из своего бокала.

— А ее невестка оказалась такой же ужасной, как ожидалось?

Джейсон вновь отпил.

— Да нет, вполне спокойная и даже милая девочка... Но послушай, дорогуша, тебе совершенно незачем вести со мной так называемую светскую беседу. У меня нет настроения. Кроме того, здесь нет ни единого человека, ради которого нужно было бы ломать всю эту комедию.

— Здесь есть слуги.

— Которые поголовно осведомлены о нашей с тобой взаимной неприязни!

Каролин почувствовала, как ее спина напряглась и румянец покрыл щеки.

— У меня сложилось впечатление, что ты хотел бы сохранить хотя бы внешние приличия и именно по этой причине приволок меня в Браутон-Курт.

Джейсон осушил бокал и шумно опустил его на стол.

— Сохранить приличия — это не значит притворяться, что интересуешься жизнью противного тебе человека. Зачем тебе знать о моих делах в Лондоне?

— Понимаю. Выходит, я должна держать рот на замке.

— Вот именно!

— Что ж, я запомню это. Поверь, у меня нет ни малейшего желания продолжать беседу с тобой. Нет никакой необходимости спрашивать о том, что ты делал в Лондоне, ибо, как мне кажется, я знаю ответ.

Джейсон издал некий звук, который с равным успехом мог называться и смехом, и стоном.

— Знаешь ответ? В самом деле? Умоляю, открой мне, что же такое подельвал я в столице?

— Странная просьба, — криво усмехнулась Каролин, — мне казалось, что я не должна разговаривать с тобой, а должна держать рот на запоре, как только что было условлено!

Джейсон свирепо зыркнул на свою строптивую женушку и вновь направился к буфету, чтобы налить в бокал новую порцию виски.

— Судя по всему, ты полагаешь, будто я навещал любовницу, да?

«Значит, у него есть любовница», — заключила Каролин, и внутри у нее все вскипело. Надо же, он мог преследовать Синтию за неверность, в то время как сам отнюдь не блистал добродетелями. И это нормально! Несомненно, Сомервилл был крайне сдержан на этот счет.

— В чем дело, Синтия? Ты что, пьяна? Мне казалось, что ты будешь только приветствовать мои связи на стороне. Кроме того, мерка, приложимая водному... ну и так дале...

— Поверь, мне нет никакого дела до твоей личной жизни!

— Верю!

Каролин упрямо поджала губы. Сомервилл был ужасным человеком, а сегодня еще вдобавок и как следует выпившим. Наконец дворецкий позвал к ужину. Джейсон поднялся и предложил Каролин руку. С приливом отвращения она осознала, что ей тоже придется взять его под руку, причем делать это изо дня в день. Теперь, когда Селена уехала, Джейсон будет сопровождать ее к обеду. Хотя их разделяли кружевные митенки и ткань жакета и рубашки, прикосновение для Каролин оказалось слишком интимным, и это никоим образом ее не устраивало. Она могла чувствовать тепло его тела, ей приходилось находиться слишком близко от него. Ее рука слегка вздрагивала. Каролин надеялась, что Джейсон не заметит этого подрагивания. Меньше всего ей хотелось, чтобы он догадался, как его бояться...

Они прошли в столовую и уселись за стол. Каролин гадала, сколько еще может выпить Сомервилл. В его движениях была некоторая развинченность, эмоции довольно ясно отражались на лице, что раньше случалось с ним довольно редко. Правда, походка оставалась такой же ровной и твердой, как обычно. Когда он отодвигал для нее стул, то не сделал ни одного лишнего движения. На протяжении всего ужина он продолжал вливать в себя спиртное.

— Тебе не кажется, что уже хватит прикладываться к бутылке? — вырвалось у Каролин, когда Сомервилл выплеснул себе в глотку третий бокал вина.

— Что, где и в каком количестве я буду пить, тебя никак не касается, — проскрежетал он, и глаза его от злости сузились.

Чтобы выразить свое полное равнодушие к Джейсону, Каролин сосредоточилась на созерцании собственной тарелки. До окончания ужина не было больше вымолвлено ни слова. Только один раз, почувствовав на себе тяжелый взгляд, Каролин на секунду вскинула глаза и тут же их опустила. Она предпочла бы не видеть яростного и обвиняющего выражения на лице Джейсона. За десертом Каролин заявила:

— Прошу меня извинить!

Сомервилл слегка пожал плечами.

Как только девушка добралась до своей комнаты, то немедленно бросилась в кресло, тяжело дыша от бега по крутым лестницам. Нужно было немедленно ослабить шнуровку. Когда пришла Присцилла, Каролин с ее помощью облачилась в свою излюбленную ночную сорочку, накинув сверху бледно-розовый атласный пеньюар и подвязавшись пояском. Присцилла тщательно причесала ей золотисто-рыжие волосы, пока те не стали потрескивать от скопившегося в них электричества и не заблестели, как отполированный металл.

Связав волосы сзади простой бархатной лентой, Каролин отправилась в комнату Лорел, чтобы перед сном поговорить с малышкой. Бон ни приготовила для них по чашечке какао, что уже сделалось традицией. Затем Лорел забралась к севшей в кресло-качалку Каролин на колени, и лицо ее расплылось в блаженной улыбке, когда полилась из уст мамочки колыбельная песенка. Лорел часами могла слушать песни Каролин, на сей раз головка ее довольно быстро склонилась на бочок, и певунья быстро уложила крошку в постель, нежно поцеловав на прощание.

Возвращаясь к себе в комнату, Каролин остановилась на лестнице и прислушалась. В доме было темно и тихо, свет горел только в нескольких комнатах. Слуги, видимо, уже закончили на кухне все свои дела и разошлись спать. Никаких признаков Джейсона поблизости не обнаруживалось. Странно, но теперь Каролин думала о себе уже как о леди Браунтон, супруге Сомервилла. Такие мысли несколько беспокоили ее. Ей вовсе не хотелось думать в таком ключе. Джейсон должен был оставаться для нее посторонним человеком, мужем ее сестры, который для нее, для самозванки, ничего не мог значить.

В спальне Каролин уселась поудобнее в плетеное кресло, чтобы немного почитать перед сном. В загроможденной мебелью комнате ей стало душно и тревожно. Она открыла окно, но это помогло довольно мало. Отложив книгу, Каролин забралась на кровать и устремила взгляд на оборчатый голубовато-белый балдахин. Текли минуты. Была почти половина двенадцатого. Несомненно, в доме все давно спали. Она же одна продолжала бодрствовать.

Раздавшийся внизу лестницы звук — как будто упал некий твердый предмет — расколол тишину. Каролин вскочила с постели. Не обращая внимания на босые ноги и легкость своей одежды, быть может, мало приличную для леди, она выбежала в коридор и свесилась с перил лестницы, чтобы посмотреть, что же такое случилось. Но внизу, кроме узкой полоски света, она ничего не могла различить. С громко бьющимся сердцем девушка, подобрав подол ночной рубашки, бросилась вниз по ступенькам. Осторожно проследовала она по погруженному во тьму коридору, двигаясь в направлении источника света. Дверь кабинета была слегка приотворена, и она толкнула ее, просовывая голову внутрь.

В тесно обставленном кабинете, вытянувшись в кресле, сидел Джейсон, глаза его были закрыты.

Прямо напротив его висел большой портрет Синтии, где она была изображена одетой во что-то воздушное и голубое, улыбающейся, с букетиком роз в руках. Огромное пятно, однако, закрывало часть ее милого личика, с которого тонкими струями стекала жидкость. На полу перед картинкой валялся небольшой металлический кубок с каплями вина на донце. Этим кубком Сомервилл запустил в изображение Синтии. Должно быть, таким образом он дал выход скопившейся в нем злобе.

Услышав вздох Каролин, он открыл глаза.

— Какого черта ты здесь делаешь?

Голос его прозвучал грубо и хрипло, и девушка поняла, что Сомервилл находился в сильнейшем опьянении.

— Что и говорить, спиртное не в силах изменить к лучшему твой характер. Ты даже не становишься более метким от вина!

На губах Джейсона промелькнула тень улыбки.

— Мне повезло, что я вообще попал в эту чертову вещицу... Эх, если б я был уверен, что таким образом можно выколотить тебя из собственной глупой башки! Тогда бы я вовсе уничтожил портрет.

— Удивляюсь, что ты до сих пор еще не сделал этого. Впрочем, постой, я, кажется, догадываюсь о причине твоей нерешительности: нужно соблюдать приличия, не так ли?

— Ах, приличия, ясное дело... — Джейсон устало провел по лицу рукой и заморгал глазами. —

Господи, я напился. Никогда я так не напивался с того самого дня, когда понял, что ты вовсе не была стеснительна, а просто холодна как лед. Холодна по отношению ко мне, впрочем...

Сомервилл сосредоточил взгляд на Каролин.

— А с другими ты не такая? Твои любовники знают, как разжечь тебя? Скажи, есть в тебе хоть капля страсти?!

Краска покрыла щеки Каролин.

— Мужчины всегда так реагируют, не правда ли? Когда женщина холодна и безучастна, когда она не желает принимать скотских предложений!

— Нужно ли говорить, что этот хлюст Бингем не был скотиной, — съязвил Джейсон, причем рот искривился: некое мрачное подобие улыбки! — Надо полагать, он обращался с тобою весьма уважительно... пока не сбежал от тебя!

— Ты словно собака на сене! Ты же не сомневаясь заявил мне, что не желаешь меня больше и тем не менее ревнуешь к человеку, который когда-то желал меня.

— Я не ревную! — прорычал он и вскочил со стула.

— Конечно, нет! — успокоительно отозвалась Каролин. — Именно поэтому ты швырнул бокал с вином в мой портрет!

Джейсон хмуро смотрел на жену и слегка раскачивался на каблуках. Теперь Каролин не боялась его. Она знала, как справиться с подвыпившим мужчиной. Много раз заставляла она в таком состоянии Кита и ловко укладывала его спать. Настроения их могли быть различны, но в одном они были похожи: к определенному моменту сбивались с толку и нуждались в помощи. Каролин подошла к Джейсону и взяла его руку. Жакета на Сомервилле не было, только легкая ткань рубашки прикрывала его грудь. Как только она прикоснулась к нему, дрожь пробежала по ее пальцам. Под теплой кожей чувствовалась каменная твердость мышц. Раздраженная собственным волнением, Каролин сильнее сжала пальцы.

— Пойдем, Джейсон. Думаю, тебе пора отправляться спать.

Она ощутила, как напряглись мускулы его руки, словно он хотел выдернуть ее. Потом мышцы расслабились.

— Хорошо, пойду. Я могу справиться и сам.

— Неужели? — с сомнением отозвалась Каролин. — Нет, уж лучше я провожу тебя. А потом позовем камердинера.

Она взяла свечу и зажгла ее. Затем повернулась и погасила газовый фонарь. Джейсон, к изумлению Каролин, положил ей на плечо руку. Когда они начали продвижение вперед, она поняла, что Сомервилл нуждался в дополнительной опоре. Она обхватила его за талию. Он тяжело навалился, и Каролин почувствовала твердость мужского тела. Хуже всего было то, что Джейсон не мог не ощущать плавные изгибы ее собственного тела, прикрытого только тонкой ночной сорочкой. Бедная девушка рассчитывала единственно на то, что Сомервилл пьян и ничего не вспомнит наутро.

Они медленно поднимались по лестнице. Его рука тяжело свисала с ее плеча, а ее рука,

державшая свечу, начала затекать. Каролин недоумевала, почему не оставила это пьяное чудовище в кабинете и не позвонила камердинеру для того, чтобы тот помог хозяину взобраться по лестнице. С облегчением толкнула она дверь спальни, и оба ввалились внутрь. Она подвела мужа к креслу, в которое тот не замедлил упасть, уперев локти в колени и закрыв руками лицо.

— Я позову камердинера, — строго сказала Каролин и направилась к сонетке.

Рука Джейсона внезапно взметнулась и ухватила Каролин за ночную сорочку.

— Нет, не делай этого. Я же сказал, что справлюсь сам. Джозеф отослан спать полтора часа назад. Нет нужды беспокоить старика.

Он снова погрузился в свое кресло, смежил веки и откинул голову. На его лбу и верхней губе выступили капельки пота. Она, поразмыслив, решила помочь бедняге, ведь алкоголь сделал его совершенно беспомощным. Встав перед ним на колени, она стала стаскивать с него за каблук и носок сапоги и бросать их на ковер. С колен она украдкой посмотрела на него и с ужасом заметила, что его глаза открыты. Он наблюдал за ней таким взглядом, которого она никогда не видела и не знала, увидит ли когда-нибудь еще.

Холодная ледяная маска растаяла, обнажились мягкие, незащищенные черты лица. Губы были полными, ноздри трепетали. В глазах Сомервилла Каролин могла угадать все признаки мужского желания. У нее перехватило дыхание, и она вмиг как бы окаменела. Джейсон протянул руки и обхватил лицо Каролин. Он запустил пальцы в ее волосы, отчего девушка не могла даже пошевелить головой. Она почувствовала, что руки его отлично слушались, следовательно, он был вовсе не так пьян, как казалось. Каролин судорожно сглотнула.

— Похоже, ты хорошо управляешься с укушенными зеленым змием мужчинами.

Голос Сомервилла был низок и хрипл.

— Я часто помогала отцу!

Не могла же она упомянуть о Ките.

Джейсон плотоядно рассматривал ее губы, пухлые и влажные. Круговыми движениями больших пальцев начал он ласкать ее щеки. Каролин вздрогнула. Она была поймана и молча смотрела ему в глаза.

— Ты была просто обворожительна сегодня во время демонстрации собственного неповиновения! Мне хотелось разорвать тебе платье и овладеть тобой прямо в парке. Где ты находишь силы, чтобы так мучить меня? Я думал пригрозить тебе своим грубым поцелуем, но вместо этого сам попался в капкан.

Руки Джейсона скользнули вниз по ее горлу, перешли на плечи, глядя атласную кожу. Он схватил ее руки и застонал, потом резким движением притянул ее к себе и припал к очаровательным губам.

С жадностью он начал целовать ее, настойчиво требуя языком взаимности. Он рухнул на спинку кресла, увлекая ее за собой. Ноги его при этом обхватили ее и прижали по всей длине тела так, что она ощутила тугую комок его желания. Испуганная этим проявлением страсти, Каролин попробовала закричать. В ответ его ноги расслабились, согнулись и потом еще сильнее прижали ее тело. Одна рука обнимала ее, в то время как другая зарылась в ее волосы

и сорвала бархатную ленточку. Распущенные локоны упали им на лица, как золотой занавес.

Джейсон окроплял поцелуями ее губы, прятал свое лицо в ее волосах.

— Я люблю, когда твои волосы неприбраны и свободны, как сейчас. Они кажутся золотой пряжей с драгоценным красноватым мерцанием! Я хочу завернуться в них и раствориться!

Он прикусил мочку ее уха, причем его горячее срывающееся дыхание щекотало ей щеку и приводило в трепет все существо. Кончиком языка он проследил форму ее ушной раковины.

Каролин вскрикивала и извивалась в его объятиях, но это, казалось, еще больше возбуждало Джейсона. Пальцы девушки вцепились в его рубашку. Она понимала, что ей следовало с ним бороться, чтобы попытаться освободиться из его объятий. Сомервилл был пьян, и она могла с легкостью выиграть схватку. Однако стремительный натиск новых ощущений надежно удерживал ее на месте. В его руках она была бессильна. Кроме Кита, ее никогда не целовал ни один мужчина. Но поцелуи Мейбри никогда не были такими страстными, жадными и отчаянными, как поцелуи этого изювера.

Джейсон целовал ее так, словно делал это последний раз в своей жизни, и то чувство, которое он возбудил в Каролин, было новым и устрашающе радостным. Когда он поцеловал ее, она ощутила, как волна огня пробежала по всему ее телу и достигла его сокровенного центра, затопив все сознание сладостным желанием. Его рот хранил вкус бренди, был теплым и манящим. Его запах дразнил ее, она видела, слышала и ощущала его одного. Мир не существовал, время остановилось, было только данное мгновение и то ранее неведомое чувство, что пробудил в ней Джейсон.

Его ноги расслабились и освободили ее ровно настолько, чтобы он мог повернуть ее и посадить к себе на колени, придерживая рукой ее спину. Голова у нее безвольно откинулась... Она не сопротивлялась, переполненная блаженством. Губы Сомервилла наслаждались ее белой шеей. Девушка трепетала от удовольствия и желания. Целуя ее шею, он положил руки ей на грудь и начал ласкать ее. Под его пальцами соски ее затвердели. Он снова и снова терзал ее груди, сжимая кончиками пальцев соски. Она страстно желала его. Ее бедра, грудь, живот — все жаждало его прикосновений. Он издал странный звук, словно задышался, и его рука, скользнув по ее плоскому животу, устремилась ниже. Пальцы его ритмично работали, пока рубашка у нее не стала мокрой. Джейсон, точно от боли, закрыл глаза и хохотнул:

— Ах, Синтия, Синтия! Ты никогда...

Он прекратил свои сладкие истязания и перешел к крошечным пуговицам ее сорочки. Расстегнуть их было непросто. Покончив с последними двумя, он выругался. Его рука вторглась в открывшееся пространство и нашла божественные груди Каролин. Однако та, услышав, что ее назвали не по имени, вся напряглась. Синтия! Джейсон был мужем Синтии, а не ее. Она не имела права находиться здесь. Слова, прикосновения, поцелуи и стоны — все предназначалось Синтии! Жар иссяк, Каролин начало трясти.

— Нет! — воскликнула она, толкая Сомервилла руками в грудь. — Отпусти меня! Ты совершенно пьян и не ведаешь, что творишь!

— Никогда, нет, нет!

От страсти напряжение с его лица сошло, и это лицо стало мягким, красивым. Теперь от ее внезапного отказа по нему прокатилась волна изумления. Он отпустил ее руки и снова обхватил ладонями грудь. Каролин изо всех сил оттолкнула его и попыталась прыгнуть с

коленей. Но прежде, чем ее ноги коснулись пола, Джейсон успел остановить ее, снова притянув к себе и заключив в объятия.

— Нет, нет, — молила она, вглядываясь в его лицо и разрываясь между желанием и гневом. Видя его губы и жадные глаза, она чувствовала, как вся тает, как к ней возвращается предательское тепло. Он желал ее, и это его желание требовало немедленного удовлетворения. Каролин закрыла глаза. Ей не следовало думать об этом. Нельзя было допустить, чтобы он соблазнил ее. Джейсон — животное, обидевшее Синтию. Он груб и жесток.

— Ты же обещал, обещал, что ничего подобного между нами не будет. Прошу, отпусти меня!

— Будь ты проклята! — взревел Сомервилл и отшвырнул от себя упрямую девчонку. Роскошные волосы разметались вокруг нее. Он нетвердо поднялся на ноги и, пошатываясь, отошел от нее. Стал возле окна. Прислонился лбом к холодному стеклу. Каролин лежала и наблюдала за Джексонном. Он повернулся к ней, в его глазах вспыхнул огонь ненависти.

— Должно быть, — заговорил он раздраженно, — ты получила настоящее наслаждение от своей игры. Ну что? Я теперь снова повергнут к твоим ногам, да? Ты снова ощутила собственные силы? Соблазнить меня, отчаянно заставить возжелать, а потом оттолкнуть! Здорово! Видимо, твое самолюбие было несколько уязвлено тем, что последние недели я совсем не обращал на тебя внимания. Что ж, теперь я опять буду дураком в твоих глазах!

Его горькие слова вернули ее к жизни.

— Пытаться соблазнить тебя? Ты слишком высокого мнения о себе! Я и не думала соблазнять тебя. Я просто хотела помочь, старалась быть доброй. А ты набросился на меня, как какой-нибудь пьянчуга, хищник!

— Напал на тебя? Едва ли. Ты не оказывала мне сопротивления до того самого момента, когда поняла, что я попался в твои сети...

Разгневанная, Каролин хотела опровергнуть подобные высказывания, но не могла найти подходящих аргументов. Она и в самом деле без всякого сопротивления позволила ему целовать себя! Она безвольно лежала в его руках, пока он не назвал ее Синтией. Только это последнее разбудило и отрезвило ее. Она отвела взгляд в сторону.

— Что, не знаешь, что сказать? Нет готового ханжеского ответа? Господи! Как бы мне хотелось, Синтия, никогда тебя больше не видеть. Убирайся из этой комнаты. Вон!

Каролин повернулась и выбежала, запахивая открытый ворот сорочки. Она летела так, словно черти из преисподней гнались за ней.

Глава 8

Проснувшись на следующее утро, Каролин почувствовала, что у нее ломит все тело и болит голова. Какая ужасная ночь! Чтобы успокоиться и отдохнуть, поспать немного после сцены с Джейсоном, ей потребовалось несколько часов, но и во сне ее преследовали мрачные и беспокойные видения. Умыв лицо, она позвонила служанке, чтобы та принесла ей чай и тосты.

Минуту спустя в комнату проворно вошла Присцилла, держа перед собой поднос. Поставив его на туалетный столик, служанка осведомилась:

— Как вы себя чувствуете, миледи?

— Спасибо, прекрасно! — солгала Каролин. — А ты?

— Да как обычно, неплохо, — весело отозвалась Присцилла. Она взяла из рук Каролин щетку и стала расчесывать спутавшиеся пряди хозяйки. Каролин рассеянно налила себе чаю и наблюдала за движениями Присциллы в зеркале.

— У вас такие красивые волосы, миледи, — со вздохом произнесла служанка. — Они похожи на медь и на золото, если смешать и то и другое. Ах да, я чуть не забыла, его светлость просили вас спуститься к нему в кабинет, как только вы оденетесь.

Краска залила шею Каролин. Только этого ей не хватало — видеть Браутона сегодня утром! И как он только набрался наглости! Надо же, как ни в чем не бывало звать ее в кабинет! Она сама чувствует такое смущение, что вряд ли осмелится посмотреть ему в глаза. Однако он сделал первый шаг: первый поцеловал ее и дал волю рукам.

Но что было всего унижительнее, так это то, что Каролин презирала Джейсона, препиралась с ним из-за каждой мелочи, но в то же время жаждала его прикосновений, чего у нее не было с Китом, которого она тем не менее любила! И если бы Сомервилл не назвал ее именем сестры, то страшно даже представить, что бы она позволила ему с собой сделать! Наверное, отец в своих ханжеских наставлениях был прав. Видимо, она была слишком слабохарактерна. Ей уготована была жизнь во грехе. А возможно, ее обуревали темные страсти и извращенные желания — не хватало только дьявольского любовника!..

Каролин вздохнула и потерла виски. Что ж, какова бы ни была причина случившегося, ей придется принять все меры, чтобы это не повторилось вновь. Она сумеет обуздать свои желания. Она не позволит себе попасть в подобную ситуацию вторично. Она повидается с ним сегодня утром — выбора действительно нет, — но на будущее установит для себя жесткие рамки.

Однако вспомнив все, что Джейсон сказал ей прошлой ночью, Каролин начала сомневаться в том, что сумеет сдержать себя. Когда он приказал ей убраться, была какая-то окончательность в его словах. Каролин думала, что Браунтон также постарается, чтобы случившееся больше не могло повториться. Было, правда, не слишком понятно, зачем ему понадобилось видеть ее сегодня утром. Не собирается ли он предложить ей жить отдельно? Поток пугающих мыслей не останавливался все то время, пока Каролин рассеянно пила чай с поджаренным хлебом.

Надев скромное кружевное платье, Каролин спустилась в кабинет Джейсона. Когда она увидела дверь кабинета, сердце ее начало бешено колотиться. Она легонько постучалась и дождалась приглашения. Джейсон сидел за письменным столом, мрачно уставившись на лежавшую перед ним бухгалтерскую книгу. Не поднимая взгляда, он пробурчал:

— Синтия, ты?

— Здравствуй, Джейсон!

Каролин было интересно, показался ли ему ее голос столь же дрожащим, как и ей самой. Она постояла перед ним, чувствуя себя преступником на скамье подсудимых. С некоторым опозданием Браунтон вспомнил о манерах и поднялся.

— Присядь, пожалуйста.

— Благодарю.

Каролин погрузилась в кресло. Боже, какими вежливыми и официальными они были! Ей это показалось абсурдным, когда она вспомнила о его пароксизме страсти прошедшей ночью. Она поспешно отвернулась, чтобы он не смог ни о чем догадаться по выражению ее лица.

Джейсон вздохнул и, запустив руки в волосы, поставил локти на крышку стола.

— Я попросил тебя прийти по двум причинам. Первая состоит в том, что я хотел бы извиниться за вчерашнее.

Вот этого Каролин никак не могла ожидать. Она отметила про себя, что сегодня складки вокруг его рта и глаз обозначились несколько резче и глубже обычного, а кожа приобрела сероватый оттенок.

«Ты несколько опоздал с извинениями», — мрачно подумала она.

— Ты была права, — через силу продолжал он. — Я обещал не прикасаться к тебе и нарушил свое слово. Хочу заверить тебя, что больше ничего подобного не повторится! Так много пить не в моих привычках. Сорвался вчера! В будущем я позабочусь о том, чтобы не делать этого, по крайней мере здесь, в Браунтон-Курт.

— Прекрасно!

«Оставь-ка ты свое пьянство и интрижки на стороне!» — подумала Каролин, а вслух сказала:

— Я принимаю твои извинения, хотя обещаниям не верю. Впрочем, у меня нет выбора, ведь так?

Каролин понимала, что задела Браутона за живое.

— Тебе известно, что я не могу надругаться над женщиной! Я ни разу не насильничал тебя, хотя ты часто гнусно дразнила меня, а потом убегала. У меня нет вкуса к насилию, дорогая!

Каролин не могла представить, чтобы Синтия, как это хотел преподнести Джейсон, дразнила его, а потом отвергала. В конце концов, Сомервилл обвинил ее, самозванку, в том, что прошлой ночью она соблазняла его. Очевидно, непотивление женщины он и называет попыткой соблазнения.

— Хорошо, но какая же вторая причина? Ты сказал, что было две причины, по которым ты меня вызвал сюда.

Джейсон глубоко вздохнул и вновь вернулся в свое обычное холодно-бездушное состояние.

— В конце недели я планирую устроить охоту. Сердце Каролин чуть не выскочило от восторга. Как она любила охоту! На лице — бодрящий ветерок, в ушах — лай гончих псов, смех, вокруг тебя — оживленная компания, и в завершение всего — веселый охотничий пир! От радости она едва не закричала, но вовремя обуздала свои эмоции. В тех охотах, в которых участвовала Синтия на своей бедной лошаденке, она, то есть опять же Синтия, всегда пыталась оставаться в стороне. Нежная душа ее не терпела дикий и необузданный напор охоты. Каролин напустила на себя безразличный вид.

— Понимаю. Но какое отношение это имеет ко мне? Ты же знаешь, я ненавижу охоту!

— Да, однако ты моя жена, и ты обязана выполнять супружеский долг.

«Все, кроме постельных», — подумала Каролин, проигнорировав ту часть своего сознания, для которой исполнение этих последних представлялось наиболее заманчивым.

— Я хочу, — продолжал Джейсон, — чтобы ты написала и разослала приглашения. Себе в помощницы ты можешь взять Миллисент Нельсон. Эта бедняга должна обрадоваться столь шумным увеселениям!

— Она обрадуется провести известное количество времени в твоём обществе, — сухо заметила Каролин.

У Сомервилля поднялись брови.

— Я и не думал, что ты уже догадалась.

— Нужно быть либо слепым, либо идиотом, чтобы не догадаться. Она столь же непосредственна и наивна в своём обожании, сколь и щенок.

— Но ты же не станешь ревновать меня к Миллисент Нельсон?

Вид у Браутона был весьма напуганный, так что Каролин едва удержалась от смеха. Джейсон бросил на нее странный взгляд, губы его изогнулись в некоем подобии улыбки. Но довольно быстро он подавил все признаки благодушного настроения.

— Я думал устроить охоту в последних числах октября, а это значит, что приглашения следует отправить немедленно.

Он пошарил среди бумаг на столе и наконец выискал довольно большой лист писчей бумаги.

— Вот список гостей.

Каролин аккуратно сложила список вчетверо и деловито опустила в карман юбки. Нежелание Джейсона пошутить с ней или хотя бы тепло поговорить, обуявшее его столь внезапно, расстроило девушку. Он видел в ней не более чем служанку, по отношению к которой необходимо выдерживать дистанцию, чтобы бедняга не возомнила о себе бог весть чего.

— Это все, Джейсон? Теперь я могу идти?

Каролин встала, поднялся из вежливости и Сомервилл — Да, иди, если нет больше никаких вопросов.

Выйдя из кабинета, Каролин приказала запрячь пони в двуколку и отправилась к Миллисент Нельсон, решив, что чем быстрее будет выполнено задание, тем лучше. Если бы ей была предоставлена свобода выбора, она не стала бы звать на помощь Миллисент. Каролин всегда нравились приемы, а участие в их подготовке неизменно радовало ее. Даже такое скучное занятие, как написание и рассылка приглашений, внесет разнообразие в монотонное течение жизни в Браутон-Курт. Как бы то ни было, но Джейсон дал понять, что Синтия занятия подобного рода недолюбливала. В душе Каролин надеялась, что Миллисент откажется, но вообще-то знала, что надеяться особо не стоило. Сомервилл был прав, говоря, что у сестры викария не слишком много приятных развлечений.

Увидев в дверях своего дома Каролин, Миллисент опешила, однако, как этого, впрочем, и следовало ожидать, живо согласилась с приглашением и пообещала прибыть в Браутон-Курт завтра, после обеда. Каролин заспешила домой и по приезде тотчас метнулась в свою

комнату. Отыскав письменные принадлежности, она уселась за стол и стала упражняться в имитации почерка своей беглой сестрицы. Каролин знала, что их почерки были похожи, но прошло уже несколько лет с тех пор, как она видела руку Синтии, и, несмотря на сходство, могли уже выискаться какие-нибудь отличия, которые, не ровен час, выдадут самозванку. Девушка выгребла из ящичков стола все бумажки, где имелись сделанные Синтией пометки, внимательно изучила их и принялась старательно копировать строчки, бесконечное количество раз переписывая, пока наконец рука не привыкла. Теперь она была уверена, что, получив приглашение, никто не сможет обнаружить подделку, но лучше было проявить осторожность. Вечером Каролин попробовала свои силы на листках пергаментной бумаги и потом набело черкнула несколько приглашений. Закончив работу, она собрала все исписанные ею листки и мелко изорвала их. Сначала ей в голову пришло сжечь свои, так сказать, черновики, но поскольку ввиду прекрасного солнечного денька огня в камине не разводили, она уничтожила их на пламени свечи, а уж потом только высыпала пепел в камин. Сделав все это, Каролин заторопилась к Лорел, которую еще не видела в этот день.

Джейсон прислал сообщение, чтобы к ужину его не ждали. Посему Каролин, чтобы избавить слуг от лишней работы, распорядилась прислать ужин себе на подносе и поела у себя в комнате. В десять часов, будучи не в состоянии больше бороться со сном, она отбросила книгу и упала на подушки. Внезапно Каролин почувствовала в животе острую боль. Она согнулась, подтянула колени к подбородку, а Присцилла, в это время вешавшая платье на плечики, все выронила из рук и бросилась к госпоже.

— Миледи, что случилось?

Каролин замотала головой и прижала руки к талии.

— Не знаю, Присцилла, меня кажется, тошнит.

Служанка мигом принесла тазик и поддержала хозяйку, пока та корчилась от спазмов, сотрясаемая невиданной по силе рвотой. Снова и снова Каролин выворачивало наизнанку, однако постепенно боль уменьшилась, сохранившись с прежней остротой только в желудке и кишечнике.

Присцилла холодным влажным полотенцем отерла лицо хозяйки и помогла ей снова лечь в постель.

— Ну вот, приступ и кончился. Скоро вы почувствуете себя лучше. Бедная моя ненаглядная леди!

— Спасибо, Присцилла, — слабо поблагодарила Каролин за добрые слова и помощь.

— Подозреваю, что все это из-за дурно приготовленного обеда. Может быть, повариха использовала несвежие продукты? Я сейчас спущусь и задам ей приличную трепку. Сколько раз я говорила ей, чтобы проверяла все по несколько раз!..

Но Каролин уже не слышала слов служанки: она спала.

Сильная головная боль и мерзкий привкус во рту — вот все, что девушка чувствовала на следующее утро. Как только она медленно села в постели, волна головокружения тотчас подхватила ее, и Каролин, борясь с вновь подступившей дурнотой, закрыла глаза, повалившись на подушки. «Глупо, — думала она, — звонить Присцилле совершенно незачем». Она опять погрузилась в пустую беспокойную полудрему и очнулась от нее около часа спустя, когда Присцилла на цыпочках вошла в комнату. Служанка помогла ей сесть. Каролин заставила себя

выпить немного чаю, принесенного ей, но от тостов отказалась: поджаренный хлеб вызывал у нее сильнейшее отвращение. Присцилла, поправляя постельное белье, рассказала о том, как вчера ругалась с поварихой.

— Конечно, — повествовала служанка, — эта дрянь ото всего открещивалась, заверяла, что никакой ее вины в том, что госпожа отравилась, нет, что все якобы было на подносе свежим и вполне доброкачественным. Но я сказала, что мне лучше знать. Я сказала, что нужно внимательно следить за тем, что парится да варится на кухне, а то в один прекрасный день и лорд Браутон, и леди Синтия прикажут долго жить! Признаться, этой поварихе отнюдь не понравились мои наставления. Она визжала, что пробует сама все те кушанья, которые предназначены для господ. Ни одно из этих кушаний, уверяла меня эта пройдоха, никогда не бывало испорченным.

— Надо сказать, — призналась Каролин, — ужин был весьма вкусен. Может быть, дело вовсе не в пище? Впрочем, теперь это уже не имеет значения, скоро все пройдет.

— Кстати, миледи, моя болтовня не слишком вас раздражила? Моя матушка говаривала, что я могу чесать языком хоть целую вечность! Ухожу, ухожу, не буду мешать вам, спите, спите побольше, говорят, болезнь во сне проходит!

— Да, наверное!

Каролин велела Присцилле послать сообщение Миллисент Нельсон, где бы уведомлялось о ее, леди Синтии то есть, недомогании. Потом она забылась сном и проспала весь день. Около трех часов ее разбудила Присцилла и сказала, что, несмотря на предупреждение, Миллисент Нельсон все же прибыла и привезла с собой целую кастрюлю сладкого крема из яиц и молока.

— Она говорит, что с больными людьми такой крем просто творит чудеса. И еще говорит, что, если вы дадите ей список и конверты, она прямо сегодня приступит к работе над приглашениями вместо вас!

Каролин вздохнула и указала на небольшой секретер из красного дерева, что стоял в углу комнаты:

— Список и все письменные принадлежности там. Дай ей все, что нужно.

При этих словах девушка сумрачно посмотрела на кастрюльку с желтоватым кремом, что принесла и поставила на туалетный столик Присцилла.

— Вам нужно поесть, миледи. Вы сразу почувствуете себя лучше.

— Думаю, ты права. Хотя Миллисент больше всех других имеет основание отравить меня.

— Что-о?! — изумленно протянула Присцилла, уставясь на хозяйку совершенно круглыми глазами.

Каролин слабо улыбнулась:

— Ну, это просто шутка...

— А-а, понимаю. Вы намекаете на то, что она вздыхает по хозяину?

— Да! Всего лишь неудачная шутка. Я несколько не в форме сегодня.

Каролин зачерпнула ложкой бледный крем и, преодолевая боль, съела почти треть миски.

— Пожалуйста, передай Миллисент, что я очень ей благодарна за заботу, — сказала она служанке, когда та направилась к дверям. — Не забудь сказать, что я съела немного.

Часом позже в комнату вбежала Бонни:

— Как это понимать? Мне сказали, что вы больны?

— Боюсь, тебе все правильно сказали, хотя сейчас я уже не столько больна, сколько чувствую просто легкое недомогание. Мне уже лучше.

— И вы даже не позвали меня! — хмуро проворчала няня. — Но кто же лучше всего позаботится о вас, как не старушка Бонни?

— Конечно, никто, — натужно улыбнулась Каролин. — Однако я не нуждаюсь ни в каком особом уходе. Время от времени ко мне заглядывает Присцилла, чтобы в случае необходимости оказать помощь.

Бонни фыркнула:

— У этой Присциллы мозгов не больше, чем у курицы. Кроме того, она никогда не ухаживала за больными.

— И тем не менее я чувствую себя лучше, правда-правда! Единственная вещь, в которой я нуждаюсь постоянно, — сон. А тебе нужно присматривать за Лорел.

— Ну уж нет, с девочкой справится любая служанка, а я останусь с тобой.

Каролин вздохнула и оставила попытку разубедить няньку. В конце концов, ничего плохого не было в ее присутствии здесь. Действительно, Бонни осталась рядом и взяла на себя уход за «мисс Каро». На ужин она принесла ей жидкую овсяную кашу собственного приготовления. Завидя эту кашу, Каролин скривилась, но все же вынуждена была съесть немного. Когда Бонни предложила себя в качестве сиделки на ближайшую ночь, девушка категорически отказалась, ссылаясь на то, что в таком сидении нет никакой необходимости. Наконец няня согласилась лечь в своей спальне при условии, что Каролин позволит ей привязать к колокольчику дополнительный шнур: в случае необходимости позвонить служанке можно будет, не вставая с постели.

Каролин провела спокойную ночь и, проснувшись наутро, почувствовала себя значительно лучше, хотя, бесспорно, значительная слабость еще оставалась. Она выпила чаю с гренками — все это, разумеется, принесла Присцилла — и поднялась, чтобы одеться.

— Вы вполне уверены в том, что уже можете ходить? — озабоченно спросила служанка.

— Бог мой, — воскликнула Каролин, — можно подумать, я инвалид, без рук и без ног! Я чувствую, что состояние мое улучшилось, а способности ходить я, кажется, и не утрачивала! Мне необходимо садиться писать приглашения. Лорд Браутон желает, чтобы они были разосланы как можно скорее.

Все утро она провела за работой, прервавшись только для короткого отдыха и легкого ленча, состоявшего из нескольких ложек присланного Миллисент Нельсон крема и пары гренков. После полудня, то есть к тому времени, как прибыла сама Миллисент, головная боль

возвратилась с прежней силой. Буквы запрыгали перед глазами. Мисс Нельсон, едва взглянув на ее лицо, заявила:

— Вижу, вы и в самом деле себя неважно чувствуете.

Каролин посмотрела на гостью не без легкого изумления:

— Неужели вы могли заподозрить меня в притворстве?! Миллисент пожала плечами, сняла перчатки, бросив их на стол рядом со своим ридикулем.

— Бывали случаи, когда вы заболели в удобное для вас время.

Ну и мегера, с досадой подумала Каролин. Столь «дружелюбное» отношение к ней и поднявшаяся волна ответного раздражения едва ли могли улучшить ее состояние. Кивком головы она пригласила мисс Нельсон сесть и резко проговорила:

— Послушайте, дорогая, если вы не хотите помочь мне с приглашениями, то скажите мне об этом прямо. Я могу обойтись и без вас.

Рот Миллисент скривился. Она выдвинула стул из-за ломберного стола, выбранного Каролин для работы.

— Стараетесь замутить водицу? Вы же знаете, я не возражаю против того, чтобы подписывать конверты.

— Только потому, что это нужно Джейсону? — спросила Каролин, зная, что уже перегибает палку и выходит за рамки этикета, но ничуть об этом не беспокоясь.

— Я всегда рада услужить его светлости, — спокойно ответила Миллисент. — Это самое малое, чем я могу отблагодарить его за все, что он сделал для Томаса.

К Каролин вернулось самообладание, и она возобновила работу. Ей пришлось напрячь все силы, чтобы точно симитировать почерк Синтии, а присутствие мисс Нельсон, бесспорно, только мешало. Каждое письмо заставляло ее беспокоиться: не покажутся ли адресату слишком сухими и формальными ее приветствия. Несмотря на то что большинство приглашенных были, по ее предположениям, друзьями скорее Джейсона, нежели Синтии, она понимала, что среди всего количества гостей могут попасться и такие, к которым сестрица могла обратиться и по имени. Но кто они, эти близкие знакомые Синтии? Каролин немного поколебалась относительно Хью Сент-Джона. Не покажется ли странным, если обратиться к нему как-нибудь излишне официально? Ладно, пусть будет «кузен Хью». Синтия наверняка так обращалась к нему. Пульсирующая головная боль никак не отпускала, и Каролин захотелось вернуться в постель.

Миллисент работала довольно проворно. С конвертами она покончила еще накануне и теперь непосредственно принялась писать приглашения. Из-за высказанных друг другу резких слов Каролин все горело внутри, но она заранее чувствовала облегчение оттого, что приглашения будут готовы. Ее нынешнее самочувствие, конечно же, не позволило бы ей справиться с такой работой в одиночку.

Женщины прервались, чтобы выпить чаю, который принес им Барлоу. Было уже около четырех часов пополудни. Каролин, натянуто улыбаясь, разливала чай сама, причем предложила гостье широчайший выбор различных кондитерских изделий. Ее саму ничто особенно не привлекало, но все же приходилось понемногу откусывать от сдобной булочки с изюмом.

— Как поживает ваш брат? — спросила она, чтобы хоть как-нибудь завязать разговор.

— Очень хорошо, спасибо. Он усердно трудится над своими воскресными проповедями. Ему хочется преуспеть в здешнем приходе. Он до глубины души признателен лорду Браутону.

Каролин едва не спросила ее, как давно Томас служит здесь викарием. Мысли девушки сделались слишком неясными, и она с легкостью могла бы допустить подобную ошибку. Она облизнула губы.

— Уверена, муж... муж доволен им!

— Надеюсь, что доволен, — нахмурилась Миллисент. — Томас был очень расстроен, когда вы... хм, уехали. Он переживал, что не справился со своими обязанностями, говорил, что должен был знать то состояние, в котором вы пребывали. Он думал, что его светлость будут бранить его за непредупреждение случившегося.

— Не понимаю, почему Джейсон должен обвинять вашего брата за то, что сделала я!

— Потому что он был не только вашим другом, но и вашим духовником. Лорд Браутон мог бы решить, что вы доверили Томасу свои невзгоды, свои тайные мысли, а тот ни о чем не известил его.

— Мне почему-то казалось раньше, что признания, сделанные на исповеди, всегда сохраняются в тайне и роль священника заключается не в том, чтобы шпионить за женщиной и обо всем услышанном доносить ее мужу.

По щекам Каролин пошли красные пятна.

— Так мог бы поступить Джейсон Сомервилл, — продолжала она, — но сама мысль о том, что духовное лицо могло опуститься до слезки, и тем более за женщиной, мне глубоко противна.

Неумело скрываемое негодование Миллисент наконец-то выплеснулось наружу.

— Джейсон Сомервилл всегда был порядочным человеком. Он не стал бы просить Томаса шпионить за вами.

— Тогда чего же вашему брату бояться?

— Ответственности!! Он слишком много на себя берет. Он принимает на себя вину всей округи. Он чувствует себя в ответе в том числе и за вас, ибо был вашим другом и хотел служить вам примером. Однако вы-то уж наверняка никакой вины за собой не ощущаете.

Каролин отодвинула от себя свои чашку и блюдо. Руки ее дрожали: то ли от ярости, то ли от слабости, то ли от того и другого вместе.

— Кто вы такая, чтобы осуждать меня? Вы даже представления не имеете обо всех моих мыслях и чувствах.

— Зато я знаю о ваших поступках! Неужели вы и в самом деле думаете, что все поверили той истории, что рассказывает Джейсон? Вы... вы не были в Италии с леди Селеной. Она, конечно, покрывает вас с радостью, но правда-то известна всем! Люди только прикидываются, что поверили в ваши сказки. Они хотят помочь Джейсону сохранить свое лицо. Никто не желает ранить его.

— Сомневаюсь в этом. Я заметила, что здесь есть люди, которые хотели бы видеть его уязвленным в своей гордыне.

— Ну, разве что такие же жалкие и лицемерные трусы, как вы! Вы, Синтия, сделали все, что было в ваших силах, для морального уничтожения мужа. Вы не были ему ни женой, ни помощницей. Вы даже не были ему другом. Лорд Браунтон — прекрасный человек, очень порядочный, но благодаря вашим стараниям он утратил веселость, любовь, счастье. Единственный ребенок, которого вы изволили родить ему, оказался идиотом! Одно-единственное чадо, да и то без мозгов!

Рука Каролин взметнулась и ударила женщину по щеке.

— Меня ты можешь обзывать, как тебе заблагорассудится. Я знаю, ты ревнивая ведьма! Но я постою за себя! Однако не дай вам Бог еще раз унизить мою дочь. Если Джейсон чувствует, что с наследником я его надула, то пускай, это его дело. На самом деле Лорел нечего стыдиться. Она может составить счастье для всякого мужчины с сердцем и душой, мужчины, пекущегося о добром имени — своем и своих близких!

Миллисент поднесла руку к горячей щеке, глаза ее от гнева и изумления были широко раскрыты.

— Как... Как вы посмели?!

— Вот так и посмела! Я все смею, ты разве еще не усвоила этого? Если я могу противостоять самому Джейсону, то ты для меня — ничто, полный ноль... Думаю, вам пора удалиться!..

Мисс Нельсон подхватила свою сумочку и перчатки, глаза ее метали молнии.

— Томас учит меня, что вас нужно пожалеть, ибо грешны, но, боюсь, я не столь добродетельна, чтобы сделать это. Мне вас ничуть не жаль, вы мне противны. Вы порочны! Порочны! Порочны! Я презираю вас и от души надеюсь, что Джейсон не позволит себе сдать перед таким ничтожеством, как вы! Прощайте!

Миллисент пулей вылетела из комнаты. Каролин резко повернулась и, схватив первую попавшуюся под руку книжку, запустила ей вслед гостью. Книга ударилась о закрывшуюся дверь, отскочила в сторону и, падая, свалила на пол стеклянную статуэтку с полки. В голове у девушки тяжело стучало. Каролин прижала пальцы к вискам. В животе болело, к тому же ощущалась отвратительная пустота. Усталость! Невероятная усталость! Для одного дня событий больше чем достаточно! Такая страстная ненависть, пусть даже в глазах и речах этой идиотки Миллисент? Нет, это уж слишком! Она дернула за золоченый шнур звонка и попросила мигом явившегося Барлоу прислать Присциллу. Служанка не заставила себя долго ждать и, тихо обняв рыдающую Каролин, помогла ей подняться по лестнице и добраться до своей спальни. Присцилла освободила хозяйку от одежды и сняла с ног туфли. Потом она опустила занавески и вышла из комнаты. Все еще мысленно переживая события дня, Каролин погрузилась в сон.

На следующее утро она почувствовала себя еще хуже. Сразу же после утреннего чая у нее началась рвота, приступы которой вконец измотали ее, сделав слабой и практически беспомощной.

Проходили дни, но лучше не становилось. Голова болела не переставая, в животе начались такие боли, которых Каролин никогда в жизни не испытывала. Она не могла понять своего состояния. Всю свою жизнь она была вполне здоровой женщиной и не отличалась склонностью

ко всякого рода хворям и болячкам. Даже во время беременности она чувствовала себя прилично, словно крестьянка.

Каролин пыталась бороться с мерзостной дурнотой и слабостью, заставляя себя вставать с постели, одеваться, есть исправно приносимую ей пищу, но сил явно не доставало. Бедняжка похудела так, что на лице остались одни огромные глаза и заострившийся нос. По ночам от одиночества и страха она плакала, в глубине души чувствуя, что безнадежно больна. Впрочем, Каролин отказывалась верить своим страхам и предчувствиям.

Все это время Джейсон отсутствовал. Иногда он присылал ей сообщения, где говорилось о том, что, предположим, к ленчу или обеду его не будет, что поужинает он где-нибудь в поле или в каком-нибудь фермерском доме. Зачастую он свой обед, да и большую часть вечера проводил в таверне в Хокли. Странно, но Каролин хотелось, чтобы Джейсон находился рядом. Для преодоления болезни она нуждалась в его поддержке. Однако в девушке еще говорила гордость, и она не решалась открыто просить о внимании и заботе, однако ей не представлялось возможности также и предстать перед ним в столь жалком состоянии.

«Я умираю, — думала она, — умираю». Она знала, что горевать по своей супруге Сомервилл особо не станет.

На четвертый день Каролин оставила все свои попытки справиться с одолевавшим ее дьяволом и перестала делать вид, будто ничего страшного не происходит. Она не вылезала из постели, большее время суток спала и видела в высшей степени беспокойные сны. Услышав, что хозяйка прикована к постели, Бонни явилась к ней, исполненная решимости оказать госпоже должный уход. Девушка была рада видеть знакомое, участливое лицо няни. Ее утешала мысль, что если в таком слабом состоянии она и совершит ошибку, избобличающую ее в самозванстве, то все будет в порядке. Бонни поставила на спиртовку чай и слабое какао, потом заставила выпить все это. В обед няня принесла из кухни поднос со всевозможными яствами, которые, на взгляд поварихи, могли и у мертвых разжечь аппетит. Но как Каролин ни старалась, в желудке ее ничто не задерживалось, а тут же выходило наружу вместе с рвотой. У девушки появилось чувство, что жизнь медленно, но верно оставляет ее. Как препятствовать этому процессу, никто не знал. Безмолвные слезы катились из глаз несчастной. У нее даже не было сил, чтобы всхлипывать.

Бонни поставила у кровати Каролин раскладушку, чтобы быть рядом с госпожой не только днем, но и по ночам. А днем няня сидела в удобном кресле, также приставленном к кровати, и занималась либо шитьем, либо вязанием, а когда Каролин засыпала, то и сама укладывалась на свое неказистое ложе. Однажды вечером в дверь тихонько постучали.

Да, однажды вечером — так-таки и постучали! Каролин медленно разлепила отяжелевшие веки. В дверном проеме стоял Джейсон. Глаза у него от ужаса и изумления расширились.

— Боже милостивый! — воскликнул он, бросаясь к ее постели. — Что это с тобой стряслось?!

— Я... я неважно себя чувствую. Разве слуги не говорили тебе?

Каролин с удовольствием смотрела на склонившееся над ней лицо Джейсона, дышавшее силой и здоровьем.

— Они сказали мне, что последние дни ты по причине ухудшения погоды недомогаешь, но я и помыслить не мог, что до такой степени. Ты серьезно больна, а я подумал, что у тебя просто слабость или мигрень...

Каролин устало закрыла глаза. И так, недомогания собственной жены никогда не беспокоили его, он даже не заглядывал проведать ее. Видимо, Джейсон почувствовал облегчение, поняв, что супруга не может теперь выходить из этой комнаты: так он реже будет встречаться с ней.

— Синтия, но почему ты не сказала мне? Почему ты никого из слуг не прислала с запиской?

— А почему ты сам не навестил меня? — осведомилась Каролин, но из-за ее срывающегося голоса слова получились скорее жалкими, нежели вызывающими.

Джейсон стремительно повернулся к Бонни и приказал:

— Найди немедленно Броддаса и вели ему отправить лучшего наездника к доктору Хейвуду. Нет, подожди, я сам. Ты останешься с Синтией. Никто из парней с конюшни не сможет доскакать так быстро, как я... Синди, милая, я вернусь с доктором так быстро, как только смогу!

Каролин кивнула, пораженная тем, что от проявленной Джейсоном заботы комок подкатился к ее горлу. На лице Сомервилла появилось странное выражение, и он тотчас же смахнул рукой скупую слезу.

Прошло более двух часов, прежде чем Джейсон вернулся с доктором.

— Прошу прощения, что мне понадобилось столько времени, но доктора не было, и мне пришлось разыскивать его.

Он подошел к Каролин и, став рядом, стал разглаживать рукой лоб. Девушка слабо улыбнулась:

— Ты же знаешь, что у него есть и другие пациенты. Доктор приблизился к постели. Сомервилл отступил в сторону, чтобы позволить тому обследовать больную, но далеко не ушел, и его пронзительные зеленые глаза следили за каждым движением эскулапа.

— Так-так, леди Браутон. Похоже на то, что в настоящую минуту вы не больно-то хорошо себя чувствуете, я прав? Ведь прав, скажите?

«Ну и ну, — мысленно закричала Каролин, — я не то чтобы не больно хорошо себя чувствую, я просто умираю!» Кстати, как же звали этого доктора? Она непременно должна была бы знать его имя. Как это там Джейсон величал лекаришку? Хевард? Хейвуд? Да, именно так...

— Здравствуйте, доктор Хейвуд.

— Здравствуйте, милая, — закивал он, раскрывая свой чемоданчик. — Скажите, что вас беспокоит?

Каролин описала ему как могла всю клинику, все симптомы остающейся до сих пор невыясненной болезни. Ее описание сопровождалось комментариями Бонни. Все это время девушка с интересом разглядывала пожаловавшего к ней целителя. Это был человек лет тридцати — тридцати пяти с очаровательным округлым брюшком. Запах табака, казалось, насквозь и навсегда пропитал этого маэстро от врачевания. Каждый раз, когда он о чем-нибудь спрашивал свою пациентку, то неизменно косился на Джейсона, будучи, видимо, человеком довольно осторожным, хотя и, несомненно, добродушным. Он прослушал легкие и сердце Каролин, заставил ее покашлять, осмотрел глаза, уши, нос, потом с удовольствием намял ей живот.

— Есть основания полагать, что вы беременны? — спросил он.

— Нет, — немедленно откликнулась Каролин, видя, как нахмурился Джейсон за спиной доктора. Не хватало еще, чтобы гордый лорд Браунтон подумал, будто она понесла от своего любовника! — Нет и нет! Абсолютно ничего похожего на то, что... что было в прошлый раз.

— Тогда я склоняюсь к мысли, что вы, леди, заработали себе — уж где, не знаю — тяжелое воспаление желудка. Здесь я оставляю питье, которое улучшит ваше самочувствие. Да и вообще пейте побольше жидкости: чай, какао, морсы и прочая...

Доктор извлек из своего саквояжа какую-то склянку и, повернувшись к Бонни, стал в подробностях объяснять, как следует готовить лекарство.

Джейсон ушел вместе с Хейвудом. Бонни размешала столовую ложку снадобья в стакане воды, отчего последняя сделалась отвратительно мутна. Каролин заставила себя проглотить сей целительный раствор. Вкусного в нем было немного, но зато от него и не рвало. Желудок остался спокоен, и Каролин позволила себе расслабиться немного. Головная боль отчасти отпустила, но скоро навалилась сонливость. Возвратился Сомервилл.

— Ты давала ей лекарство? — обратился он к Бонни. Та кивнула. Тогда он повернулся к Каролин:

— Спишь?

— Еще нет, но скоро усну, — вяло пробормотала в ответ девушка. — Бонни всегда рядом со мной, даже раскладушку втащила. Боится, что я потянусь к сонетке да и рухну без сознания на пол. Не отходит ни на минуту, даже по ночам.

— А почему бы тебе, — снова повернулся Джейсон к няне, — не вернуться к себе? Пospала бы немного, а я сегодня подежурю у постели Синди, а?

Старушка заколебалась. Было видно, что уходить ей не хотелось, но и возражать его светлости духу не хватало. Каролин никак не улыбалась перспектива провести ночь в обществе Джейсона.

— Нет-нет, пускай Бонни остается, — едва слышно проговорила она.

Сомервилл обернулся к супруге: на лице его уже вновь играла холодная и отчужденная полуулыбка.

— Конечно, дорогая! Все будет так, как ты захочешь. Я загляну завтра утром, узнаю, как ты...

Едва он скрылся, Бонни принялась суетиться вокруг Каролин. Она подоткнула одеяло и прикрыла плечи больной.

— Слава Богу, мисс, вы замолвили словечко! Я не отважилась бы ему перечить, но и оставлять вас наедине с этим чудовищем выше моих сил. Это правда!

Каролин вдруг захотелось в голос разрыдаться, но она сдержалась и вскоре уснула, но сон был тяжелый, свинцовый — точно в бездну провалилась.

Доктор приходил каждый день и в свой третий визит вручил Бонни другой какой-то флакончик, наполненный жидкостью густо-алого цвета. Новое снадобье также имело снотворный эффект и

отчасти снимало боль, однако общего самочувствия опять-таки не улучшалось. Каролин по-прежнему мучили рези в желудке, приступы дурноты и головокружения. Теперь бедняга больше спала, но по пробуждении чувствовала себя разбитой, как если бы накануне выпила слишком много вина.

Джейсон навещал супругу по несколько раз на дню. Он приходил, стоял возле ее постели, наблюдал за больной, потом нервно бегал по комнате из угла в угол. И как ни странно, это его докучное мельтешение успокаивало Каролин, она могла сколь угодно долго взирать на то, как он меряет комнату своими гигантскими шагами. Когда лекарь явился и исчез в четвертый раз, Сомервилла наконец прорвало.

— Мне кажется, — воскликнул он, — что этот кретин вовсе даже и не понимает, что с тобой происходит, Синди! Нет никакого улучшения, никакого! Ты чувствуешь, что тебе становится легче?

Каролин была слишком слаба, чтобы отвечать, она просто отрицательно покачала головой.

— Вот и я говорю, что никакого улучшения! — Джейсон стукнул себя кулаком по ладони. — Я не позволю тебе умереть!

Он приблизился к постели и взял обе ее руки. Взгляд его был мрачен и угрюм.

— Ты понимаешь меня? Я не дам тебе умереть! Я немедленно поеду в Лондон и привезу для тебя настоящего доктора. Продержись, пока я не вернусь? Обещаешь?

Каролин вновь кивнула. Пальцы Джейсона впились в ее изрядно похудевшие плечи.

— Ты не ускользнешь от меня — вот так? — пробормотал он. — Нет? Нет, конечно же, я тебе не позволю!

Отпустив ее, он вышел из комнаты. Каролин, почувствовав странное тепло, уснула.

Сомервилл вернулся только через три дня. Привезенный им доктор не имел стеснительности Хейвуда. Он разговаривал с Джейсоном как равный. Это был крупный, хорошо одетый мужчина. В его голосе и манере держаться сквозила властность натуры.

— Добрый день, леди Браунтон. Я доктор Уилкинс. Вы меня еще не забыли?

Каролин покачала головой.

— Боюсь, что сейчас мне трудно вспомнить вас.

— Я встречал вас в Лондоне шесть или семь лет тому назад. Вы, кажется, были беременны тогда...

— Ах, ну да, да...

Он повторил те же исследования глаз, носа и ушей, что и Хейвуд, потом стал осматривать живот и с такой силой ткнул его пальцами, что Каролин вскрикнула.

— Вы не заметили никакой припухлости вот здесь, в области желудка, леди Браунтон?

Каролин опять покачала головой:

— Да нет, я скорее сохну, чем пухну.

Улыбка тронула губы Уилкинса. — Восхищаюсь вашим мужеством, мадам!

Внезапно его брови сдвинулись, он резко подался вперед и указал на темное пятнышко у нее на руке.

— Как давно это у вас?

— Всего день или два.

— Есть еще пятна?

— Не знаю.

Уилкинс внимательно осмотрел другую руку, горло, лицо и, обнаружив второе пятно, остановился. Морщина между бровей сделалась еще глубже. Он внимательно обследовал ногти Каролин.

— Если не возражаете, я срежу фрагмент вашего ногтя или прядь волос.

— Что?.. Ах да, хорошо, если это так необходимо.

Джейсон нахмурился:

— Зачем это вам, доктор?

— Не терплю говорить о чем-либо, когда не сделаны все необходимые исследования...

— Черт бы вас побрал! Я не буду в претензии к вам, если предварительный диагноз не подтвердится! Но... но что вы подозреваете?

Уилкинс вздохнул:

— Честно говоря, все это похоже на хроническое отравление мышьяком.

Глава 9

В комнате воцарилась тишина. Слова доктора проникли в затуманенное сознание Каролин, и она предприняла попытку сесть.

— Нет ничего удивительного в том, что ваш деревенский врач не распознал этого, — сказал Уилкинс Джейсону. — Что же касается меня, то я довольно часто наблюдал эту болезнь у знатных дам. Они, знаете ли, используют мышьяк для кожи, чтобы придать ей нежный вид. Они употребляют понемногу каждый день. Для того чтобы взять и умереть, малых количеств, конечно, недостаточно, но нередко случается и передозировка. От передозировки, впрочем, тоже не сразу умирают, хотя я видал и такое. Чаще же всего от этого некогда совершенно здоровые дамы превращаются в тяжело больных. Однако регулярное применение мышьяка на протяжении длительного времени неизбежно смертельно! Разгневанный, Джейсон набросился на Каролин:

— Я же говорил тебе прекратить это! И даже забирал бутылку и прятал в своем кабинете. У тебя что, совсем нет мозгов? Или тщеславие непомерное?!

— Но я... я не... никогда не принимала ничего подобного, — слабо запротестовала Каролин.

— Нет смысла лгать, Синтия. Скажи, ты взяла бутылку из моего письменного стола, да?

— Нет, оставь меня, пожалуйста, в покое!

— Послушайте, лорд Браутон, — вмешался Уилкинс, — мышьяк не так-то уж трудно приобрести. Его можно найти практически в любом садовом сарае. Вы же знаете, он применяется для того, чтобы травить крыс...

— Бонни, обыщи комнату, — приказал Джейсон. — Найти ее запас, где бы он ни был, и отдать мне немедленно!

— Ах, если бы кто-нибудь мог отвезти меня к местному фармацевту, — недвусмысленно завздыхал доктор, — я бы провел необходимое исследование, а уж потом поставил бы окончательный диагноз.

— Да, конечно!

В тишине врач отрезал у Каролин небольшую прядь волос, и затем Джейсон вывел его из комнаты.

Каролин, обессилев, закрыла глаза и прислушалась к шуму, производимому Бонни, которая шарила по комнате в поисках неких запасов мышьяка. Все происходящее не могло быть правдой. Замечательный лондонский терапевт ошибался. Она знавала женщин, которые применяли небольшие количества мышьяка для своей кожи, но сама никогда не практиковала подобные косметические процедуры. Итак, отравление мышьяком... Каролин содрогнулась: внезапно ей стало страшно! Джейсон думает, что она сделала это собственноручно, но ведь это не так! Следовательно, кто-то добавляет ей в пищу яд! Кто-то вознамерился прикончить ее!!

Джейсон возвратился, но Бонни вынуждена была признаться, что ее поиски не увенчались успехом. Тогда он сам начал обыскивать комнату, открывал всевозможные ящики, выворачивал их содержимое, копался в белье и даже осмотрел всю обувь и все шляпные картонки. Как и следовало ожидать, Сомервилл наконец сдался.

— Ну куда ты спрятала его, Синтия? Проще будет, если ты сама скажешь мне.

— Я не прятала. Я ничего не прятала.

Голова Каролин разламывалась от чудовищной боли, из глаз тихо бежали слезы.

— Я ничего не прятала, — повторила девушка, — потому что ничего и не применяла.

— И ты думаешь, что я тебе поверю? А может, тебе кажется, что все это дело рук злокозненной поварихи?

— Не обязательно поварихи. Сыпать мышьяк в пищу может кто угодно.

— Но кто?! Кому в этом доме понадобилось вдруг свести тебя в могилу?

Каролин открыла глаза и посмотрела на Сомервилла.

— Я могу подозревать только одного человека.

— Меня? — вскричал Джейсон. — Прекрасно! Вот, значит, в чем ты меня подозреваешь! Впрочем, — тут он хрипло рассмеялся, — это меня даже забавляет. Вместо того чтобы признаться в глупом потворстве собственному тщеславию, ты обвиняешь меня в покушении на твою жизнь!

— Пожалуйста, оставь меня одну, — устало прошептала Каролин.

— О! С радостью, моя дорогая, с радостью! — В комнате раздался сначала тяжелый стук сапог, а потом — хлопнувшей двери...

* * *

Доктор зашел к ним на следующее утро и подтвердил свой диагноз. В волосах Каролин были обнаружены следы мышьяка. Лекарь прочел строгую лекцию о вреде применения мышьяка в качестве средства для улучшения кожи и вытянул из девушки обещание никогда больше не делать ничего подобного. Вскоре после отбытия эскулапа явился Джейсон и заявил, что, если эта идиотская практика не прекратится, он начнет следить за своей пустоголовой женошкой или завербует кого-нибудь из слуг в этикие своеобразные шпионы.

— Я клянусь тебе, что не употребляла мышьяк по своей воле, — заверила его Каролин тоном более чем саркастическим.

Джейсон с яростью посмотрел на нее и вышел вон из комнаты.

— Если кто-то и думал вас отравить, мисс Каро, так это он, — провозгласила Бонни и вздернула подбородок.

— Если? Что значит «если»? Ты мне не веришь?

— Я верю вам, — спокойно отозвалась няня. — Уж что-что, мисс Каро, а лгать — вы никогда не лгали.

«Спасибо хоть за это», — подумала Каролин. Как только лондонский доктор объявил об отравлении, Бонни перестала давать ей лекарство. На следующее утро головная боль и рези в желудке поутихли, однако Каролин отказывалась что-либо пить или есть, пока няня напрямую не спросила:

— Вы что, мисс, уже больше не доверяете старушке Бонни?

После такого выпада Каролин сдалась и согласилась выпить чаю, приготовленного няней на спиртовке. Позже Бонни заявила, что спустится вниз сама и сама же приготовит еду для своей хозяйки, а потом уж ни на минуту не спустит с нее глаз.

Постепенно Каролин стала приходить в норму. Справедливо полагая, что отравитель остановится теперь, когда яд обнаружен, девушка снова начала принимать пищу, приготовленную непосредственно на кухне. Вскоре головные боли и рези в животе совершенно прекратились, но Каролин знала, что понадобится еще много времени, чтобы восстановиться окончательно: в весе, например, она потеряла весьма и весьма значительно.

Работа мозга нормализовалась гораздо раньше, чем все остальные функции организма. Теперь Каролин поставила под подозрение всех, включая Бонни. Джейсон, однако, дал ей ясно понять, что виновницей считает ее саму. Но она-то, понятное дело, знала, что не станет сама себя травить! Следовательно, кто-то пытался ее отравить и почти достиг желаемого. Длительность

недомогания делала его похожим больше на желудочное заболевание, чем на преднамеренное отравление. Может быть, хотели убить вовсе не ее, а Синтию?

Да, в последнее время все так перепуталось! Сама Каролин была изгнана из своей семьи, следовательно, деньги сэра Невилла перейдут к Синтии, хотя возможен и другой вариант, ведь Синтия также разочаровала отца. Выходит, покушаться на ее, Каролин, жизнь смысла не имело, а если говорить о Синтии, то кто же, кроме Джейсона, мог стараться избавиться от нее.

Миллисент Нельсон открыто дала понять, что относится к Синтии с неприязнью. Эта дурочка, конечно, могла отравить свой крем. Однако одно обстоятельство не позволяло обвинять в столь ужасном злодеянии сестру викария, а именно вот какое: убийца явно проживал в Браутон-Курт, потому что яд понемногу добавлялся в пищу каждый день. Любой из слуг мог желать смерти хозяйки, как ни дико предполагать подобное...

Джейсон... Как бы строго и, быть может, даже предвзято ни судила она, все указывало на этого человека! Да и средство у него было. Он сам говорил, что забрал мышьяк и запер его в своем письменном столе. Во время болезни Сомервилл находился дома. Проявляя притворный интерес к тому, что ела и пила его жена, он мог незаметно крошечными порциями подсыпать отраву. У него имелась весома причина: он презирал жену и был бы бесконечно счастлив избавиться от нее. Джейсон являлся единственным человеком, желавшим се смерти.

Все же Каролин отказывалась верить собственной версии. На преступника лорд Браутон походил в малой степени. Он был скорее неслыханный ревнивец, грубый, прямой и откровенный в проявлениях своего гнева.

Он скорее задушил бы изменившую ему жену, чем сыпал бы исподтишка всякую дрянь в пищу.

Кроме того, в жизни Синтии, особенно за последние семь лет, для Каролин образовалась множество белых пятен, так что злоумышленником мог оказаться такой человек, о котором самозванка не имела ни малейшего представления. Возможно, за это время Синтия успела нажить себе лютого врага, разумеется, незнакомого Каролин. «Когда я поправлюсь, — думала она, — я обязательно изучу всю корреспонденцию Синтии, все ее дневники, все записи, которые удастся обнаружить. Должно же найтись хоть что-то, что прольет свет на жизнь сестры!» Но высказывать свои подозрения вслух ей не стоило до тех пор, пока все не будет известно наверняка. Если репутация Джейсона безупречна, то она не может запятнать ее столь безапелляционно!

Каролин ни с кем не стала делиться своими мыслями. Все свои силы она направила на то, чтобы скорее поправиться. Она много спала, а если бодрствовала, то непременно ела. И все-таки оставалась слаба. Впрочем, очень скоро она предприняла попытку встать с постели самостоятельно, дошла до кресла и просидела в нем около часа. Неделю спустя она уже смогла сойти по лестнице и еще через неделю зажила уже практически своей нормальной жизнью, только продолжала баловать себя дневным сном. Каролин была преисполнена решимости принять участие в охоте, сроки которой уже приближались.

Домоправительница, миссис Морли, составила меню и послала горничных убрать и проветрить для гостей свободные спальни третьего этажа. В первый раз Каролин увидела эти комнаты открытыми, а мебель в них — свободной от пыльных чехлов. Для нее самой никакой особенной работы не оставалось, разве что подумать, каких гостей в какие комнаты определить, что было довольно сложно, поскольку она не знала даже, кто были эти гости. Каролин чувствовала, что может допустить досадную оплошность, усадив за один стол не тех людей или отведя гостю комнату не по его рангу. Каролин осмотрела комнаты и распределила их, как и места за

столом, руководствуясь только наличием титула рядом с именем гостя. Потом она позаботилась о том, чтобы ее работа была проверена Джейсоном, причем пояснила это тем, что чувствовала себя ослабленной и могла допустить ошибку. Джейсон изучил аккуратно исписанные листочки и предложил всего одно или два изменения. Каролин поблагодарила его и ушла, чтобы приготовить хорошую копию для домоправительницы. Очевидно, просьба ее слегка озадачила Сомервилла, потому что такие светские обязанности находились в ведении жены, но теперь зато она была застрахована от непростительного промаха и чувствовала себя уверенно.

К назначенной дате охоты дом выглядел безукоризненно, наняли дополнительную прислугу, кухарка приготовилась к суровому испытанию, а Каролин полностью поправилась. Когда стали прибывать гости, девушка была рада, что ей не требовалось много сил для того, чтобы стоять с Джейсоном и приветствовать приезжающих, которых дворецкий Барлоу сопровождал в гостиную и объявлял хозяевам. Каролин с улыбкой приветствовала их, внимательно прислушиваясь к тому, как обращался к каждому из них Джейсон, и потом просто повторяла за ним. Каролин изо всех сил старалась запомнить лица и не перепутать имена, потому что очень скоро Сомервилла рядом не будет и подсказывать будет некому. Ум ее живо отмечал степень участия к ней, проявленную тем или иным гостем. Каждый раз она старалась отвечать тем же. Ни одна из женщин не выказала своей особой привязанности, хотя ни одна не выказала и неприязни.

Поздним вечером Барлоу объявил о прибытии графа и графини Уэстбридж. Джейсон бросился навстречу входившей в холл чете.

— Джей! Как приятно видеть тебя! Флора, дорогая, ты, как всегда, ослепительна!

Вновь прибывшие гости оказались симпатичной парой. Граф был ниже Джейсона ростом, но с широкими плечами и мускулистыми руками, выдававшими в нем заядлого наездника. Со своими песочного цвета волосами и слегка веснушчатой физиономией он не производил, конечно же, неотразимое впечатление, но широкий рот и голубые глаза говорили за то, что его отличает добрый нрав. Графиня выглядела великолепно. Блестящие черные волосы обрамляли ее худое овальное лицо, темные брови и длинные ресницы подчеркивали красоту нежных темно-карих глаз, а прямой нос и чувственные губы и вовсе могли очаровать кого угодно. Когда Флора улыбнулась, Каролин заметила, что между двумя ее передними зубами зияла небольшая, но очень элегантная щербина. Этот незначительный изъян вовсе не портил ее во всем остальном совершенной внешности, но даже придавал облику некоторую пикантную незащищенность, которая спасала ее черты от излишней правильности и холодности.

— Какой же ты, Джейсон, льстец! — воскликнула графиня и обернулась к Каролин, протягивая руки:

— А, вот и ты. Хм, Синтия, да ты воплощенное здоровье! Что же это твой супруг писал мне о твоей тяжелой болезни?

— Я уже успела выздороветь. Рада тебя видеть, — сказала Каролин, взяв руки Флоры и потом обратилась к графу:

— Здравствуй, Джек!

Потом она повернулась к гостям, рассеянным по зале, и спросила у Флоры:

— Думаю, ты всех здесь знаешь?

— Боже мой, конечно, — усмехнулась графиня и повернулась вместе с Каролин, чтобы поздороваться с остальными.

— Стелла, как поживаешь? — обратилась она к статной женщине средних лет с квадратным лицом. — Как твоя рука?

Стелла поморщилась:

— Ах, так все глупо получилось. Конечно, я знала, что жеребчик Соло с норовом, но была с ним недостаточно строга, и он, нахал, сбросил меня, ударив о дерево. Впрочем, сейчас рука в полном порядке и в прекрасной форме для завтрашней охоты.

Она еще немного поговорила о предстоящей потехе, о погоде, о состоянии гончих. Флора и Каролин слушали ее и кивали, в нужных местах улыбались, но, как только представилась возможность, тут же улизнули от этой одержимой.

— Замечательная женщина, — доверительно проговорила Флора, — но для нее на свете существует только одна вещь: охота!

Каролин улыbnулась. Флора ей нравилась. Она была живой и веселой и, похоже, в восторге от Синтии. Но все же создавалось впечатление, что некоторая дистанция тем не менее существовала, что загадочной подружкой Синтии она не являлась. Друзья Джейсона едва ли были друзьями его жены.

Каролин и Флора продолжали свой обход гостиной и приветствовали всех гостей, что давало возможность находиться подальше от Сомервилла.

Желание лорда Браутона соблюсти перед гостями все приличия и обставить все дело так, будто с Синтией у него все в порядке, раздражало Каролин. Всю вторую половину дня он оставался возле нее, брал ее под руку во время прогулок, даже с любовью улыбался ей. За последние несколько недель она привыкла к тому, что редко виделась с ним, но теперь чувствовала его присутствие постоянно: ощущала на своей коже тепло его тела, шуршание от прикосновения его одежды к своей, когда они стояли рядом, слышала его глубокий смех и, что хуже всего, видела на его лице фальшивое выражение любви. Она видела, что его глаза и губы улыбались ей, но знала, что за этим ничего не стояло, что все это был лишь маскарад, устроенный для гостей. Ложь во лжи, думала Каролин. Притворяться женой Джейсона и так было нелегко, но напяливать на себя маску обожания и вовсе оказывалось непереносимо. Каждый раз, когда он прикасался к ней, кожа ее начинала гореть, как бы поверхностно и незначительно ни было прикосновение. Это было ненормально! Джейсон ненавидел ее. Она его презирала. Надлежало помнить об истинном положении вещей. Каждый раз, когда он смотрел на нее или прикасался к ней, ей приходилось бороться с целым потоком воспоминаний о той ночи, когда Джейсон был пьян, а она отважилась проводить его в постель.

Как бы Каролин ни старалась подавить свои чувства, они все равно брали верх. Она вспоминала прикосновения рук Джейсона к своей коже, его губы, жаркие и требовательные. Она не могла не признаться себе в том, что хотела его тогда, а посему для нее было облегчением оставить его, пока они с Флорой обходили гостей. Она слушала, как графиня разговаривала с ними, впитывала нужную информацию и старалась получше запомнить лицо каждого. Что ж, теперь Каролин сама могла поболтать с леди Резерфорд о ее внучке, знала, что полковник Холсби, с восторгом произнося слова «мой драгоценный Генри», имеет в виду бульдога, а не собственного ребенка.

— Синтия, моя дорогая!

Неожиданный звук голоса Джейсона и его прикосновение заставили ее вздрогнуть.

— Пришли Озборны.

— Что? Ах да!

Каролин глубоко вздохнула, и Джейсон повел ее к новым гостям. В изысканно убранном холле Каролин встретила мужчину и женщину средних лет, немного полноватых, с ними молодого человека лет двадцати пяти, довольно красивой наружности, но с этакой байронической миной: я, дескать, влюбленный романтик, из буйных. Джейсон официально поздоровался с пожилой четой, но когда он обратился к молодому человеку, то тон его сделался абсолютно холодным. Впрочем, никакой враждебности он не проявил, только резко кивнул и сказал:

— Здравствуй, Симмонс.

— Здравствуйте, милорд, — так же чопорно отвечив Симмонс, но когда он склонился к руке Каролин и его губы плотно прижались к ее пальцам, взгляд его как-то странно потеплел.

— Счастливы видеть вас, миледи, — задумчивым шепотком произнес он.

— Здравствуйте, мистер Симмонс.

Кто бы такой мог быть этот необычный молодой человек? Наверняка не сын Озборнов. И что могло скрываться за его испытующим взглядом? Он задержал ее руку в своей несколько дольше, чем это полагалось по этикету, и Каролин твердо убрала свою ладонь.

— Я так рада представившейся мне возможности поболтать с вами, — обратилась вдруг миссис Озборн к Каролин, чем нарушила неловкое молчание. Обе женщины расположились на близстоящих стульях. Каролин, стараясь выглядеть самоуверенной, на самом деле почему-то боялась этого незнакомца. Что она скажет ему? Симмонс, словно собака, последовал за ними и, прямой как палка, встал подле стула Каролин.

— Ну, Марк! — пригрозила в шутку ему пальцем пожилая женщина. — Сейчас Синтия моя. Шанс повалиться у ее ног тебе представится чуть позже.

Симмонс приложил немалые усилия к тому, чтобы удалиться, не уронив своего достоинства. Он обосновался у камина, грациозно облокотившись о каминную полку, и посылал Каролин пламенные взоры. То, что она наблюдала, являлось, на ее взгляд, случаем безрассудного обожания. Ничего особенного не было в том, что молодой человек питал безответную любовь к замужней даме. Это пахло романтикой, рыцарями, трубадурами, столь популяризуемыми в последнее время. Его притягательность состояла исключительно в том, что молодой человек мог быть влюбленным и в то же время развлекаться не только с избранницей, но и с прочими особами женского пола. Телячьи глаза Симмонса раздражали ее, и она делала все возможное, чтобы, оставаясь неприступной, не замечать его.

— Это мой племянник, — проговорила миссис Озборн и кивнула головой в сторону молодого человека, хихикнув. — Просто по уши в вас влюблен. Впрочем, если сегодня его сердце разбито, он думает, что всю жизнь пребудет несчастен, а завтра он снова примется танцевать и флиртовать с девушками. Однако бессмысленно говорить ему, что через некоторое время у него все пройдет!

— Я рада, что вы не принимаете это всерьез.

Краем глаза Каролин видела племянника, не сводившего каменного взгляда с веселых, непринужденно смеявшихся и болтавших людей.

— Боже, не волнуйтесь так из-за таких пустяков. Я знаю, что вы вовсе не стараетесь увлечь бедного мальчика. Во всяком случае, у него нету никаких неприятностей, он только пишет сонеты о ваших глазах и все такое. Мы очень надеемся, что через годик-другой он женится на дочери Эккингемов. Сейчас ей только шестнадцать, но уже почти вполне подходящая пара. Что же будет, когда подрастет?! Знаете, на юге их земли граничат с нашими. Пару раз Фостер уже намекал на это Эккингема. Старик глуп как пробка, но все же и он понял, к чему клонит Фостер. Похоже, план последнего одобрен. Знаете, поскольку у нас нет собственных детей, Марк должен унаследовать все деньги Фостера и земли.

Тут миссис Озборн остановилась, но только для того, чтобы, переведя дыхание, пуститься в пространнейшее описание всех прелестей и талантов Мэри Доры Эккингем. Карелии старалась проявлять хотя бы тень заинтересованности. Вскоре ей стало ясно, зачем Джейсон пригласил эту скучнейшую особу и ее вполне заурядного мужа. Когда Сара Озборн коснулась темы лошадей и охоты, Каролин убедилась в ее нелюбви как к одному, так и к другому. Выходит, она приглашена была только для того, чтобы поддержать Синтию, также никогда не разделявшую охотничьего энтузиазма. Каролин едва могла подавить вздох. Теперь она не сможет насладиться даже охотой, которой ждала с таким восторгом и нетерпением.

Вечер наконец завершился. Каролин скрылась у себя в комнате, чтобы переодеться. Присцилла поправила ее прическу, помогла облачиться в бледно-зеленое платье из мерцающей тафты. Потом она удалилась, чтобы помочь тем женщинам, которые не захватили с собой служанок. Каролин слегка сбрызнула запястья и грудь лавандовыми духами и застегнула жемчужное кольцо на шее. Две небольшие, с жемчугом же, серьги, кремовый пергаментный веер, расписанный сценками из сельской жизни, и тонкая кружевная шаль, наброшенная на плечи, — все это завершило ее наряд.

Вернувшись в гостиную, Стелла Резерфорд вовлекла Каролин в разговор о достоинствах некоторых скакунов, одного из коих надлежало выбрать. Каролин рассеянно слушала ее и наблюдала, как в гостиную стекаются и остальные гости. Марк тоже вошел, занял свое обычное место у стены и уставился на нее. Каролин бросила на него слегка нахмуренный взгляд и повернулась к леди Резерфорд. «Этот молодой человек делает из себя посмешище», — подумала девушка и удивилась тому, что Марк сам этого как будто и не замечает.

— А! Артур Бизли, — воскликнула Стелла и внезапно встала. — Я должна повидаться с ним. Леди Честер сказала мне, что он собирался купить того сивого мерина, о котором я вам только что говорила. Простите, но я вас ненадолго покину.

Прежде чем Каролин успела опомниться, Марк Симмонс уже занял место леди Резерфорд на тахте подле девушки.

— Почему ты так мучаешь меня? — спросил он тихо, но явно раздраженно, причем на лице появилась недовольная гримаска.

— Прошу прощения? — недоуменно вскинула брови Каролин.

— Нечего попусту прикидываться, ты прекрасно знаешь, о чем я. Какого черта ты называешь меня мистером Симмонсом, будто я вовсе чужой тебе? Может, ты сердисься, что мы не приехали раньше? Я пытался уговорить тетю с дядей выехать вечером или по крайней мере на рассвете, ты же знаешь, Харнек-Хилл — это далеко, но они ни за что не согласились. Я едва не

задушил дядюшку Фостера, когда он приказал конюху пожалеть лошадей. Я хотел стремглав броситься к тебе!

В порыве чувств он выхватил ее ладонь и нежно сжал в своих руках.

Каролин немедленно освободилась.

— Но мне совершенно все равно, когда вы выехали и когда прибыли. Вы не должны обращаться со мной столь, фамильярно!

— Не должен?.. — вытаращил глаза Марк. — Ты что, хочешь убить меня? Именно это может сделать со мной твоя холодность! Синтия, ты не можешь, — только не говори, что твои чувства ко мне переменились, — ты не можешь забыть того, что было между нами в тот райский день на пруду.

Если Каролин могла знать, чего именно ей не следовало забывать! Она с трудом нашла более или менее подходящий ответ.

— Ты говоришь глупости, — заявила она. — С сегодняшнего дня тебе лучше оставить всякую надежду. Я жена лорда Браутона, я никогда не...

Его лицо прояснилось, и он даже хихикнул. Теперь, без своей обычной псевдопоэтической угрюмости, он выглядел совсем мальчишкой.

— Ты что, разыгрываешь меня? Помню, ты всегда упрекала меня в излишней серьезности, и вот, видишь, я улыбаюсь!

Как можно было до него достучаться? Он так самоуверен, что не желает принимать разуверений.

— Марк, я...

— Прошу тебя, милая, не нужно больше всяких глупых розыгрышей! Лучше скажи мне прямо, что я сделал не так, и я немедленно исправлюсь. Только не держи меня на расстоянии. Я неделями только и делал, что мечтал о том, как вновь прикоснусь к твоему нежному белому телу. Знаешь, я просто весь горю от желания обладать тобой!

— Мистер Симмонс, вы забываетесь!

— Я знаю, кругом много народа. Мне нельзя так явно показывать свою любовь к тебе. Сейчас, сейчас уйду, но обещаю, что встретишься со мной сегодня ночью на западной веранде в... ну, скажем, в одиннадцать часов.

Каролин попробовала было протестовать, но Марк не стал ее слушать и преспокойно направился в кабинет Джейсона, где мужчинам раздавались напитки. Каролин сцепила на коленях руки, лицо ее от гнева пылало. Просить встречи с ней, как с обыкновенной потаскухой! Неужели он думает, что она плюнет на брачные узы и побежит за первым встречным? Синтия давно бы поставила его на место. Однако откуда такая уверенность в том, что страсть его, Симмонса, не безответна? Что он вбил себе в голову?

Нет, она не станет терпеть его домогательств, если они вновь возобновятся.

Она все еще кипела от негодования, когда появился Джейсон, чтобы проводить ее в столовую.

Порозовевшие щеки только подчеркивали красоту ее лица, и Джейсон не удержался, чтобы не сказать:

— Сегодня ты выглядишь замечательно!

Глаза Каролин вспыхнули, ее скрываемый гнев выплеснулся наружу.

— А поведение мое отвечает сегодня твоим требованиям?

Джейсон мгновенно помрачнел.

— Думаю, да, за исключением того, что ты позволила молодому Симмонсу облизать руку!

— Я не позволяла ему! Я не позволяла ему! Он не хотел отпустить мою руку, так что мне даже пришлось ее выдернуть!

— Видел, видел и даже... несколько удивлен, если так можно выразиться.

Каролин недоверчиво покосилась на Сомервилла:

— Удивлен? Что ты хочешь сказать этим?

— У меня сложилось ранее впечатление, что внимание этого молокососа доставляет тебе удовольствие.

— Симмонс — свинья!

— Что ж, я рад, что появился в целом свете еще некий субъект, так же как и я, подпадающий под столь резкое определение!

— Подобных вам слишком много, а отнюдь не двое.

— Значит, ты не любишь секс вообще, а не только своего мужа в сексе.

— Есть несколько исключений, — шутливо заметила Каролин.

Слишком поздно она поняла, что Джейсон воспримет это замечание, как намек на Бингема. Каролин опустила глаза, мысленно проклиная свой невоздержанный язык. С ее стороны это была всего лишь невинная шутка, однако Джейсон был уязвлен до глубины души. Он усадил Каролин и, не говоря ни слова, проследовал на свое место на другом конце стола.

Каролин сидела между Флорой и лордом Резерфордом, беседа с которыми приняла несколько другое направление, чем она имела с леди Резерфорд: тут, помимо лошадей, любили потолковать и об оружии. В присутствии Флоры Каролин довольно трудно было укрощать свой темперамент и отвечать в мягкой, сдержанной манере: ее природной реакцией на остроты был бы непосредственный смех и столь же остроумный ответ. Она изо всех сил старалась справиться с собственным "я", отметив, что гнев Джэйсона ухудшил ее настроение.

После обеда женщины удалились в гостиную, в то время как мужчины остались наслаждаться портвейном и сигарами. Позже, когда и мужчины присоединились к своим половинам, миссис Озборн сыграла на фортепьяно несколько популярных мелодий. Флора пела под этот аккомпанемент. Каролин оставалась спокойно сидеть между двумя женщинами, так что Симмонс не мог к ней приблизиться. Поскольку начало охоты было назначено на раннее утро следующего дня, к десяти все стали расходиться. Остались только заядлые игроки в карты,

решившие повести одну игру. Джейсон проводил Каролин до дверей ее комнаты, прекрасно исполняя роль любящего супруга. Они не обменялись ни словом, пока поднимались по лестнице, и Каролин знала, что если она попытается извиниться по поводу бездумного замечания, то только обострит ситуацию.

Присцилла уже ожидала хозяйку с халатом и щеткой для волос. Оставшись наконец одна, Каролин, прежде чем погасить лампу, что висела над кроватью, взглянула на часы на каминной полке. Было без двадцати минут одиннадцать. Она представила, как Марк нетерпеливо ждет ее на западной веранде дома, и очень надеялась, что ему будет очень и очень зябко!..

* * *

Рассвет накануне охоты выдался ясным и бодрящим, и Каролин проснулась в прекрасном настроении. Она поднялась, вымыла лицо и позвонила Присцилле.

Та мгновенно явилась с чаем и гренками и, пока госпожа завтракала, зачесала ей назад волосы, заплела их в косу, у основания шеи свернула в надежный клубок. Каролин улыбнулась своему отражению. Этот стиль шел ей гораздо больше, чем локоны. Она быстро облачилась в голубую амазонку и приколотла на волосы шляпу. И цвет, и фасон подходили ей. Она знала, что хорошо выглядит, и не могла убрать с лица выражение восторга.

Внизу еще никого не было, когда она начала спускаться по широкой лестнице.

— Синтия!

Она остановилась и вопросительно оглянулась на звук своего имени. Однако как только она увидела спешащего навстречу Симмонса, то пожалела о том, что помедлила.

— Доброе утро, мистер Симмонс.

— Черт побери! Может, ты прекратишь называть меня так? — прошипел он, приблизившись к ней и схватив ее за руку. — Почему вчера вечером ты не пришла? Я прождал целый час!

— Удивляюсь, что ты не успел озябнуть за столь долгое время.

— Перестань дерзить! Тебе это не идет. Как это понимать? Почему ты так изменилась за последнее время? Скажи мне, прошу тебя?

Он схватил ее другую руку и притянул к себе. Каролин, испугавшись, пошатнулась и ухватилась за лацканы его пиджака, чтобы не упасть. Он принял это за поощрительный жест, нагнулся и поцеловал девушку.

Она отпрянула назад, напуганная его смелостью. Непроизвольно рука ее взметнулась и с силой ударила Марка по щеке.

— Грубый, наглый щенок! Как ты смеешь! Если ты не оставишь своих скверных домогательств, тебе придется иметь дело с моим мужем!

Марк в изумлении смотрел на нее, и в глазах его загорались огоньки гнева.

— Черт возьми, да что же с тобой такое происходит?! Ты раньше никогда не жаловалась на мой напор!

— Не имею ни малейшего представления, о каком напоре ты толкуешь!

Его рот скривился.

— Я не дурак, Синтия! Если я держу женщину в руках, я знаю, чего она хочет. Ты всегда просто таяла в моих объятиях. Ты говорила, что после мужниного бычьего нахрапа мои ласки кажутся тебе раем! Ты ведь не станешь отрицать этого? Ты пришла ко мне, испытывая отвращение к похоти Браутона, и я сделал тебя счастливой, потому что обращался с тобой так, как ты этого заслуживала. Я боготворил твоё тело! Зачем же ты теперь отталкиваешь меня и даже награждаешь пощечинами?

— Я думаю, что ты слегка сгущаешь краски, Марк. Скажи, чего ради мне, пускай даже и не любящей своего сексуально агрессивного мужа женщине, соглашаться на то, чтобы меня лапал уже и вовсе чужой человек? Ты и так нарушил права собственности, и я только поблагодарю тебя, если в будущем ты оставишь меня в покое.

Каролин бросилась вниз к парадной двери, каблучки ее громко стучали по мраморному полу. Вдруг она остановилась — в зеркале была видна физиономия Джейсона. Скрестив руки и прислонившись к стене, он спокойно стоял у дверей своего кабинета. В своем костюме для верховой езды он казался тонким и щуплым. Она резко повернулась к нему. Сомервилл, ухмыльнувшись, демонстративно расцепил руки и похлопал в ладоши.

Каролин шла к нему через весь холл.

— Что ты здесь делаешь? Ты все слышал?

— Конечно.

— Тогда почему ты не помог мне? Любой бы нормальный муж защитил свою жену от грязных домогательств.

— Но тогда бы я испортил весь спектакль! А этот спектакль был поистине великолепен.

— О чем ты говоришь?

— Ну как же, классическое действие: «Добродетельная жена гневается»! Ты же специально разыграла эту сценку для меня!

— Ты хочешь сказать, что я знала, что ты здесь? — возвысила голос оскорбленная Каролин. — Выходит, я прикинулась обиженной? Выходит, ты уверен, что между мной и этим червяком что-то есть?

— Ты угадала. Я не так наивен, Синтия, как тебе кажется!

— Ты самый невозможный человек на свете. Ты видишь белое, но говоришь, что перед тобой черное!

— Я просто не слушаю лживых заверений, вот и все! Каролин застонала от отчаяния и отвернулась. Марк стоял у подножия лестницы и наблюдал за ними.

— Понимаю, понимаю, — ухмыльнулся он, когда Каролин стала спускаться.

И этот тоже поверил в то, что сцена была разыграна нарочно! Что ж, превосходная концовка для столь нелепого фарса. Она с разбега отворила парадную дверь, проклиная мысленно и

своего мнимого мужа, и своего еще более мнимого любовника.

Перед домом уже всюду суетились конюхи, выводя из стойл оседланных лошадей. Свора пятнистых гончих носилась вокруг двух слуг, удерживавших всех этих собак на привязи. Среди небольшой группки мужчин Каролин узнала Хью Сент-Джона и с радостью приветствовала его:

— Хью, привет!

Кузен повернулся, в неясном утреннем тумане он выглядел франтовато.

— Кузина Синтия, — улыбнулся он и подошел к крыльцу, где она стояла. — Как ты рано вскочила! Не могу припомнить ни одной охоты, которой бы ты не проспала! Что-то случилось?

— Да нет, просто я подумала, что могу покончить со своей ленью и сонливостью. Нет смысла откладывать. Сегодня такой чудесный день, и я рада возможности хоть немного размяться!

— Вижу, тебе приготовили твою старенькую кобылку. Он кивнул в направлении коновязи, где рядом с такой же смиренной гнедой лошадкой стояла Серая Леди, на которой Каролин уже доводилось кататься. Обе лошади совершенно равнодушны были к царившей крутом суете.

— Да, — хохотнула девушка, — а вторая приготовлена для миссис Озборн.

— Для кого? А, для твоей подружки!

Хью хмыкнул, его карие глаза потеплели.

— Ты очень не похож на своего кузена, — вырвалось у Каролин.

У Сент-Джона брови поползли вверх.

— А ты, значит, только сейчас и заметила разницу?

— Нет, конечно, нет. Я заметила это сразу, как только встретила с тобой. Просто сейчас это несходство вновь поразило меня. Ты не смеешься над моим неумением держаться в седле, только чуть-чуть поддразниваешь. Джейсон же часто бывает довольно едок в этом смысле!

— Боюсь, он слишком мало знает о страхе, потому что никогда не переживал его.

— То же и с состраданием.

— Успокойся, — похлопал ее по руке Хью, — не будь так строга к мужу. Я уже говорил тебе, что он просто немного вспыльчив. Он никогда преднамеренно не пугает и не огорчает людей.

— Думаю, ты ошибаешься.

Хью нахмурился:

— С тех пор как ты вернулась, дела у вас идут не очень хорошо, а?

— Полагаю, что не хуже, чем раньше.

Он вздохнул и перевел взгляд на лошадей. Двери дома открылись, и из них высыпало множество народу, в том числе и Озборн, которая, заметив Каролин, немедленно направилась к ней.

— Вот вы где, моя дорогая! А, и мистер Сент-Джон? Господи, как же давно мы вас не видели!

— Здравствуйте, мисс Озборн, — проблеял Хью, и Каролин едва не рассмеялась от затравленного выражения его глаз.

— Почему бы мне не привести сюда лошадей, — предложил он.

— Благодарю, кузен Хью. Звучит очень заманчиво.

Теперь дверь дома не закрывалась. К ним присоединились мистер Озборн и Марк Симмонс. Глаза Марка сочувственно глядели на Каролин, и девушку так и подмывало хватить наглеца по башке каким-нибудь тупым, тяжелым предметом. Хью привел лошадей. Он хотел было взять под руку Каролин, но тут вышел из дома Джейсон и спокойно произнес:

— Я сам помогу Синтии, кузен. Займись лучше миссис Озборн.

— Конечно, — ретировался Хью, испуганно вращая глазами.

Джейсон слегка нагнулся и подставил для Каролин руки, помогая таким образом сесть в седло. Она неуклюже стала искать поводья и едва не потеряла равновесия, потому что не могла попасть ногой в стремя. Джейсон с трудом вставил ее ногу в стремя, потом исправил положение ее рук, уже нашедших поводья. В его движениях сквозило нетерпение, но он улыбнулся, словно делал все эти исправления с любовью.

— Я не одна играю в этом доме на публику! — прошипела она сверху.

— Уж не думаешь ли ты, дорогая, что я разыгрываю спектакль? — отозвался Джейсон невозмутимо. — Вот, теперь ты в порядке. Похоже, и лошадь в порядке: она уже поправилась. Надеюсь, дорогая, ты приятно проведешь время сегодня.

— Можешь не сомневаться в этом! — отвечала Каролин радостно. Каждый из них хорошо знал свою роль.

Почти все всадники уже были готовы. Во дворе слышался смех, все живо беседовали друг с другом. Резвые скакуны танцевали, выпуская из ноздрей пар и потряхивая гривами. Лошадь Каролин оставалась неподвижной, разве что время от времени стогнала хвостом надоедливую муху. Вскоре собаки были отпущены, и всадники устремились за ними красивым потоком в красно-синих жакетах на гладких лошадях на фоне серо-зеленой рощи. Группу возглавлял Джейсон. Все быстро набрали скорость и оказались в полях. Похоже, что легкий галоп был единственным, что можно было выжать из Серой Леди. Пока они скакали, миссис Озборн вела с девушкой непринужденную беседу, что также не могло способствовать улучшению настроения Каролин.

Это была самая худшая охота в ее жизни. Через несколько минут Сара Озборн и Каролин оказались в последних рядах наездников и вскоре вовсе потеряли их из виду. Ей так хотелось вонзить каблуки в бока нерасторопной лошади и пустить ее в хороший аллюр, но вместо этого приходилось выслушивать невыносимый монолог миссис Озборн, состоявший из жалоб на бесчисленные болезни и рассказов о скандалах соседей. И не было никакого выхода из этой унылой ситуации. Вдруг лошадь Каролин вскинула передние ноги, фыркнула и понеслась вскачь, набирая скорость. Сначала девушка испугалась, ухватилась за поводья и натянула их. Потом, успокоившись, стала наслаждаться неожиданной радостью быстрой скачки.

Они миновали ближайшую рощу и очутились на открытом пространстве луга, которое

прерывалось прямо перед ними длинной изгородью. Каролин еще не знала о способностях лошадей к прыжкам и в душе молила Бога, чтоб Серая Леди могла прыгнуть. Преодолев препятствие, кобыла тяжело приземлилась с другой стороны. Тогда-то Каролин и почувствовала, как седло под ней повернулось. Она попыталась сохранить равновесие, но седло утратило жесткость и свалилось. Она увидела, как земля стремительно понеслась ей навстречу. Выбросив ногу из стремени, она спрыгнула с мчавшейся лошади.

Глава 10

Первое, чему научил ее отец, обучая верховой езде, было, как правильно падать с лошади. Каролин, встретившись с землей по всем правилам, перевернулась. Но само падение оглушило ее и выбило воздух из легких. За спиной она услышала, как вскрикнула Сара. Несколько минут Каролин лежала на земле и смотрела в синее небо, пытаясь восстановить дыхание. Она пошевелилась, кости были целы, и она попыталась встать.

Миссис Озборн в панике понеслась к ней. Если бы в тот момент Каролин была способна рассмеяться, то при виде невысокой, уже немолодой женщины, несущейся вскачь на лошади с безвольно болтающимися ногами, одной рукой размахивающей поводьями, а другой потрясающей в воздухе, то непременно зашлась бы в приступе смеха. Каролин махнула Саре рукой, давая понять, что она в порядке, но та продолжала звать на помощь.

Каролин отряхнула с одежды пыль и подняла шляпку. Она страстно желала, чтобы Сара прекратила голосить. Меньше всего Каролин хотелось увидиться с остальными наездниками и признаться им, что свалилась с самой медлительной и смирной лошади во всей округе. Каролин не могла себе представить, что эта кобыла была способна на такую скачку и прыжки. Она размышляла, что могло послужить причиной этого.

Сара неуклюже сползла с лошади и поспешила навстречу Каролин.

— Синтия! Синтия! Все в порядке? О, моя дорогая, моя дорогая! — закричала она.

— Со мной все в порядке, Сара. В самом деле. Кости целы, растяжения связок, я надеюсь, тоже нет.

— О Господи, Господи, — продолжала приговаривать Сара, заламывая руки. Она испытующе посмотрела на Каролин:

— Вы в этом уверены? Какой шок! Я чуть не свалилась без чувств, когда увидела, что вы мчитесь с такой скоростью. Что на вас нашло?

— Я тут ни при чем! Все дело в Серой Леди. — Она кивнула головой в сторону ограды, где теперь стояла ее лошадь, опустив голову и тяжело раздувая бока.

— О Боже. Я всегда знала, что не существует в природе такого понятия, как спокойная лошадь, хотя Фостер постоянно пытается убедить меня в этом.

— Я уверена, что она чего-то испугалась. Возможно, это был внезапно выскочивший заяц, — промолвила Каролин, хотя еще вчера она могла поспорить на сто фунтов, что Серая Леди даже не дернется при виде и дюжины зайцев, стремглав несущихся по полю.

Каролин принялась как могла, без зеркала и служанки, укладывая в узел распустившуюся и теперь свободно лежащую на спине косу. Руки и ноги у нее болели, особенно колени, которые приняли на себя всю силу удара. Юбка ее амазонки была испачкана грязью и зеленью. Она

доковыляла до подножия ближайшего дерева как раз в тот момент, когда увидела, как к ним на полном скаку направляется Джейсон и еще несколько всадников.

Слегка завистливым, но полным восхищения взглядом смотрела она, как жеребец Джейсона перемахнул через забор и приземлился рядом с ними. Джейсон был великолепным наездником. Вопли Сары, должно быть, собрали всех охотников, потому что все больше и больше всадников появлялось на поле. Каролин вздохнула и занялась приданием своей шляпке более или менее приемлемой формы. Джейсон спрыгнул с лошади и бросился к ней, отталкивая с дороги других.

— Что, черт возьми, с тобой произошло? — воскликнул он и грубо схватил ее за руку. — Где лошадь?

Каролин молча указала на то место, где стояла ее кобыла и мирно щипала траву.

— Боже милостивый, женщина! — взорвался Джейсон. — Ты что, не можешь удержаться на смирной лошади?

Каролин выдернула руку, гордость ее была уязвлена.

— Конечно, могу. Серая Леди чего-то испугалась и пустилась вскачь.

— Эта лошадь? Да никогда в жизни!

— Все же в этот раз поскакала. Седло подо мной начало скользить!

— Невозможно. В самом деле, Синтия...

— Но это так. Только посмотри на кобылу и увидишь сам.

Джейсон сжал зубы и повернулся, чтобы привести лошадь. Но Хью уже опередил его.

— Похоже, что она потеряла свое седло, — весело сказал он.

— Вот оно — на земле. — Леди Честер хлыстом указала на потерю.

— Будь я проклят, — выругался Джейсон исследуя седло. — Должно быть, плохо была застегнута подпруга. За это я спущу с конюха шкуру. Такая небрежность! т-Сегодня утром у них было много работы, — заметила Каролин, испуганная его горячностью. В конце концов, это был незначительный инцидент, она свалилась с лошади, но такое происходило с ней и раньше.

— Это не оправдание, — сказал он и перевернул седло. — В целом похоже, что седло в порядке.

Хью спешил и присоединился к ним.

— Ты прав. Может быть, язычок пряжки не был как следует заправлен или что-нибудь в этом роде.

— Наверное, все было в порядке, если бы лошадь не понесла, — предположила Каролин.

— Понесла? — Хью бросил на нее удивленный взгляд. — Серая Леди понесла? С ней ничего подобного никогда раньше не случалось, правда, Джейсон?

— Нет, и сейчас я сильно сомневаюсь в этом.

— Что? — не выдержала Каролин. — Я только что сказала вам...

Джейсон, не обращая на нее внимания, продолжал разговаривать с Хью:

— Я знаю, какая ужасная наездница Синтия. Наверное, лошадь пустилась в легкий галоп.

Хью рассмеялся:

— Ну, успокойся, Джейсон. Даже Синтия способна отличить легкий галоп от безудержной скачки. Правда?

— Совершенно определенно, — ответила Каролин. — Серая Леди понесла. Ее или что-то напугало, или причинило боль.

— Послушайте, — проговорил Гарри Беннингфилд, — мы займемся охотой или будем стоять здесь и чесать языками?

— Спокойно, мне нужно подумать. Мы еще наверстаем упущенное. — Джейсон повернулся к Каролин:

— Ты хочешь вернуться домой? Я уверен, что миссис Озборн составит тебе компанию.

— Да, конечно, — подала голос Сара. — Марк проводит нас, не так ли, дорогой?

— Нет, все в порядке, — поспешно вставила Каролин. — Это было всего-навсего падение. Я ничего не сломала, и Серая Леди тоже, похоже, в порядке. Я хотела бы остаться со всеми.

— Конечно.

Джейсон забросил седло на спину лошади и продел руки под ее животом, чтобы застегнуть подпругу. Перед глазами Каролин встала утренняя сцена, когда Джейсон нагнулся и проверил копыта. Несомненно, это была превосходная возможность, чтобы незаметно ослабить подпругу, слегка освободив из пряжки ремешок. Тогда при малейшем усилии со стороны кобылы седло утратит свою жесткость и повернется, сбросив седока...

Это выглядело весьма нелепо, потому что падение с лошади редко заканчивалось гибелью всадника. Если муж намеревался убить свою жену, то это был очень шаткий шанс осуществить задуманное, конечно, при условии, что жена не была ужасной наездницей, если она каталась верхом на самых спокойных кобылах. Когда Каролин почувствовала, что седло поехало, она знала, что нужно прыгать, причем умела это делать правильно. Но Синтия, насколько ей было известно, ударилась бы в панику и сильно расшиблась бы... или погибла бы.

Джейсон закончил возиться с седлом и повернулся к ней:

— Ну вот, все в порядке. Готова?

Когда он подставил ей сложенные руки, она заколебалась. На самом ли деле он был зол на конюхов за то, что они не закрепили седло должным образом? Или он просто играл роль обеспокоенного мужа, дабы никто не смог заподозрить его в попытке преднамеренного убийства жены? Голова Каролин пошла кругом, но она отбросила эти мысли и взобралась на лошадь, от волнения забыв, что ей полагалось быть неловкой.

Все наблюдавшие эту сцену уже ускакали, готовые присоединиться к охоте. Возле нее остались только Сара и Джейсон. Каролин, теряясь в догадках, ухватилась за поводья. В необъяснимом,

на ее взгляд, гнев Джайсона и внезапной, неудержимой скачке Серой Леди было что-то пугающее. С чего бы вдруг смирная лошаденка понеслась как пуля? Может быть, ее ударил осколок камня или ужалила пчела? Каролин захотелось спешиться и, осмотрев лошадь, выяснить, нет ли у нее укусов или порезов. Но это будет совсем не похоже на Синтию. Джайсон станет задавать вопросы и может заподозрить ее, чего она никак не могла допустить.

Джайсон наблюдал за ней. Она натянуто улыбнулась.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — поинтересовался он.

— О да, прекрасно. Боюсь, что моя юбка пострадала больше, чем я.

— Должен сказать, что ты довольно отважная.

Каролин похолодела, она снова допустила оплошность.

Синтия никогда не перенесла бы происшедшее с такой легкостью. Несомненно, она расплакалась бы и, воспользовавшись случаем, вернулась домой.

— Не отважная, а глупая. Мне стыдно, что я так нелепо свалилась с лошади, да еще на глазах у таких отличных седоков! Я чувствую себя последней идиоткой.

Каролин научилась по собственному желанию вызывать слезы, так как на сцене ей часто приходилось плакать. Правда, ей не всегда удавалось скопить их достаточно много, чтобы они катились по щекам, но по крайней мере она могла создать впечатление, что ее глаза наполнились слезами.

— Я испортила остальным все удовольствие, они разозлились на меня.

Она уже было хотела заставить свои губы задрожать, но потом решила, что это было бы слишком.

— Понимаю. Пострадала твоя гордость.

— Да, — правдиво ответила Каролин.

— Я почувствовал облегчение. Я думал, что ты опять начнешь придирааться ко мне.

— Как это на тебя похоже, шутить так. Почему бы тебе не присоединиться к остальным?

— И бросить мою бедную потрясенную жену одну?

— Миссис Озборн здесь. — Каролин кивнула в сторону Сары, которая ехала немного позади.

— Не слишком много от нее пользы, если твоя дикая лошадь опять понесет, и вряд ли она тебя успокоит, если ты поддашься истерике.

Каролин бросила на него свирепый взгляд:

— Ах, уезжай! Никто не будет винить тебя, и я бы, честно говоря, предпочла не быть в твоей компании.

Он издевательски кивнул головой:

— Что ж, раз ты выразилась столь изящно... Думаю, мне лучше присоединиться к остальным. Всего доброго, Синтия. Всего доброго, миссис Озборн.

Каролин наблюдала за ним, пока он не скрылся из виду. Потом она остановила лошадь.

— Устала, дорогая? — сочувственно спросила Сара. — Почему бы нам не вернуться назад?

— Нет, я в полном порядке. Я просто хочу на минутку спуститься на землю.

Она проворно спрыгнула с лошади и повела руками по ее гладкой шкуре, ища ушибы и порезы. Миссис Озборн с удивлением смотрела на нее.

— Синтия, что вы делаете?

— Мне показалось, что Серая Леди слегка хромает на одну ногу, — ответила та. Ничего! Казалось, все было в порядке. «Что ж, может быть, я чрезмерно подозрительна», — сказала она себе. Эта история с мышьяковым отравлением заставила ее повсюду видеть тени. Но тот план, что она себе нарисовала, казался слишком сложным, рискованным и обреченным на неудачу. Джейсон же был не тем человеком, который надеется, на неопределенный результат. Нет, это была случайность, и ничего больше.

Каролин сама села в седло, не обращая внимания на тревожные слова миссис Озборн.

— Сара, нам нужно найти в этой ограде калитку. Боюсь, что Серая Леди не слишком хороша для прыжков.

* * *

Каролин и Сара встретились с остальными участниками охоты, возвращавшимися после стрельбы. С ними вместе они вернулись в дом на традиционный охотничий завтрак. Не обращая внимания на свою запачканную амазонку, Каролин присоединилась к гостям в столовой, где на огромных буфетах в боевом порядке выстроились серебряные блюда. Тарелки с беконом, ветчиной и колбасками громоздились напротив огромного, прожаренного, с кровью, ростбифа и ароматного жареного гуся, фаршированного рисом. Чего тут только не было! Грибы, не менее десяти сортов сыра, яйца пашотт, огромные вазы с фруктами, всевозможный хлеб и разнообразные кондитерские изделия. Только настоящий гурман мог должным образом оценить трапезу. Каролин отведала каждого яства, стараясь по мере возможности избегать вопросов об охоте, которую она пропустила. Когда гости начали понемногу перебираться в гостиную, чтобы выпить бренди и поболтать, она потихоньку улизнула и поднялась к себе в комнату, чтобы надеть более презентабельное платье.

— Синтия, должна тебе сказать, что ты выглядишь свежо и нарядно, — заметила Флора, когда она спустилась вниз.

Каролин улыбнулась оживленной графине.

— Благодарю, мне пришлось пойти и переодеться. Боюсь, что моя юбка безнадежно испорчена. Признаюсь, что я воспользовалась возможностью и полежала немного с мокрым полотенцем на лбу.

— Тебе это было необходимо. Ты пережила ужасное падение. Надо сказать, что я очень гордилась тобой, когда ты вернулась и продолжила охоту. Я уж было подумала, что ты отправишься назад домой.

— Благодарю, — ответила Каролин, ее настроение заметно упало. Теперь она была уверена, что все заметили, как это было нехарактерно для Синтии отказаться вернуться в дом. Эта роль становилась ей не под силу...

Через комнату ей улыбнулся и кивнул Джейсон. Каролин заставила себя улыбнуться ему в ответ. Потом они вместе с Флорой разместились на диванчике, стоявшем между двумя окнами. Только из вежливости начали они вести светский разговор, но вскоре уже болтали, как лучшие подруги. Флора нравилась Каролин гораздо больше всех остальных гостей. Она была умна и смешлива, зачастую остра на язык, но ее колкости были доброжелательными и безвредными. Внезапно звук торопливых шагов заставил все головы повернуться в сторону. В двойные раскрытые двери вбежала Лорел.

— Мама! Мама! — закричала она. При виде такого количества незнакомых лиц ребенок ошеломленно остановился и обвел всех слегка испуганным взглядом.

— Я здесь, Лорел. — Каролин поднялась и направилась к девочке, чтобы обнять ее.

Лорел бросилась ей навстречу и обхватила ее руками за талию.

— Лорел, вернись! Лорел! — послышался в холле голос Бонни, потом и она сама просунулась в дверь. — О нет, миледи, прошу прощения.

Няня влетела в комнату.

— Она просто сбежала от меня. Я не представляла... Пооди сюда, Лорел!

— Нет. — Каролин погладила девочку по спине. — Все в порядке, Бонни. Пусть она немного побудет с нами. Не так уж много у нее развлечений.

В присутствии такого количества гостей Бонни не посмела опротестовать решение Каролин.

— Да, мэм. — Она едва заметно присела и поспешно удалилась.

— Почему бы тебе не подойти и не посидеть у меня на коленях? — спросила Каролин у девочки. — Здесь та красивая леди, на которую тебе, я знаю, хотелось бы посмотреть.

Каролин подвела ее к Флоре и снова села, устроив девочку у себя на коленях.

— Флора, это Лорел, это леди Флора. Посмотри, какая она красивая.

Лорел кивнула и протянула руку, чтобы потрогать кремовую кожу Флоры, которая, улыбнувшись, стала показывать ребенку простейшие фокусы на пальцах. Лорел наблюдала за ней с округлившимися глазами. Когда Флора закончила, девочка стала подпрыгивать вверх и вниз на коленях Каролин.

— Это значит, что она хочет продолжения, — объяснила Каролин. — Но будь осторожна, Флора. Раз ты начала, то не сможешь остановиться.

Гул голосов снова окружил их. Каролин почувствовала на себе взгляд Джейсона и повернулась к нему. Джейсон смотрел на нее из кружка мужчин, с которыми он разговаривал, когда она на него взглянула. Он нахмурился, несомненно, не одобряя присутствия дочери среди гостей. Какой это удар для его непомерной гордости, чтобы друзья видели его недоразвитого ребенка.

«Пусть думает, что хочет», — решила про себя Каролин. Она не желала скрывать Лорел,

словно та была досадной ошибкой.

Вскоре она извинилась и вместе с Лорел поднялась в детскую. Бонни снова бросилась ей навстречу с извинениями и оправданиями. Каролин подняла руку, чтобы остановить ее поток слов:

— Все в порядке, Бонни. Я думаю, что просто Лорел расстроена из-за того, что последние два дня мало меня видела. Никто не возражал против этого небольшого вторжения.

Каролин склонилась к ребенку.

— Мне нужно идти, милая. Оставайся с няней, а я обещаю, что до танцев снова приду навестить тебя.

Выпрямившись, Каролин обернулась к Бонни:

— Почему бы тебе сегодня не разрешить ей лечь в постель немного позже и немного посмотреть на танцы? Она могла бы взглянуть в зал через дверь для прислуги в холле. Ей было бы интересно увидеть нарядных людей и услышать музыку. Уверена, ей это очень понравится.

— Да, мэм.

— Я приду, как обычно, на чашечку какао и пирожные, а потом спущусь к гостям.

Краткие ответы Бонни могли означать только то, что та опять отталкивала Каролин. Ей трудно было понять недовольство женщины, так как если Синтия и вправду не обращала на девочку никакого внимания, то ее собственная озабоченность и внимание должны были, на ее взгляд, только приветствоваться. Тем не менее каждый раз, когда Каролин находилась рядом с Лорел, враждебность Бонни становилась явной и неприкрытой, а ее губы вытягивались в узкую полоску. В конце концов, Каролин вовсе не собиралась подрывать авторитет Бонни, она просто хотела дать свою любовь и привязанность бедному ребенку, который столько лет оставался без внимания.

— Еще одна тайна, — проговорила она тихо и вернулась к гостям.

После чая Каролин вымылась и переоделась для бала, которого, несмотря на многочисленные бедствия последних дней, ждала с таким нетерпением. Он должен был стать главным событием конца недели, особенно если учесть то, что танцевать она очень любила, но этот шанс ей давно не представлялся. Каролин разделась и погрузилась в горячую ванну, приготовленную для нес Присциллой. Блаженно лежала она в ней, смывая печаль своего падения. Когда вода остыла настолько, что оставаться в ней больше было нельзя, она быстро вымыла голову и вылезла из ванны. Она вытерлась огромным полотняным полотенцем и натянула панталоны, сорочку и чулки. Каролин, стоя на коленях перед камином, сушила волосы, расчесывая их. Вскоре от жара лицо ее порозовело. Она потянулась и снова уселась на корточки. В дверь резко постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел Джейсон.

Его взгляд застыл на ней. Каролин вздрогнула, широко открыв глаза и не в состоянии двигаться, она могла думать только о том, что почти раздета. Ее волосы золотисто-рыжим каскадом ниспадали на плечи и спину.

Джейсон проследил взглядом за разметавшимися по белой груди прядями и остановился на плавном изгибе, выступавшем над вырезом сорочки. Он сделал шаг вперед.

Она вскочила на ноги и схватила атласный халат, который лежал на кровати.

— Ты всегда вваливаешься в комнату, даже не спросив разрешения? — спросила она, подвязывая халат поясом.

— Я постучал, — напомнил он ей. Он стоял, заложив руки за спину и покачиваясь на каблуках.

— Но ты открыл дверь и вошел в комнату, не дожидаясь ответа.

— Прошу прощения. Я не знал, что в отношениях между мужем и женой следует соблюдать формальности.

Каролин слегка вздернула подбородок.

— Мы не совсем обычные муж и жена.

— Нет, не совсем. — Он помедлил и оглядел комнату.

— Хорошо, зачем ты пришел? Полагаю, у тебя была какая-то причина.

— Меня удивило сегодня твое поведение с Лорел. Каролин ничего не сказала, а только вскинула одну бровь.

— Мне показалось, что ты и в самом деле в восторге от нее, — добавил он.

— Она моя дочь.

— Брось, Синтия, давай не будем прикидываться, что все эти годы ты была любящей матерью. Раньше ты бы пришла в ужас, если бы Лорел так неожиданно вбежала в комнату, полную гостей, как сегодня.

Каролин нечего было сказать, опровергнуть его слова она не могла.

— Я удивился, услышав, что Лорел так чисто говорит, — продолжил Джейсон. — Раньше она не могла выговорить «мама», издавая только похожие звуки. Что случилось?

— Я работала с ней. — Глаза Каролин засветились от гордости. — Я думаю, что она способна гораздо на большее, чем большинство из нас думает. Я много с ней разговаривала, показывала, как надо двигать губами и языком, чтобы получились слова. Мы с ней учились одеваться, расчесывать волосы, держать ложку. И в самом деле она добилась больших успехов.

— Я видел это, когда зашел к ней перед ужином. Но я решил, что все это мое воображение. Трудно увидеть изменения, когда постоянно видишься с человеком, — заметил Джейсон.

— Ты часто навещаешь ее?

— Почти каждый день после обеда. Ты должна это знать.

— Я не знала точно, как часто ты видишься с ней. Я думала, что эти посещения напоминают тебе о том ударе, который получила твоя гордость.

— Каком ударе? — насторожился он.

— Что в семействе Сомервиллов такой ребенок.

— Она моя дочь, и я люблю ее, — сердито ответил он. — Как ты можешь думать, что я...

— Тебе не было стыдно, когда она ворвалась в комнату к твоим гостям?

— Нет! Я только был изумлен и ошарашен твоим отношением к ней.

Он стоял всего в нескольких дюймах от нее. Сердце Каролин бешено заколотилось, и она дрожащими пальцами сжала ворот халата. Она чувствовала тепло его тела, и ее захлестнули воспоминания о его поцелуях. Джейсон поднял руку к ее лицу и провел указательным пальцем по щеке. Казалось, что глаза застыли от боли и тоски.

— Не могу поверить, что ты изменилась на самом деле.

— Нет? Но ведь ты не мог поверить и в прогресс Лорел, правда?

Она вызывающе улыбнулась. Это был единственный способ объяснить свои ошибки — заставить его поверить в то, что пережитый Синтией опыт изменил ее.

Лицо его нахмурилось, а руки упали.

— Извини меня, но мне нужно одеться для танцев. Я вернусь к твоей комнате, так что спуститься мы сможем вместе, — проговорил он.

— Я буду готова.

Джейсон повернулся и вышел. Каролин села в небольшое кресло перед туалетным столиком. Как было ей ненавистно это притворство, эта сковывающая ее свободу и выматывающая ее нервы игра. Но теперь появилась Лорел, интересы которой ей приходилось учитывать. Каролин знала, что вряд ли сумеет ее оставить, кроме того, она считала себя в силах помочь ей, обучить ее. И Джейсон... но о нем лучше не думать. Теперь она не знала ни что ей делать, ни что ей думать, ни как ей быть.

Времени для размышлений у нее не оставалось. Ей пора было прекратить мучить себя и начать готовиться к балу Позвонив Присцилле, она подошла к шкафу. Бальный наряд из бледно-розового бархата, который она выбрала для вечера, тщательно отутюженный, уже был готов. Это было красивое платье, но слишком бледное, слишком утонченное и с большим количеством оборок и рюшей. Вздохнув, Каролин еще раз пересмотрела дюжину висящих перед ней платьев. Как только она увидела его, то поняла, что оно было непревзойденным: бальное платье из голубого шелка яркого насыщенного оттенка. Оно было гораздо проще всех остальных, только шлейф украшали ряды черного кружева. Каролин поняла, что именно в этом платье она будет выглядеть неотразимо. Она решительно извлекла его из тьмы шкафа и положила на кровать. Когда Каролин сообщила Присцилле о том, что изменила решение, то та, ни слова не говоря забрала новый наряд, чтобы привести в порядок и расправить все складки. В шкатулке с драгоценностями Синтии Каролин отыскала серебряную цепочку с подвеской из грушевидного сапфира, усыпанного вокруг мелкими бриллиантами. Здесь же она нашла подходящие сапфировые клипсы и тонкой работы браслет, тоже украшенный сапфирами и бриллиантами. Хотя в этом сезоне в моде были более простые украшения, Каролин знала, что этот гарнитур будет прекрасно сочетаться с платьем. Она надела клипсы, а кольцо с браслетом положила на туалетный столик.

Когда Присцилла вернулась с отглаженным платьем, она помогла Каролин одеться, причесала ее, оставив волосы тяжелой волной сбегать по спине. Хотя этот стиль был более сдержанным, чем обычный для нее его простота лишь подчеркнула утонченность ее лица и придала ее

красоте некоторую незащищенность. Присцилла в восторге захлопала в ладоши:

— Ах, миледи, вы так прекрасны, я еще никогда не видела, чтобы вы выглядели так элегантно. Вы как королева, правда.

Каролин сияла.

— Ну что ты, спасибо, Присцилла. — Она и в самом деле чувствовала себя ослепительной. Голубой цвет прекрасно гармонировал с цветом ее кожи и волос, на шее и в ушах сверкали сапфиры.

Каролин взяла черный кружевной веер и черные кружевные перчатки с открытыми пальцами. Радостное возбуждение охватило ее, когда она представила, какой восхищенный взгляд будет у Джейсона, когда он увидит ее. «Нет!» — почти выкрикнула она вслух, эти мысли были слишком опасны.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — крикнула она.

Вошел Джейсон и утомленным голосом начал говорить:

— Видишь, на этот раз я подождал, пока ты...

Он умолк и долгим взглядом уставился на Каролин. Теперь голос его звучал приглушенно:

— Как ты прекрасна. Я уже забыл, какой величественной ты можешь быть, какой удивительно соблазнительной.

Он подошел поближе и протянул руку, чтобы прикоснуться к поблескивающему на шее сапфиру.

— Ты надела бабушкин гарнитур из сапфиров. Я рад. — Его лицо смягчилось, а улыбка стала теплой и искренней.

Присцилла потихоньку выскользнула из комнаты, но они едва ли заметили ее уход, так же как раньше едва ли сознавали ее присутствие. Джейсон поставил перед Каролин маленькую коробочку, и она, удивленная, открыла ее. Внутри лежала орхидея бледно-сиреневого цвета, ее кремовая головка была испещрена полосами различных оттенков — от синего до пурпурного. Каролин прошептала:

— Как она красива!

— Я просил Джека привести ее вчера из Лондона. Здесь их невозможно достать. Я даже представлял себе, как великолепно она тебе подойдет.

Он прикрепил цветок к ее запястью, и кожа в месте его прикосновения ощутила мягкость и прохладу.

— Как она красива, — снова повторила Каролин и в восхищении притронулась к цветку. — Спасибо, Джейсон.

Когда она подняла на него свои нежные голубые глаза, у него даже перехватило дыхание.

— Синтия...

Мгновение ей казалось, что сейчас он поцелует ее, она даже слегка подалась вперед, но Джейсон внезапно выпрямился, и вид его снова стал отсутствующим.

— Мы... должны поторопиться, иначе не попадем в бальную залу раньше наших гостей, — сказал он.

Каролин попыталась подавить возникшие эмоции. Захватив веер, она сказала:

— Да, конечно. Я готова.

В одном конце бального зала была небольшая сцена для музыкантов, прямо перед которой находилось огромное пространство для танцев. Паркетный пол сверкал, стены были выкрашены в нежно-кремовый цвет и богато декорированы изящной лепкой. С потолка свешивалась большая хрустальная люстра. Газовые светильники на стенах отбрасывали мягкий свет. С одной стороны этой огромной комнаты находились три ниши с высокими и узкими окнами-фонарями, под которыми помещались скамеечки, занавески и подушечки были сделаны из красного плюша и смотрелись прекрасным ярким пятном в бледной отделке зала.

Каролин уже видела эту комнату во время своей тайной инспекции дома, тогда ее поразило великолепие помещения, но сейчас, освещенный люстрами и украшенный букетами цветов, бальный зал выглядел просто сногшибательно. Восемь пар, которые они пригласили на уик-энд, просто потерялись бы в нем, поэтому они разослали приглашения на бал всей окрестной знати. Здесь должны были быть Хью, Томас и Миллисент Нельсоны, вдова адмирала Паркера с целым выводком дочерей на выданье.

Вся нервозность, которую испытывала Каролин при встрече с новыми гостями, улетучилась, как только начались танцы. Каролин обожала их. Она была замечательной партнершей, и вскоре ее карточка была полностью заполнена. Джейсон записался на три вальса. Марк Симмонс подошел к ней в присутствии многих других гостей, и ей ничего не оставалось как вежливо обещать ему один из танцев, но она сделала так, чтобы это был какой-нибудь быстрый танец, а не более интимный вальс. Ее выбор раздосадовал его, но он не мог ей это высказать при всех. Позже, когда Марк вывел ее на танцевальную площадку, он с горечью прошептал:

— Как могла ты подсунуть мне этот танец? Я заслуживаю хотя бы один вальс.

— Мистер Симмонс...

— Черт побери, Синтия! Я не намерен это терпеть. Ты меня слышишь? Ты несколько месяцев водишь меня за нос. Я был готов для тебя на все. А теперь ты ведешь себя так, словно мы едва знакомы!

— Вы хотите сказать, что месяцами позволяли себя дурачить, — парировала Каролин. — Но при чем здесь я?

— Что случилось с тобой? — взмолился он. — Ты же любила меня!

— Боюсь, что ваше самомнение слишком высоко.

— Самомнение! Ты называешь это самомнением, после того как сама залезла в мою постель?

Сердце Каролин подскочило. Теперь она автоматически выполняла все сложные движения

танца, мысли ее были далеко. Его слова эхом отзывались в ее голове: «...сама залезла в мою постель...» Синтия с этим глуповатым мальчишкой была в любовной связи...

Даже если предположить, что все сказанное Марком ранее можно было бы приписать его юношеской привычке все преувеличивать, то от его последнего заявления деваться было просто некуда. С какой стати ему лгать об этом, когда он уверен, что говорит с Синтией, которая точно знала бы, что это не соответствует действительности? Значит, все, о чем он говорит, не плод его разгоряченного воображения и не преувеличение реакции Синтии на украденный им поцелуй, это было излишними разгоряченного, охваченного страстью любовника.

Каролин оправдывала измену Синтии с Деннисом Бингемом, считая это единственной возможностью быть с человеком, которого сестра любила, единственным способом избавиться от жестокого мужа, обижавшего ее. Но теперь она сомневалась в порядочности сестры вообще и гадала, были ли у нее и другие связи на стороне. Она вспомнила злобное замечание Джейсона о любовниках Синтии, но тогда она предпочла не обратить на него внимания. Но сейчас? Сейчас она была в растерянности и не знала, чему верить.

Из комментариев Джейсона и рассказов Бонни у нее создалось впечатление, что Синтия не любила секс как таковой. Насколько она понимала, виной ее неприязни была грубость и извращенность Джейсона. От этой неприязни ее сумел излечить Деннис Бингем. Но по всей вероятности, еще раньше терапию провел Марк Симмонс. Это казалось невозможным, но других объяснений она не находила.

Бонни говорила, что Деннис Бингем дал Синтии ту единственную любовь, в которой она так нуждалась, и избавил ее от извращенных приставаний мужа. Каролин приняла этот рассказ за истину, иначе она не могла вообразить себе, что могло заставить ее добродетельную сестрицу сбежать с другим мужчиной. Но теперь она стала сомневаться, насколько правдива была история, поведанная ей Бонни. Если у Синтии были любовные связи с другими мужчинами, то значит, не сексуальные оскорбления мужа заставили ее добродетельную сестру совершить супружескую измену.

Каролин видела Джейсона в гневе, но он ни разу не ударил ее, даже в разгар их самых яростных стычек. Похоже, что он достиг совершенства в контроле над собой. А той ночью, когда она пришла в его кабинет, его ласки и поцелуи были страстными, возбуждающими, но ни в коей мере не жестокими. «Господи! — подумала Каролин. — Лишь бы такое проявление любви не было патологическим». Может быть, Синтия ошибочно приняла страсть Джейсона за грубость. Конечно, его поцелуи были требовательными и жадными, но Каролин никогда не испытывала ничего более волнующего и неотразимого, чем его прикосновения.

Если Джейсон вовсе не то грубое животное, каким рисовала его Бонни... если Синтия изменяла ему... если Синтия сбежала от его страсти... нет, только не это, ей нельзя думать так, иначе она сойдет с ума. Теперь она была уверена только в одном: у ее сестры были романы, по крайней мере еще с двумя мужчинами. Это значит, что Каролин не так хорошо, как она думала, знала свою сестру. «А что, если ее характер, — размышляла Каролин, — имеет и другие черты, о которых я ничего не знаю?» В жизни Синтии могло оказаться много секретов. Оказывается, было столько всего, о чем она не знала; кроме Джейсона, могли быть еще враги, желавшие Синтии смерти. Возможно, что ее подозрения относительно Джейсона в конце концов окажутся необоснованными...

Как только танец закончился, Марк снова очутился рядом с ней, чтобы проводить на место. Каролин понимала, что, несмотря на то что было между ее сестрой и Марком раньше,

дальнейшим домогательствам Марка нужно положить конец. После быстрого танца он тяжело дышал, и, опередив его, она первой начала разговор:

— Мистер Симмонс, что бы ни связывало нас раньше, мы должны покончить с этим, давайте сделаем это прямо здесь и сейчас.

— Что? Дорогая, но как ты можешь? Почему ты так поступаешь со мной?

— Потому что я и так поставила себя в глупое положение, убежав от своего мужа.

— Люди шептались, но я отказывался в это поверить. Я думал, что ты любишь меня.

— Я не люблю тебя, — бесстрастно сказала Каролин и, чтобы остановить его протесты, подняла руку. — Нет. Что бы я ни говорила в прошлом, теперь все кончено. Все, что было раньше, не важно и не имеет значения. Пока я отсутствовала, я кое-чему научилась. Теперь для меня нет ничего более важного, чем мой муж и мой ребенок. Поверь мне. Мне жаль, что приходится быть такой жестокой. В конце концов ты и сам поймешь, что так лучше для нас обоих.

На взгляд Каролин это все прозвучало слишком благочестиво.

Ярость исказила черты Марка.

— Ты тщеславная, лживая сука! — выпалил он.

Ей был так противен этот мелодраматический резонер, она просто не могла понять, что привлекательного нашла в нем Синтия, Каролин вздохнула. Вкус сестры был весьма сомнительным.

— Пожалуйста, не устраивай мне сцен!

— Не устраивать сцен! Это все, что тебя волнует, не так ли? Сэм Фенниг предупреждал меня. Он говорил, что за этой ангельской внешностью скрывается сама бессердечность и беспринципность, — прорычал он, и в его глазах вспыхнул дикий огонь. — Ну погоди, моя прекрасная леди, погоди. Клянусь, ты об этом еще пожалеешь!

Горделивой походкой он покинул зал.

Внезапно кто-то взял ее за руку. Даже не глядя, она поняла, что это был Джейсон.

— Полагаю, дорогая, что следующий танец мой.

Его насмешливые зеленые глаза почти тепло смотрели на нее.

— О да, конечно, — ответила она.

Джейсон вывел ее на середину зала и заключил в объятия. Хотя его нельзя было назвать отличным танцором, он хорошо вел ее, твердо удерживая в своих руках. Каролин было легко танцевать с ним.

— Я не ослышался, что этот картонный Байрон угрожал тебе?

Приглушенным голосом прямо ему в ухо она прошептала:

— Я не знала, что ты был поблизости. Да, он действительно пригрозил мне. Но я не думаю, что это серьезно. Скорее, как ребенок, который говорит: «Ты еще пожалеешь». Ты же знаешь, как это бывает.

— Да, я знаю. Но на этот раз я сомневаюсь, что это прозвучало столь безобидно. Похоже, что мне придется с ним поговорить.

Каролин с беспокойством вскинула на него глаза. Он сумрачно улыбнулся:

— Не беспокойся. Я сомневаюсь в том, что он откроет мне нечто такое, о чем я не подозреваю. Насколько я понимаю, ты дала ему отставку.

— Да, что-то вроде этого.

— Он тебе больше не симпатичен? Только не говори мне, что устала от мальчишек и слабаков.

— Я не могла себе представить, что... — Каролин едва не произнесла имя своей сестры и прикусила губу. Она чувствовала, что может заплакать. Как ненавидела она эту насмешку в голосе Джейсона, как ей хотелось крикнуть, что она не Синтия, что она всегда была верна своему мужу, даже после его смерти, что до вчерашнего дня Марк Симмонс был ей вовсе не знаком и никогда ничего для нее не значил. В ее глазах заблестели слезы. Только этот мужчина, чьи руки сейчас обнимали ее и который был мужем Синтии, одно прикосновение которого приводило ее в трепет, существовал для нее сейчас. Она подняла на него взгляд, и что-то в ее лице заставило его сердце учащенно биться.

Джейсон увлек ее в одну из затемненных ниш.

— Помнишь, как ты посмотрела на меня тогда, — пробормотал он. — Ночами я лежал без сна и молил Бога, чтобы ты снова подарила мне этот взгляд.

— Я? Какой взгляд?

— Полуприкрытые веками, твои глаза были темно-синего цвета, губы слегка приоткрыты, — сказал Джейсон и провел пальцем по ее нижней губе. — У тебя был такой вид, словно больше всего на свете тебе хотелось, чтобы я тебя поцеловал.

Он привлек ее к себе и поцеловал долгим и жадным поцелуем. Каролин охватил трепет и неясное желание, подобного которому она раньше не испытывала. Губы его были ненасытными, как у голодного человека, пришедшего на пир и боящегося, что в самый последний момент пищу вырвут у него прямо из рук. Даже сквозь одежду чувствовала она силу его желания. Руки его продолжали обнимать ее все крепче и крепче. В ответ внутри ее распустился цветок горько-сладкой муки. Каролин впиалась пальцами в его плечо и, изогнувшись, поддалась его воле.

Этот жест заставил Джейсона слабо застонать, и она почувствовала его жаркие поцелуи на своей открытой шее.

— Ты хочешь меня? Скажи, что хочешь, — бормотал он.

— Да, хочу! — прошептала она, губы его, торжествующие и необузданные, снова встретились с ее губами.

— О, простите меня, — раздался за его спиной удивленный мужской голос, потом послышался

смешок. Джейсон отпустил Каролин и обернулся. У входа в нишу стоял, улыбаясь, лорд Честер. Лицо его от возбуждения и выпитого спиртного было розовым.

— Послушай, Браунтон, после стольких лет вы все еще ведете себя как новобрачные, — весело сказал он и удалился.

Глаза Джейсона были дикими и безумными, лицо искажено страстью. Он облизнул губы и медленно разжал стиснутые ладони.

— Боже, Синтия, как ты еще можешь властвовать надо мной. Должно быть, я безумец! — прошептал он и вышел из ниши в зал.

Каролин смотрела ему вслед. От охватившего ее порыва чувств она вся дрожала. Она была вынуждена признаться себе в том, что хотела его, жаждала почувствовать прикосновение его обнаженного тела. Она желала его с такой страстью, которой не испытывала никогда ни к одному мужчине. Но она уже решила, что не может обладать им, даже несмотря на то что Синтия не ценила его... Она обратила свой опустошенный взгляд в ночную тьму.

Глава 11

Кое-как провела она остаток вечера, через силу танцуя, улыбаясь гостям и болтая. Когда наконец все разошлись, Каролин смогла найти покой и уединение в своей комнате. Присцилла, крайне утомленная от дополнительной работы, доставшейся ей в последние дни, не особенно была расположена к разговору о бале. Она молча помогла хозяйке раздеться. После того как девушка оставила ее одну, Каролин легла в постель с единственным желанием побыстрее уснуть.

Но это никак не удавалось. Сцена с Джейсоном снова и снова проходила перед ее мысленным взором. Каролин тряхнула головой. Не имело значения, что Синтия отвергла его. Все равно это было скверно, ужасно скверно с ее стороны желать этого человека. «Все дело в том, — говорила она себе, — что любви к Джейсону Сомервиллу она не испытывала». Она не могла, но не потому, что он был так плох, как ей описывали. Каролин Джейсон казался жестким, но она могла понять это. И еще он был страстным и, безусловно, желанным...

Каролин прижала ладони к голове, словно хотела справиться с мыслями, что роились у нее в мозгу. Какое это могло иметь значение, кто прав, а кто виноват, или то, что Синтия и Джейсон совсем не подходили друг для друга? Факт оставался фактом — Джейсон был женат на Синтии, а значит, между ним и Каролин ничего не может быть. Кроме того, принимая ее за Синтию, Джейсон презирал Каролин. Как только могла она позволить мужчине оказывать ей столь интимные знаки любви, зная, что он питает к ней отвращение, даже лаская ее тело? Ведь с его стороны никакой любви не было, одно желание, да и то было предназначено ее сестре.

Все страшно перемешалось. Ей нужно было немедленно пойти к Джейсону и все ему рассказать, признаться в своем обмане и покинуть этот дом навсегда. Самое лучшее для нее было никогда больше не встречаться с Джейсоном Сомервиллом, потому что он слишком тревожил ее. Но при мысли, что ей придется оставить Лорел, которая доверяла ей и зависела от нее, ее сердце разрывалось на части. Ребенок — вот, что было самым важным. Ради Лорел ей следовало справиться с ситуацией. Она будет как можно дальше держаться от Джейсона, избегать любых проявлений интимности и научится держать свои мысли и чувства под контролем.

Раздался резкий звук. Каролин подскочила. Она посмотрела на дверь, ведущую в спальню Джейсона, звук доносился оттуда. Он хотел зайти к ней в комнату, но дверь оказалась заперта.

Каролин затаила дыхание, но стука в дверь не последовало, она уловила только едва слышный звук его удаляющихся шагов. Каролин выскользнула из постели и на цыпочках подошла к двери. Она приложила к ней ухо и прислушалась. Было слышно, как он ходит по комнате, как время от времени закрывает какой-то ящик, и едва уловимое звяканье стакана и бутылки. Шаги не прекращались. Каролин замерзла. Ночной воздух был свежим, и она понимала, что ей следовало бы вернуться в постель, но она не двигалась.

Джейсон снова приблизился к двери. Воцарилась тишина, а потом послышалось тихое ругательство. Шаги снова возобновились. Разрываемая облегчением и разочарованием, Каролин вернулась в постель и забралась под одеяло. Вскоре она немного успокоилась, но долго еще не могла уснуть.

Если следующим утром она чувствовала себя больной и разбитой, то по виду Джейсона нельзя было сказать, что он тоже провел бессонную ночь. Каролин знала, что каждая минута, проведенная без сна, темной тенью ляжет у нее под глазами. Она очень хотела вернуться назад в постель, но ей следовало провожать гостей, которые разъезжались в течение целого дня. Джейсон все это время был рядом с ней.

Когда настало время прощаться с Джеком и Флорой, та отвела Каролин в сторону.

— Не могу даже выразить тебе, какое удовольствие я получила от пребывания здесь, — начала она. — Это было, на мой взгляд, самое прекрасное время, когда-либо проведенное мною в Браунтон-Курт. Похоже, что ты и Джейсон достигли... приятного взаимопонимания. Впрочем, мне даже не стоит говорить об этом: не хочу показаться назойливой, просто позволь выразить тебе мои наилучшие пожелания.

— Спасибо, Флора. Я очень тронута твоим вниманием.

— И еще одно. Может быть, я сую нос не в свое дело, но я подумала, что это может показаться тебе интересным: в Лондоне я знаю одну женщину, которая очень много работала с детьми, подобными Лорел. Я познакомилась с ней на одном вечере, когда она собирала деньги для своей организации. Ее зовут Люси Карлайл. Я разговаривала с ней всего несколько минут, но она произвела на меня хорошее впечатление. Она прямо полна новыми идеями, тебе она должна быть интересна.

— О да! Я бы отдала все на свете, чтобы узнать, что мне делать с Лорел. Я могу действовать только наугад. Была бы очень признательна тебе, если бы ты дала мне ее адрес, чтобы я могла написать ей.

— Я не знаю ее адреса, но уверена, что сумею раздобыть его. Как только я сумею сделать это, то непременно тебе напишу.

— Спасибо. — Каролин с жаром пожала руку Флоры. — Ты замечательный друг.

— Спасибо, что ты так думаешь. Теперь прощай, дорогая. Приезжай с Джейсоном в Лондон, тогда бы мы как следует поболтали.

— С удовольствием.

— О чем это вы? — мягко поинтересовался Джейсон, когда гости вышли в открытую Барлоу дверь. — Вы с Флорой что-то планировали?

Каролин пожала плечами.

— Похоже, она приглашает нас в Лондон, но боюсь, что это маловероятно.

— Но, если исходить из прошлого опыта, я так не думаю.

— Она такой замечательный человек, — продолжала Каролин.

— Флора? — Его брови взметнулись вверх. — Мне казалось, что ты считаешь ее наглой и бесстыдной.

Каролин спокойно встретила его взгляд.

— Это не исключает того, что она может быть сердечной и доброй. Ведь так?

— Полагаю, что так.

— Она обещала прислать мне адрес женщины, которая занимается такими детьми, как Лорел. Это могло бы оказаться полезным.

Вместо ответа он сурово посмотрел на нее и отошел, чтобы проводить очередных гостей.

— Мистер Озборн. Мадам.

Озборны уезжали последними, и Каролин с облегчением вздохнула, когда Барлоу закрыл за ними дверь. Что ж, и эту неделю она пережила. Это было самое трудное испытание для нее в роли Синтии. И все же... такого унылого настроения за все время пребывания в Браунтон-Курт у нее никогда не было.

* * *

Следующие две недели были ужасно тоскливыми. Каролин, как и прежде, по несколько часов в день проводила с Лорел. Однажды она привела Лорел вниз в музыкальный салон и сыграла ей несколько пьес на фортепиано. Каролин никогда не была такой хорошей пианисткой, как Синтия, но она достаточно хорошо владела инструментом, чтобы подбирать простые мелодии. Девочка с восторгом слушала песни. Когда Каролин предложила ей самой попробовать, Лорел любовно потрогала костяные клавиши. Она сравнивала глубокую вибрацию низких нот и пронзительный звук высоких, ужасно радуясь этому контрасту. Потом, к изумлению Каролин, девочка подпрыгнула и начала маршировать по комнате, испытывая удовольствие от ритма, выбиваемого ее собственными ногами.

В углу комнаты стояла арфа, и Каролин пробежала пальцами по струнам. В то же мгновение Лорел оказалась рядом и протянула ручку, чтобы подергать за струны. Но к арфе она вскоре утратила интерес и опять принялась маршировать и хлопать в ладоши. Каролин смеялась и хлопала в ладоши вместе с Лорел. Вдруг в комнату ворвался Джейсон.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — закричал он, но, когда он увидел Лорел, лицо его смягчилось. — Здравствуй, милая.

Сердце Каролин пронзила острая боль, когда она услышала, что его добрые слова были адресованы только дочери. Скрыв обиду, она спокойно произнесла.

— У нас было введение в занятия музыкой.

— Вот как? — отозвался он, причем голос его оставался сухим. — А мне показалось, что это было введение в нарушение тишины и порядка.

— Глупости, — упрямо возразила Каролин. — Лорел, покажи папе, как ты умеешь хлопать в ладоши.

Лорел с радостью начала хлопать и маршировать. Потом подбежала к арфе и пианино, чтобы продемонстрировать свои новые открытия. Она источала такую радость, что Джейсон сам не мог не улыбнуться. Лорел потребовала:

— Мама, пой.

— Нет, крошка, не сейчас, — запротестовала Каролин. — Позже, когда мы вернемся в твою комнату.

Лорел надула губки.

— Мама, пой.

— Давай, — настойчиво попросил Джейсон. — Я тоже хотел бы послушать.

Каролин вздохнула:

— Ну хорошо. Я поняла, что Лорел так любит музыку только тогда, когда начала ей петь.

Каролин запела старую балладу, и Лорел, устроившись у нее на коленях, прислонилась головкой к ее плечу. Джейсон наблюдал за ней со странным выражением лица, и Каролин стало интересно узнать, о чем он в этот момент думает. Вид у него был довольно печальный, хотя причин для этого она не видела.

Когда Каролин закончила, он немного ей поаплодировал.

— Bravo! Вы обе доставили мне удовольствие, ну а сейчас мне пора вернуться к работе.

Он наклонился, чтобы запечатлеть на лбу Лорел поцелуй, и на минуту оказался так близко от Каролин, что она могла различить каждую ресничку на его веках. Как только он оторвался от Лорел, взгляд его упал на губы Каролин, и Каролин отчетливо вспомнила их прикосновения, она представила даже их вкус. Интересно, думал ли он о том же? Когда Джейсон поспешно покинул комнату, Каролин встала и поставила Лорел на пол.

— Я думаю, тебе пора вернуться к себе в комнату.

Несмотря на то что Каролин проводила с ребенком несколько часов в день, Лорел не могла заполнить все ее время, и она часто испытывала скуку. У нее почти не было обязанностей по дому, а Джейсон мало общался с ней. Они встречались за едой, проводили иногда вместе время после ужина. Но каждый его взгляд, каждое движение ярко свидетельствовало о том, что он не в силах избавиться от желания, которое разгорелось в нем в ту бальную ночь.

Зачастую за обедом, когда они вели ничего не значащую светскую беседу о погоде и домашних делах, его глаза вдруг замирали на ней, а палец начинал описывать круги по краю бокала с вином, повторяя их снова и снова, пока Каролин почти не впадала в транс. Тогда она начинала ощущать на своей коже прикосновения слегка шершавых пальцев, скользящих по ее телу, и она гадала, совпадали ли их ощущения, представлял ли он ее вместо прохлады стакана. Его глаза становились темными, линия рта смягчалась, и он менял положение. Между ними, как тонкая, мерцающая паутина, повисало сексуальное напряжение. В эти минуты Каролин мечтала прикоснуться к нему, вдохнуть его терпкий мужской запах, почувствовать на своем

лице его дыхание.

Каждое мгновение, проведенное с ним, заряжало Каролин новой энергией, но, когда его рядом не было, она чувствовала невыносимую скуку. Чтобы как-то заполнить день, она начала снова выезжать верхом. Как только могла, она спускалась в конюшню и садилась на смирную Серую Леди. Она обследовала окрестности, прилегающие к Браунтон-Курт, но старалась не заезжать слишком далеко, так как потеряться, а потом спрашивать кого-нибудь о дороге к собственному дому она не могла себе позволить. Руины старой крепости вызывали в ней суеверный страх, так что обычно она ездила в поля с посадками хмеля и в сады, росшие повсюду, куда бы она ни отправилась. Однажды она наткнулась на чудесный пруд удлинённой формы, сверкавший в лучах зимнего солнца. В его дальнем конце виднелись полуразрушенная деревянная постройка и водяное колесо. Берега заросли камышом, в котором гнездились лысухи и болотные курочки. Вдали виднелись стройные белые березки.

Здесь Каролин часто спускалась с лошади и сидела на большом плоском камне, задумчиво глядя на спокойные воды, то здесь, то там встревоженные всплеском играющей под водой рыбы или нырнувшим за добычей зимородком. Она вспомнила о том, что Марк Симмонс говорил о каком-то кузнечном пруде, и подумала, не этот ли пруд имел он в виду. Несомненно, тут когда-то была мельница, но постройка была слишком ветхой, чтобы отважиться на ее обследование. Лишь когда Присцилла заметила однажды, что ее прадед работал в кузнице, Каролин, сопоставив факты, сообразила:

— Ты говоришь о той, что на кузнечном пруду?

— Да, мэм, там. Они соорудили на пруду плотину так, чтобы вода могла двигать кузнечные меха и молот. Говорят, что когда-то это было впечатляющее зрелище. Правда, я сама никогда не видела. Все работы прекратились задолго до моего рождения. Но бабушка мне рассказывала, что это стоило видеть. Снаружи тихий пруд, а внутри раздувающиеся меха, пылающий в горниле огонь, словно ты оказался в преисподней.

— Что же случилось с кузней? Почему она вдруг прекратила работать?

Присцилла пожала плечами:

— Я не совсем хорошо это знаю, миледи. Мне кажется, что это все из-за угля. Вместо древесного угля, который они применяли раньше, вдруг стали использовать каменный. Кузни передвинулись дальше на север, где много месторождений каменного угля. В Уэлде везде можно увидеть заброшенные кузни и кузнечные пруды.

Каролин незачем было спрашивать, что такое Уэлд, потому что еще с детских уроков географии она знала, что Уэлд — это узкая плодородная полоска земли Кента, проходящая между северной и южной Меловыми низменностями.

— Как это грустно, — тихо произнесла она. — Ведь это очень красивое место.

В следующий раз, когда Каролин посетила пруд, она подошла к обвалившемуся порогу полуразрушенной постройки и заглянула внутрь. Там было тихо и пыльно, всюду валялись доски, сквозь дыры в крыше и стенах пробивались лучи солнца. Никаких следов горнилы или мехов не осталось. Возможно, их продали или потихоньку растащили на какие-то хозяйственные нужды. Она представила внушающую суеверный ужас картину вырывающегося из огромного очага пламени, которое освещало лица работающих в поте мужчин, разрывающий барабанные перепонки звук ударов молота о наковальню.

Каролин часто размышляла над тем, кто мог быть тот человек, который пытался ее отравить. Она уже хорошенько осмотрела комнату Синтии и не нашла ни писем, ни дневников, ни даже записной книжки с адресами. Она снова и снова обыскивала комнату, опустошая ящик за ящиком и шаря за ними в поисках какого-либо тайника или завалившегося листочка. Она осмотрела все деревянные украшения на мебели, даже пробовала открутить шары, которыми были увенчаны стойки, удерживающие балдахин. Напрасно, она так ничего и не обнаружила. Потом она направилась на чердак, чтобы обыскать сундуки там. Присцилла посмотрела на нее неодобрительно, но послушно проводила в сумрачное помещение и показала, в каких сундуках находятся вещи Синтии. Она без особого успеха перевернула их. Кроме сундуков со старыми вещами, на чердаке Каролин нашла старую мебель. Здесь были вещи в стиле тюдор и мебель, относящаяся к эпохе короля Якова. Ей показалось, что эта мебель значительно больше гармонирует с домом, чем нынешняя, более современная. Больше ничего для себя интересного она не обнаружила.

На следующий день, поднявшись в комнату Лорел, она отвела Бонни в сторону и спросила:

— Скажи, у Синтии был какой-нибудь сейф или запирающаяся шкатулка с драгоценностями? Какое-нибудь секретное место, известное тебе?

Бонни с удивлением посмотрела на нее:

— Что вы, мисс, ничего такого не припомню.

— Подумай хорошенько, — настаивала Каролин. — Это очень важно. Я ищу письмо, записку или дневник Синтии, которые могли бы дать мне ключ к разгадке.

— Ключ? О чем вы говорите?

— Бонни, кто-то пытался отравить меня. Я хорошо помню, что не принимала мышьяк сама. Но, поскольку все думают, что я Синтия, следовательно, этот кто-то покушался на жизнь Синтии. Тебе так не кажется?

— Но кому могла понадобиться смерть мисс Синтии? Это же какая-то бессмыслица.

— Нет, не бессмыслица! Возможно, Синтия и применяла мышьяк для хорошего цвета лица, я же никогда этого не делала. А недавно на охоте вдруг соскользнуло мое седло, а Серая Леди, самая смиренная лошадь на свете, вдруг ни с того ни с сего понесла. Ты же знаешь, что Синтия едва держится в седле. И, если бы на лошади сидела она, то серьезно пострадала бы или даже погибла.

Бонни нахмурилась:

— Я поняла, к чему вы клоните, мисс Каро, разве это не могло быть несчастным случаем?

— Лошадь могла, но только не добавление в мою еду мышьяка изо дня в день.

— Я видела, как за день до побега мисс Синди бросила в огонь пачку писем. Я думаю, что она сожгла все личные бумаги, чтобы его светлость не мог их отыскать. Каролин вздохнула:

— Ты никогда не слышала, чтобы Синтия говорила о ком-нибудь, у кого была причина не любить ее? У кого мог быть на нее зуб?

— На мисс Синтию? Не похоже. Скорее, все любили ее... кроме него. Если вы ищете убийцу, то

это мог быть только его светлость. Он был бы рад избавиться от нее, но только так, чтобы его имя не было запятнано. Кроме того, он тот человек, который ни перед чем не остановится, чтобы добиться желаемого, — глубокомысленно заключила Бонни и встряхнула головой. — Вот какой он.

— Признаться, я думала на него. — Каролин отвела от Бонни взгляд. — Но теперь я считаю, что это не так. Это не похоже на него.

— Что? Не похоже на него? — закричала Бонни. — Этот человек способен на все! Я уже говорила вам, как он обращался с вашей сестрой, с какой грубостью и жестокостью.

— Но, видишь ли, я выяснила, что это не совсем соответствует действительности, — выпалила Каролин. — Я думаю, что Синтия кое-что скрывала от тебя.

— О чем это вы говорите? Что ваша родная сестра была лгуньей? — Она внезапно схватила Каролин за плечи, ее глаза сузились и стали злыми. — Вы наслушались лживых слов этого дьявола! Неужели вы можете отвернуться от своей сестры-двойняшки?

— Нет, Бонни, конечно, нет! — Каролин убрала ее руки. — Это не имеет отношения к тому, что говорил мне Джейсон. И я вовсе не отворачивалась от Синтии. Но во время пребывания у нас гостей меня постоянно преследовал Марк Симмонс, причем он вел себя так, словно мы были любовниками. Сначала я, конечно, не верила его намекам, но в конце концов он мне прямо сказал, что он и Синтия были в интимной связи.

Краска сошла с лица Бонни. Она отступила назад и тяжело опустилась в кресло-качалку.

— Нет, — пробормотала она, — я не верю этому.

— Но с какой стати ему врать? Он думал, что разговаривает с Синтией, которая является единственным человеком, знавшим, говорит он правду или нет. Лгать ей было бессмысленно.

Бонни заморгала.

— Это, должно быть, какое-то недоразумение. Она любила только мистера Бингема. Синтия никогда не могла бы...

Каролин упала на колени рядом с креслом старой женщины.

— Я не знаю, что делала Синтия и почему. Я знаю только, что она была совсем не такой, какой казалась, во всяком случае в одном аспекте жизни. Как и ты, я была уверена, что не может быть никого, кто был бы настроен против нее, кто мог бы желать ей зла. Но теперь такой уверенности у меня нет. А что, если у Марка Симмонса ревнивая невеста? Или Деннис Бингем ради нее бросил кого-то? А что, если, кроме Марка Симмонса, у нее был и другой любовник, который пришел в убийственную ярость, когда она сбежала с Бингемом?

— Нет! Вы превращаете свою сестру в настоящую шлюху. Но это не правда. Я не потерплю этого! Я не стану этого слушать! — Бонни метнула в нее злобный взгляд. — Вы всегда завидовали мисс Синди, всегда. Потому что она всегда была такой милой и прелестной, потому что ее все любили.

— Как ты можешь говорить такое? Это безумие! Это не правда! Да, многие любили Синтию, но я никогда не завидовала ей. Я тоже любила ее! Я всегда оберегала и защищала ее, помогала ей. Ты же это прекрасно знаешь.

— Я знаю, что вы всегда старались полностью завладеть вниманием сэра Невилла, всегда отодвигали маленькую Синтию на задний план.

— Чушь! Иногда казалось, что наш отец в самом деле отдавал предпочтение мне. У нас был общий интерес к лошадям, который не разделяла Синтия. Его злили стеснительность Синтии, страх перед животными. Из-за этого Синтия зачастую чувствовала, что отец не любит ее так, как меня. Но мне всегда казалось, что это не так. Когда мы повзрослели, он переменялся и хотел, чтобы я стала больше похожа на Синтию. Синтия всегда предпочитала уединение, я же любила быть на виду. Мне нравилось выезжать с отцом верхом, ей — нет. Все было не так просто, как кажется.

Бонни вздохнула, и Каролин вдруг внезапно осознала, какой она стала старенькой.

— Прошу прощения, мисс. Мне не следовало говорить всего этого, но я не могу поверить, что моя детка совершила что-то плохое.

— Я разве говорю, что Синтия сделала что-то плохое? Несомненно, у ее поступков существовали какие-то причины. Я не стала бы обсуждать с тобой это, если бы не считала, что это крайне необходимо. Ты должна понять, что мне срочно нужно все разузнать о прошлом Синтии. Наверное, существует какой-то человек, который теперь пытается убить ее, а точнее, меня.

— Сэр Невилл отвернулся от нее, так же как и от вас.

— Но отец, несмотря на свое раздражение, никогда бы не причинил ей вреда.

— Конечно, нет.

— Кто были ее друзья?

— Здесь бывали немногие, если не считать друзей его светлости. Иногда они ездили в Лондон, и я подозреваю, что у нее были друзья там. Но меня они с собой никогда не брали. Мы с Лорел оставались здесь. Синтия была очень близка с вашей кузиной Беллой, они часто переписывались. Она получила от нее письмо за неделю или две до отъезда. Еще, как мне кажется, ей писала миссис Уиллингем. Когда она рассказывала мне о своем пребывании в Лондоне, то иногда упоминала леди по имени Мелисса. Хотя она и миссис Уиллингем могли быть одним и тем же лицом, я не знаю точно.

— Она никогда не говорила о ком-нибудь, кто был резок с ней или не любил ее?

Бонни нахмурилась.

— Однажды она обмолвилась, что мисс Нельсон чувствовала к ней сильную неприязнь. Она сказала, что мисс Нельсон с симпатией относилась к его светлости, та ревновала ее к нему. Она даже хихикала по этому поводу, это было так глупо. Трудно представить, чтобы кто-нибудь мог ревновать к лорду Браутону, когда они так ненавидели друг друга.

— Да, я уже подумала о Миллисент Нельсон. Она своей неприязни к Синтии даже не скрывает. Это она принесла мне еду, когда я заболела. Но она не участвовала в охоте. Кроме того, она не могла приходить сюда каждый день, чтобы подмешивать яд в мою пищу.

— Никто, кроме его светлости и слуг, не был здесь все это время, — уточнила Бонни. — Если бы кто-то из слуг имел что-то против миледи, то я бы знала. Вам не кажется, что это мог быть

только его светлость?

— Кто-то мог подкупить одного из слуг, чтобы он мог добавлять в пищу яд. В конце концов, мышьяк подсыпать в сахар или соль, которые подают мне на стол.

— Ну, теперь вы говорите не подумав, как можно подсыпать яд в сахар или соль, не отравив при этом всех остальных членов семьи? А подкупив кого-то, так легко попасться. Нет, это мог сделать только его светлость. А вы изо всех сил стараетесь не замечать этого. Почему? Только не говорите мне, что влюбились в это чудовище.

— Конечно, нет! Просто это на него не похоже. Это для него слишком подло. Он всегда прям и открыт в своем гневе.

— Вы обманываете себя, мисс, вы же первая и пострадаете от этого. Он, если захочет, может быть очаровательным. Богу известно, как обманулась в нем мисс Синтия, даже согласилась выйти за него замуж. Но она горько пожалела об этом, и вы пожалеете, если позволите ему сладкими словами и поцелуями взять над собой верх.

Каролин взглянула на женщину, испуганная ее осведомленностью, но потом поняла, что сама выдала себя. Бонни сурово посмотрела на нее.

— Я сказала, что думаю. Но я не могу вас остановить. Я уже давно это поняла. С детских лет чувства в вас преобладали над разумом. Вы всегда рветесь вперед, не думая о последствиях. Но на сей раз это смерти подобно.

Каролин очень обрадовалась, когда спустя две недели после охоты она получила письмо от Флоры. В письме та тепло благодарила за приятно проведенный уик-энд и давала адрес Люси Карлайл, сопроводив его еще большей похвалой женщине за ее успехи в работе с неполноценными детьми. Каролин немедленно отправила Флоре записку с благодарностью за заботу и начала писать письмо Люси Карлайл. У нее ушло довольно много времени, чтобы дать обстоятельную картину состояния Лорел и ее проблем. Когда она наконец закончила, то сложила и запечатала в конверт. Потом она спустилась в кабинет и попросила Джейсона отправить письмо.

Когда она зашла к нему, он с удивлением посмотрел на нее, но обещал все сделать.

— Кто эта женщина, Карлайл? — спросил он, взглянув на адрес.

— Педагог из Лондона, которую знает Флора. Помнишь, я говорила тебе, что Флора обещала прислать ее адрес.

— Ах да. Она занимается с детьми, подобными Лорел.

— Да.

Каролин заколебалась, ощутив едва уловимое напряжение, которое всегда у нее возникало в присутствии Джейсона. Ей очень хотелось задержаться, но она боялась. Он так странно действовал на ее чувства, на ее разум.

— Спасибо, мне нужно идти, — едва проговорила она.

— Синтия, подожди. — Джейсон за ее спиной поднялся. Каролин повернулась к нему, и у нее застучало в висках. Джейсон положил руки на стол и оперся на кончики пальцев. Его взгляд

оставался строгим и холодным. — Завтра утром я уезжаю.

— Понимаю.

— Мне нужно съездить в Дувр. Я вернусь на следующий день.

— Очень хорошо. Я распорядюсь, чтобы миссис Морли не ждала тебя завтра к обеду.

— Благодарю. До свидания, Синтия.

Каролин поспешно вышла из кабинета. Удивительно, но то, что он принимал ее за сестру, задевало ее. Ей очень хотелось, чтобы он знал ее как Каролин, чтобы желал ее как Каролин. Уже несколько раз на протяжении последних недель собиралась она пойти к Джейсону и признаться в том, что сделала, но не смогла себя заставить. Она боялась, что Джейсон придет в ярость и тогда ей придется уехать.

Она провела остаток дня, пытаясь разобраться в своих мыслях и чувствах. Только быстрая скачка на хорошей лошади могла помочь ей разорвать паутину, опутавшую ее разум. Но заставить Серую Леди перейти на галоп не представлялось возможным. Ей не составило труда объяснить Джейсону свои ежедневные поездки на Серой Леди, но вряд ли она нашла бы способ, чтобы оправдать дикую скачку Синтии в полях на резвом скакуне.

Когда на следующее утро Каролин проснулась, Джейсон уже уехал. Об этом сообщила ей Присцилла, когда принесла в спальню завтрак. Каролин едва попробовала свежую булочку, намазанную прекрасным маслом. Все ее мысли были направлены на Джейсона. Было очень галантно с его стороны не беспокоить ее утром, но она бы предпочла, чтобы перед отъездом он захотел увидеться с ней. Ее все еще терзали вчерашние мысли, и она решила помериться силами с резвой лошадкой. Ей хотелось показать свою силу и мастерство, насладиться прогулкой верхом. Снова побыть самой собой... хотя бы час или два. Джейсона не было, значит, он не застанет ее врасплох.

Охваченная волнением, она быстро надела свою амазонку.

— Просто перевяжи мне волосы лентой, — скомандовала она Присцилле. — Нет нужды приводить их в порядок, пока я не накатаюсь.

Она сунула ноги в мягкие сапожки и надела протянутый Присциллой жакет. Отослав служанку, она сама застегнула крупные пуговицы. Булавкой закрепила ярко-голубую шляпку. Схватив тонкие кожаные перчатки для верховой езды и хлыст, она быстро вышла из комнаты.

Позавтракать Можно и позже, решила Каролин, вдохнув манящий запах свежего хлеба, когда проходила мимо кухни. Действовать нужно прямо сейчас, пока храбрость или глупость не покинули ее.

Конюх изумленно посмотрел на нее, когда она ворвалась в конюшню.

— Ах, миледи, прошу меня простить. Вы что, хотите догнать его светлость? Но он уехал час назад.

— Я знаю, просто хочу покататься верхом. — Парень склонил голову и направился к Серой Леди. — Нет. Сегодня мне нужна Фелиция.

— Фелиция! — судорожно выдохнул парень. — О нет, миледи, вы, наверное, ошибаетесь.

— Я не ошибаюсь, — твердо ответила Каролин. — Фелиция ведь моя лошадь, не так ли?

— Да, миледи. Я немедленно оседлаю ее, — согласился он.

Думая о том, что она, наверное, сошла с ума, он занялся делом. Надел на лошадь уздечку и седло. Когда лошадь вывели из стойла, Каролин погладила ее морду, успокаивающе поговорила с ней. Она пожалела, что не захватила на кухне яблоко или морковку, что, безусловно, расположило бы животное к ней, вызвало его доверие. Помощник конюха подвел лошадь к специальной подставке, и Каролин со знанием дела уселась в седло. Лошадь безусловно была отменной, но более нервной, чем та, на которой ей приходилось ездить. Поэтому Каролин не хотела пугать ее, тяжело плюхаясь в седло или неумело хватаясь за гриву.

Она взяла у помощника конюха поводья, проверила удила и слегка пришпорила лошадь. Не привыкшая к ней, Фелиция затрясла головой и зафыркала, потом рысью вышла со двора. Желая получше узнать лошадь и дать ей возможность привыкнуть к седоку, Каролин не торопила ее. Кобыла казалась резвой и нетерпеливой, но была послушной и неноровистой. Какая замечательная лошадь!

Каролин повернула ее в направлении кузнечного пруда. Она миновала поля хмеля, по краю которых росли ряды каштанов, потом яблоневые сады. Их ветки, теперь свободные от листьев и плодов, образовывали над ее головой некое подобие кружевного полога. Она въехала в небольшую сосновую рощу. Серая белка стремглав перебежала тропинку и взлетела на ствол дерева. Фелиция фыркнула, но внезапное движение не испугало ее, что еще раз подтвердило предположение Каролин, что лошадь была разумной и спокойной.

Сразу за соснами раскинулся большой запущенный луг. Фелиция галопом помчалась по голой земле. Этот бег сильно отличался от той неуправляемой скачки, в которую в день охоты ударились Серая Леди. Это был нормальный бег здоровой лошади, послушной своему седоку. Каролин была в восторге от превосходного хода лошади. Она смеялась. Ветер дул ей в лицо, растрепал волосы, сорвал с головы шляпку.

Наслаждаясь удивительным чувством обретенной свободы, Каролин не сразу услышала звук копыт другой лошади, отбивающей такт за ее спиной и неумолимо настигающей ее.

Она натянула поводья, и Фелиция послушно замедлила ход. Краем глаза она заметила Джейсона верхом на своем лоснящемся жеребце. Он поравнялся с ней. Выбрав подходящий момент, он протянул руку, чтобы схватить уздечку ее лошади, но Каролин сама натянула поводья. Джейсон внезапно свернул, и Каролин была вынуждена резко остановиться.

Джейсон неожиданным рывком поводьев направил своего белого жеребца прямо к ней. Каролин соскользнула с седла на землю и встала прямо перед ним, оперев руки в бока.

— Что ты себе думаешь, хватаясь так за узду моей лошади! Это напугало ее, и она могла сбросить меня.

— Я пытался остановить ее, пока не случилось ничего страшного, — гневно бросил он в ответ. Лицо его потемнело.

— Я и не думала падать! — запротестовала Каролин. — Я пустила Фелицию в галоп и, должна тебе сказать, наслаждалась скачкой, пока ты не вмешался.

От дикой скачки волосы у Каролин распустились и теперь огненным потоком струились по спине и плечам. Она отбросила их назад и сердито смотрела на Джейсона. Глаза ее сверкали.

Она выглядела дикой и неукротимой и была вызовом настоящему мужчине.

Джейсон заговорил изменившимся голосом:

— Я думал, что она понесла. Мой Бог, до этого Серая Леди, теперь Фелиция. Откуда мне знать, что ты справишься?

— Серую Леди что-то напугало, а Фелицию я сама послала в галоп. Чувствуешь разницу?

— Все же, что ты здесь делаешь, да еще на этой лошади? — Теперь он говорил более нежно, ласково глядя ей в глаза.

Не придавая его взгляду значения, Каролин ответила вопросом на вопрос:

— Ты мне ее подарил разве не для того, чтобы ездить верхом?

— Да, конечно, но ты даже близко к ней никогда не подходила. Она пугала тебя.

Каролин пожала плечами:

— Я уже много недель выезжаю на Серой Леди. Я решила преодолеть свой страх перед лошадьми. Для взрослой женщины это несколько глупо, не правда ли? После того ужаса, что я пережила на охоте, я решила, что если бы я лучше держалась в седле, то не упала бы. Еще я поняла, что любая кобыла, пусть даже самая спокойная, может понести. Значит, в полной безопасности я никогда не была.

Каролин очень хотела быть последовательной и логичной, сочиняя это правдоподобное объяснение.

— Значит, ты тренировалась в верховой езде, чтобы преодолеть свои страхи?

— Да, я вспомнила все, чему когда-то учил меня отец. Я снова и снова осваивала это, пока не поняла, что кое-чего достигла, тогда и решила сесть на Фелицию.

— Именно по этой причине ты выезжала верхом каждый день? — Голос его звучал мягко, почти задумчиво.

Прежде чем он смог бы поразмыслить над ее объяснениями, Каролин перевела разговор на другую тему. Она повернулась к нему и сердито спросила:

— А что ты здесь делаешь? Ты же утром уехал в Дувр. Джейсон виновато отвел взгляд. Каролин уже не сдерживала своего гнева:

— Ты солгал мне! Ты даже не собирался в Дувр!

Ты, ты шпионил за мной!

Он сердито посмотрел на нее:

— Да, шпионил. Я хотел знать, с кем ты встречаешься, уезжая каждый день из дома.

— Ты думал, что у меня есть любовник?

Каролин исходила яростью, она чувствовала себя обманутой и обиженной. Она не могла

думать, что Синтия дала Джейсону более чем достаточно поводов, чтобы подозревать ее. Его недоверие отозвалось в ней глубокой болью.

— Как ты посмел?

— Не разыгрывай добродетельную жену, которую муж не правильно понял! — вырвалось у Джейсона. — Что, по-твоему, должен был я думать, когда ты ни с того ни с сего прирастраслилась к верховой езде? Ты! Какой фарс! После той сцены, что ты разыграла для меня с Марком Симмонсом, я стал сомневаться, не была ли она поставлена для меня. Я хотел знать, сохранила ли ты его как любовника или бросила ради другого. Очень уж не похоже для тебя надолго оставаться без мужчины.

— О Боже! Как же я презираю тебя!

Побелев от гнева, она замахнулась на него хлыстом. Этого было достаточно, чтобы спровоцировать его. Он с такой силой схватил ее за плечи, что она вскрикнула.

— Будь ты проклята! Как можно быть такой прелестной и такой бессердечной? Почему только я не могу... — Переполняемый чувством гнева и страсти он осекся. Руки его погрузились в шелковистую массу ее волос. Его губы с жадностью прильнули к ее губам.

Глава 12

Он поцеловал ее со всею яростью необузданного желания. Каролин, застонав, прижалась к его губам и обняла руками его шею. Их накалившиеся до предела эмоции опрокинули все преграды, Джейсон, казалось, совсем потерял рассудок. Теперь его так долго сдерживаемое желание стало ненасытным, он никак не мог насладиться вкусом ее губ, таким нежным и радостным ощущением близости ее прекрасной, бархатистой кожи, счастьем обладания этим чудом...

Мысли для Каролин утратили всякое значение, остались только мерцающие всполохи удовольствия. Она двигалась с ним в старом, как мир, танце, тело ее погрузилось в незнакомое ей донныне царство чувственности. Она запустила пальцы в его волосы и растворилась в поцелуе. Его язык проник ей в рот, и ее сознание поплыло в головокружительном вихре.

Руки Джейсона уже оставили ее волосы и теперь спустились ниже, словно бы обжигая ее, и наконец стиснули в могучем объятии, заставляя слиться двух брошенных во тьме бытия одиночек в единое, кричащее от восторга и радости существо. Путь его рукам преградил высокий воротник ее жакета. Джейсон нетерпеливо расстегнул верхнюю пуговицу, и перед его взглядом открылась гладкая ложбинка на ее шее.

Он позволил жакету соскользнуть на землю и с едва сдерживаемым неистовством начал расстегивать блузку. Дойдя до середины, он оторвал одну маленькую плоскую пуговичку, потом вытащил полы блузки из юбки и, полный страстного желания, резким движением снял ее. Ослепительно белая сорочка, изысканно стянутая по верху розовой лентой, слегка приоткрыла возвышающуюся под шелковой тканью грудь.

Джейсон потянул за розовую ленточку, она развязалась, выскакивая из петелек, и сорочка поползла вниз, застыв на коричневых сосках. Указательным пальцем он еще на дюйм приспустил рубашку и начал медленно водить им по нежной коже вокруг набухшего потемневшего соска, нежно пощипывая его. Каролин застонала от наслаждения.

Джейсон улыбнулся и еще ниже опустил руку, снова потянув сорочку, и совершенно обнажил

ее груди. На секунду он застыл от восторга, любуясь прекрасной картиной, открывшейся его взору, а затем его руки начали медленную игру, заставившую их обоих затрепетать от восторга понимания.

— Ты так прекрасна, — прошептал он, целуя вздрагивающую поверхность одной из грудей. — Само совершенство.

Со стоном он поднял ее и спрятал лицо в ложбинку между ее грудями. Он отнес ее под прикрытие близлежащего дуба, сорвал с себя куртку и постелил на земле. Потом он потянул на себя Каролин, увлекая ее вниз. Она легла на его куртку, и его глаза никак не могли насытиться этим зрелищем. Наконец, когда желание стало таким сильным, что медлить дальше было нельзя, он пропустил руки под ее спину, и она призывно выгнулась ему навстречу и застыла. С глубоким вздохом удовлетворения Джейсон поймал ртом ее сосок.

Он нежно ласкал его, катая во рту, словно изысканную восточную сладость, потом твердым и дразнящим кончиком языка начал щекотать, вылизывать всю ее грудь, доведя Каролин до состояния исступления. Она извивалась под искусной лаской его языка, внезапно открыв для себя сотню новых пугающих ощущений. Ей никогда не мечталось о таком волшебном удовольствии, о такой утонченной муке. Она почувствовала, как грудь ее набухает и отзывается на каждое новое прикосновение сладкой болью, как ее лоно становится горячим и влажным, охватывающим, как наполняется все более и более бьющим через край желанием.

Ей хотелось прикоснуться к нему, ощутить гладкость его кожи. Каролин стала ласкать его грудь и руки, расстегнув рубашку, она запустила руки под нее и издала легкий вздох удовлетворения. Пока ее руки блуждали по его телу, он поднял голову и не спускал с нее глаз. Лицо ее выражало порыв страсти женщины, поддавшейся удовольствию. Он жадно вбирал в себя этот образ, железным усилием воли заставляя разум бороться с желанием, упрямо разгоравшимся в нем, которое грозило, ломая все границы, прорваться наружу и достигнуть высшей точки до того, как он получит полное удовольствие от их любви.

Руки Каролин скользили по его телу, пальцы ее нежно разбирали колючие кудрявые волоски на его груди. Она нащупала твердые соски его сильной мужской груди и стала водить по ним указательными пальцами. Потом ее руки устремились к его мощной спине. Пальцы Каролин снова прошли по его груди, достигли пупка и углубились в него. Джейсон издал приглушенный стон и стиснул зубы.

Не в силах больше сдерживаться, он провел руками по ее ногам вверх. Только тонкая хлопковая ткань панталон отделяла его пальцы от ее кожи, он мог чувствовать пульсирующее тепло ее плоти. Передняя часть юбки сбилась в складки и поднялась до талии, а нижняя лежала у нее под спиной, как театральный задник, обрамляя прелесть ее совершенных ног. Джейсон продолжал ласкать ее сквозь ткань панталон, стянув с нее сапожки. Потом, сняв кружевные подвязки, спустил вниз черные чулки. Наконец он достиг верха и, ослабив шнурки панталон, снял их.

Глаза Джейсона зажглись, когда он увидел ее наготу. Начав с лодыжек, он медленно скользил руками по ее икрам, коленям, бедрам. Он трогал ее повсюду, кроме одного места — пульсирующего центра ее желания. Каролин мучилась от ожидания и даже изогнулась, чтобы перехватить его руку, но он опять миновал ее. Наконец, рука Джейсона слегка задела треугольник ее пламенных волос, и его пальцы скользнули внутрь, где было тепло и влажно. Каролин вскрикнула, а он, прижав к теплomu холмику ладонь, начал дразнящий танец соблазнения.

— Да, Джейсон, — выдохнула она, — прошу тебя, да...

Джейсон одним движением сорвал с себя штаны. Он приподнял ее, уже готовую принять его, и, наполнив всю ее собой, овладел ею. Она издала стон удовлетворения. Он начал ритмично двигаться, тело ее было послушно ему, отвечая на каждое его движение, желание нарастало по спирали.

В агонии наслаждения и беспамятства Каролин отдавалась чувствам, которые раньше никогда не испытывала. В мире для нее ничего больше не существовало: ни времени, ни места, ни мыслей. Было только одно мгновение и этот мужчина. В лоне ее распуссалось нечто, источающее пламя разливающегося пожара. Она купалась в чувственных наслаждениях, но транс желания все еще не отпускал ее. Вдруг Джейсон вскрикнул, лицо его исказилось, и он сделал еще одно неистовое движение. Она ощутила внутри себя взрыв, который посылал волны жара по всему телу и превращал все внутри в расплавленный воск. В диком исступлении Каролин застонала и засмеялась одновременно.

Джейсон скатился с нее. Грудь его блестела от пота. Каролин опустила руку ему под рубашку и обняла его. От пережитого она была так слаба, что едва могла двигаться. Его дыхание стало приходить в норму.

— Черт! — прошептал он и прикрыл лицо руками.

Каролин, когда его тело перестало служить защитой, от прикосновения холодного ветра почувствовала озноб и зашевелилась. Вдруг теплое сияние внутри ее поблекло. Джейсон со своими ругательствами не походил на человека, испытавшего только что любовный экстаз. Он, качаясь, поднялся на ноги, натянул штаны и рубашку.

— Боже, — взорвался он и провел руками по волосам, — теперь ты будешь думать, что проучила меня. Тебе нравится творить такое со мной! Ты превращаешь меня в помешанное на сексе животное. Тебе это придает магическое ощущение собственной власти.

От чувства отвращения к самому себе, заложенного в его словах, Каролин съежилась. Она с трудом села, собрала разбросанную одежду и привела себя в порядок. Она была ошеломлена и ничего не могла сказать в ответ. Даже не могла дать оценку своим эмоциям. Все было так неожиданно, так необузданно и совершенно не поддавалось контролю. Жгучие слезы щипали ей веки, но она подавила рыдания.

Джейсон указал на простирающийся перед ними луг:

— Посмотри-ка на это. Черт побери! Я даже не удосужился привязать лошадей. Нам повезло, что они не ушли далеко.

Белый жеребец Джейсона радостно обрывал листья низкорослого кустарника. Фелиция паслась поодаль. Джейсон привязал поводья своей лошади к ветке дерева и пошел за кобылой Каролин.

Оседлав своих лошадей, они направились в сторону дома резвым аллюром. Джейсон молчаливо скакал рядом с ней, пока перед ними не открылся вид на Браунтон-Курт.

— Отсюда ты прекрасно доберешься сама, правда? — поинтересовался он.

— Да, конечно, — ответила Каролин и, чтобы скрыть дрожание рук, намотала на них поводья.

— Хорошо. Тогда я оставлю тебя.

Он развернул жеребца и направил его на тропу, что вела в крепость Хемби. Усилием воли подавив желание обернуться вслед его удаляющейся фигуре, Каролин пришпорила лошадь. Ее сердце налилось свинцовой тяжестью. Ей отчаянно хотелось заплакать. За какие-то считанные минуты она, воспарив к неведомым высотам потрясающей, не поддающейся контролю радости, рухнула в темные глубины реальности. Джейсону нужна была не ее любовь, а только тело. Даже скорее тело ее сестры, но теперь это не имело значения.

Этим вечером Джейсон не вернулся. Как решила Каролин, вероятнее всего, для того, чтобы слуги думали, что он уехал в Дувр, как и намеревался. Большую часть второй половины дня Каролин провела в своей комнате, лежа на кровати. Она навестила Лорел, но ей было тяжело играть с ребенком, когда она чувствовала себя такой усталой.

Зачем она позволила себе потерять голову? Отец всегда предупреждал ее, что опасно сначала делать, а потом думать. Теперь она видела, что сэр Невилл был прав. Вся эта мистификация тоже была результатом минутного импульса, о последствиях которого ей следовало подумать раньше. Она столько раз отступала от своей роли, следуя зову сердца. Вступая с Джейсоном в пререкания, по-матерински опекая Лорел, выезжая верхом на лошади, выбирая платья сообразно своему вкусу, она отступала от характера Синтии, и было удивительно, что Джейсон до сих пор ничего не заподозрил.

Нынешний день оказался худшим из худших, и факт, что она не догадывалась о том, что Джейсон следит за ней, не мог служить оправданием. Рано или поздно он все равно обнаружил бы, что она ездила на Фелиции. Ах, если бы она осталась дома, то не произошла бы вся эта злосчастная цепь событий.

Все же Каролин никогда не испытывала ничего подобного любви Джейсона. Ласки Кита никогда не раздражали ее, но сегодня она узнала такую полную и всеобъемлющую радость, о существовании которой даже не подозревала. Но Джейсон не только не принадлежал ей, но и не мог принадлежать.

Вздыхая, Каролин бродила по комнате. Не чувство вины от предательства Синтии занимало все ее мысли, а отказ от нее Джейсона. Это разрывало ее сердце. Он так сильно ненавидел ее, что испытывал отвращение к самому себе за то, что снизошел до близости с ней. Значит, он никогда больше не прикоснется к ней. Сознание этого было для нее наиболее тягостным. Как бы она ни порицала свое грехопадение, в глубине души она знала, что больше всего на свете желала близости Джейсона.

Ночь показалась ей бесконечной. Каролин провела ее без сна, наедине со своими мыслями. Утром под глазами у нее были темные круги, а кожа от недосыпания была вялой. Нехотя завершила она свой обычный утренний туалет, оделась, проглотила завтрак и навестила Лорел. После ленча, к которому она едва прикоснулась, Каролин прилегла и проспала до вечера. Проснувшись, она чувствовала себя отдохнувшей, но не менее обеспокоенной и смущенной.

Джейсон продолжал отсутствовать в течение почти целой недели. Каролин уговаривала себя, что рада этому, потому что получила дополнительное время взять под контроль свои чувства и эмоции. Она внушала себе мысль о том, что ее поступок был греховен и неблагоразумен. Более того, она все время напоминала себе, что ее страсть вызвала у него чувство отвращения. Единственное, что ей оставалось, это выкинуть его из головы и из сердца.

Но образ Джейсона буквально преследовал ее, не давал забыться. Она вспоминала его взгляд,

когда он овладел ею под дубом, его горящие глаза, губы, вздрагивающие от желания. Она видела его в костюме для верховой езды, брюки, обтягивающие его сильные ноги, облегающий широкие плечи твидовый сюртук. Она наслаждалась его красотой, вспоминала его страстность и таяла от желания.

Синтия не хотела его, уговаривала себя Каролин. Она изменяла ему и в конце концов сбежала. Они не подходили друг другу, из их брака все равно бы ничего не вышло. Синтии не были нужны ни муж, ни ребенок. В то время как для Каролин они оба были желанны. Что дурного в том, что она так и останется Синтией? Она станет любящей матерью для Лорел и верной женой для Джейсона.

На ее пути стояла только одна проблема — Джейсон ненавидел ее. Каролин вздохнула и потеряла лоб ладонью, чувствуя, как внутри у нее все переворачивается. Каждая нежная мысль, обращенная к Джейсону, представлялась ей предательством сестры. Каролин обнаружила, что Джейсон нравится ей, что она хочет его, и страдания, написанные на его лице, вызывают в ней чувство жалости. Может быть, Синтия была виновата во всем. Каролин казалось не правдоподобным то, что она могла испытывать такие чувства к злему, жестокому человеку. А если Джейсон не был таким, значит, Синтия очень обидела его.

Желая как-то разнообразить свои дни, она стала спускаться в кабинет Джейсона и брать для чтения книги. Чтобы убедиться, что книга будет ей интересна, она прочитывала несколько страниц прямо в кабинете. Постепенно она стала проводить там за чтением все больше и больше времени. Она понимала, что ей нравилось находиться здесь, потому что она как бы ощущала его присутствие. Однажды вечером она сидела в его кабинете, откинув голову на высокую спинку кожаного кресла.

Дверь открылась, и Каролин испуганно выпрямилась. На пороге комнаты стоял Джейсон и изумленно смотрел на нее. На какое-то мгновение его присутствие оглушило ее. Она покраснела, опустила ноги с кресла на пол и резко вскочила.

— Извини меня за вторжение. Я не ожидала твоего возвращения. Дело в том, что я взяла книгу и, должно быть, читая, вздремнула.

— Тебе не нужно извиняться, — оборвал он резко. — В конце концов, ты хозяйка в своем доме, все комнаты в твоём распоряжении.

— Да, но это твоя комната, и я решила... — Каролин кашлянула. Она вела себя как идиотка, нужно было немедленно прекратить это бормотание. — Хорошо. Добро пожаловать домой. Как удалась поездка?

Вместо ответа Джейсон пробурчал что-то нечленораздельное и подошел к письменному столу, чтобы посмотреть почту. Каролин продолжала стоять. Уходить ей ужасно не хотелось, но оставаться без его приглашения было нелепо. Взгляд ее следовал за движениями его пальцев, которые теперь лениво выбирали и распечатывали письма. Она вспомнила прикосновения его рук к своей груди и ногам, их жар и силу. Она с трудом отвела взгляд в сторону.

— Извини, мне нужно пойти к Лорел.

Она почти выбежала из комнаты и стремительно взбежала по лестнице. Каролин закрылась у себя в комнате. Почему Джейсон так действовал на нее? Стоило ему появиться в доме, как ее начало преследовать желание отдаться ему.

Она даже думала поужинать в своей комнате, но гордость не позволяла ей проявить такое

малодушие. Она оделась в платье из бледно-сиреневого шелка с низким вырезом на груди, отделанным по краю бледными кружевами. Она отмахнулась от своего внутреннего голоса, который говорил ей, что выбрала она его только из-за соблазнительного вида едва прикрытой груди. Когда она вышла в гостиную, Джейсон сидел на диване, обитом зеленым плюшем. Он, не меняя выражения лица, изучающе посмотрел на нее, потом поднялся и предложил ей стакан шерри.

— Как Лорел? — поинтересовался Джейсон.

— Прекрасно. Я думаю, что дела у нее лучше с каждым днем. Ты видел ее после возвращения?

— Нет. Я знал, что ты у нее. — Он замолчал, и на мгновение их глаза встретились. Ее взгляд был полон обиды на его слова. Его — ясен и светился каким-то непонятным чувством.

Легкая тень досады тронула его лицо, когда он осознал, что его слова прозвучали довольно грубо. Он, запинаясь, сказал:

— Я просто не хотел тебе мешать.

— Лорел не стала бы возражать, — отозвалась Каролин, сохраняя дистанцию в разговоре.

Ее интересовало, куда он ездил на самом деле. Может быть, на этот раз он сказал правду и действительно был в Дувре, а может быть, сел на поезд и уехал в Лондон, чтобы встретиться со своей любовницей.

— Куда ты ездил? — спросила она. Слова сорвались с губ прежде, чем она успела подумать.

Джейсон как будто удивился.

— Куда? Действительно в Дувр. У меня там было дело. Может быть, ты помнишь, что часть моей собственности вложена в корабли торгового флота. Я обсуждал с другими владельцами вопросы расширения дела.

— Понятно. Я думала, что ты мог поехать в Лондон. Ну почему она не могла оставить эту тему в покос? Джейсон страшно изумился бы, узнав о ее ревности.

— В Лондон? — удивился он. — Нет. С какой стати мне туда ехать?

Каролин пожала плечами.

— Может быть, навестить друзей. — Она изо всех сил старалась не обмолвиться о том, что так мучило ее, но потребность узнать правду была слишком сильна. — Или возлюбленную.

— Кого? — Голос его прозвучал удивленно, и он расхохотался. — Ах да, мою возлюбленную.

От унижения Каролин покраснела.

— Да, твою любовницу, — проговорила она зло. — Каким же жестоким надо быть, чтобы еще смеяться?

— У меня нет возлюбленной.

Каролин с сомнением подняла на него глаза.

— Когда ты вернулся из Лондона, то сказал...

— Я ничего не говорил. Это ты предположила, что у меня есть возлюбленная, а я не стал утруждать себя отказом. Ты можешь думать все, что тебе заблагорассудится.

— Я не верю тебе, — выкрикнула она, — это очевидная ложь. Мужчина твоего склада, который уже три года не спит со своей женой, и не имеет любовницы?

— Некоторым мужчинам польстило бы такое признание их мужских достоинств, — отозвался он сухо. — К счастью, меня не одурачить. Я-то очень хорошо знаю твое мнение о моих сексуальных потребностях. Но по правде говоря, я не давал обет безбрачия. Бог знает, я не святой. Свои потребности я удовлетворял с женщинами, которым за это хорошо платят. Мне не хотелось унижать тебя и открыто заводить любовницу. Правда, узнав, что тебя такие угрызения совести не мучают, я решил сделать это, но не нашел женщину, которая удовлетворяла всем моим запросам. Тогда я подумал, что ты уничтожила все чувства, которые я когда-то испытывал к женщинам.

Сердце Каролин встрепенулось. Может быть, он все же еще может питать какие-то чувства к женщине. Может быть... Джейсон с грохотом поставил стакан на стол.

— Я вижу на твоем лице триумф. Ты права. Никакая другая женщина, кроме тебя, не может вызывать во мне такой страсти! — Он свирепо смотрел на нее. — Ну, что, это тебя удовлетворяет? Ты волнуешь меня, будто я все еще зеленый юнец.

Казалось, что от возникшей напряженности воздух сгустился. Каролин вся трепетала от ожидания, взгляд ее сосредоточился на застывшем лице Джейсона. Ее сердце пело. Он хотел ее, все еще хотел.

— Но, черт побери, — закричал он, — на твои чары я больше не поддамся. Я не позволю больше провести себя. То, что случилось на днях, больше не повторится. Я не допущу этого.

Попятившись, как от удара, Каролин уставилась в пол, пытаясь собрать остатки своей гордости. Какой же он был высокомерный, напыщенный негодяй. словно это она пыталась соблазнить его и затащить в свою постель, словно она ложилась грязным пятном на его добродетель.

— Конечно, — саркастически проговорила она, — я не достойна дотрагиваться до твоего святого тела.

— Я не ханжа, Синтия. — Голос его был тверд как скала. — Просто я пытаюсь спасти свое самоуважение.

В этот момент в дверях появился Барлоу и объявил, что стол накрыт. Атмосфера во время ужина была пронизана напряженностью. Джейсон едва смотрел в ее сторону, оба хранили молчание. Наконец, чтобы немного разрядить обстановку, Каролин спросила:

— Что вы решили с партнерами относительно расширения дела?

Джейсон с удивлением взглянул на нее:

— Это первый раз, когда ты проявляешь интерес к моим делам.

Каролин повела плечами:

— А ты когда-нибудь поощрял этот мой интерес?

— Конечно, поощрял. Как только мы вступили в брак, я наивно думал, что мы вместе будем скакать верхом по полям, обсуждать хозяйственные вопросы, виды на урожай хмеля, арендаторские дела, усовершенствования... Я надеялся, что ты будешь интересоваться людьми, проживающими на моих землях. Я, как дурак, полагал, что все, что заботит меня, будет заботить и тебя.

— И из-за того, что я была слишком стеснительной и не любила кататься верхом, ты решил, что меня ничего не интересует.

У него вырвался вздох раздражения.

— Я никогда не устану удивляться твоей способности всегда находить себе оправдания, — сказал он.

Но она оправдывала не себя, а Синтию, отчаянно пытаясь доказать, что виновницей их неудавшегося брака была не ее сестра. С самого начала они безнадежно не подходили друг другу. И, если стоило кого-то винить, то это был сэр Невилл, который подтолкнул дочь к браку с человеком, которого она не любила. Синтия слишком отличалась от Джейсона, она не могла разделять его интересы, была не в состоянии насладиться физической близостью с ним.

Если бы только она не сбежала с Китом, вдруг подумала Каролин. Она бы сама могла встретиться с Джейсоном, и они бы влюбились друг в друга. Это она была бы той женщиной, которую он любит и желает, она могла бы соответствовать его требованиям. Каролин вспыхнула и опустила глаза в тарелку. О чем только она думала? Он был мужем ее сестры, а она была той, которая настойчиво и не праведно добивалась его.

В каком безнадежном тупике она очутилась!

* * *

В течение нескольких последующих дней Джейсон и Каролин удачно избегали друг друга. Встречаясь лишь за едой, они предусмотрительно придерживались только общих тем. Но Каролин заметила, что такое положение вещей еще больше разжигало в ней страсть. Она беспрестанно думала о Джейсоне, гадая, чем он занят или о чем думает. Ночью, ложась спать, она представляла себе, как он лежит в постели в соседней комнате. Ей было интересно, вспоминал ли он об их близости, представлял ли ощущение ее кожи, с готовностью набухающие в его руках соски, гармоничное слияние их тел, словно бы они были созданы специально друг для друга. От этих мыслей по ней пробегала дрожь желанья.

Порой Каролин ругала себя, называя свою непреодолимую тоску порочностью. Но угрызения совести не могли противостоять неукротимому потоку ее страсти. Сжимая в руках подушку, она мечтала о нем и просыпалась от пульсирующего желанья, требовательного и неутолимого.

Однажды ночью она подошла к разделяющей их двери и отомкнула замок. Она вернулась в кровать и долго лежала без сна, но он так и не пришел. Весь следующий день она была сердита и раздражительна, даже накричала на Лорел. Когда девочка посмотрела на нее изумленными, обиженными глазами, Каролин бросилась перед ней на колени и долго просила прощения. Она решила, что дальше так продолжаться не может.

Этим вечером, когда Каролин вернулась в свою комнату, она перерыла все ящики и полки Синтии, пока не нашла откровенно соблазнительную ночную рубашку из бежевого шелка,

отделанную светлым кружевом. Она облачилась в нее и долго изучала себя в зеркале. Шелковая рубашка поддерживалась на плечах двумя узкими полосками. Большая часть груди при этом оставалась обнаженной, рубашка плотно облегла ее тело, явно обозначая пупок и холмик лобка. На середине бедер кружево сменяло шелковое полотно, едва скрывая ноги, оно спускалось до лодыжек. Верхняя часть лифа тоже была из кружева и лишь слегка прикрывала грудь, делая ее более пленительной. Несомненно, это был туалет искусительницы, и Каролин подозревала, что Джейсон купил его вскоре после свадьбы.

Она нашла подходящий пеньюар и, надев, подвязала на поясе. Хотя Присцилла уже убрала ее волосы на ночь, она снова уселась перед зеркалом и принялась расчесывать их, пока они не засияли. Среди флаконов Синтии она выбрала духи, которые ей больше всего нравились, и по капельке нанесла их на мочки ушей и в ложбинку между грудями. Потом она села и начала ждать, когда Джейсон придет сегодня к ней.

Каждый его взгляд, каждое движение выдавали в нем его желание. Даже воздух между ними был пронизан токами сексуальной напряженности. Он хотел ее, но сопротивлялся. Когда же наконец его сопротивление будет сломлено?

Она сама едва верила тому, что происходит. Она оделась так, чтобы завлечь Джейсона Сомервилла в свою постель. Она ждала, надеясь на то, что этой ночью он придет к ней. Она так хотела его, что уже подумывала пойти к нему сама. Если он увидит ее в этом наряде, то не устоит.

Иногда ей казалось, что она умрет от отчаяния, если не ощутит на себе прикосновения его рук. Ей очень хотелось опять увидеть его охваченное страстью лицо, прочесть в его глазах немое восхищение, ощутить его вторжение в себя. Ей нужно было убедиться в том, что он тоже хочет ее. Она хотела еще раз ощутить это парение в сладком экстазе.

Каролин слышала, как Джейсон прошел мимо ее комнаты, как открылась и снова закрылась его дверь. От нетерпения ее руки сжались в кулаки. Время от времени до ее слуха доносились тихие звуки, по которым она могла догадаться, что он раздевается. Она слышала скрип ящика и дверцы шкафа. Ей показалось, что шаги направились в сторону их общей двери, но они замерли и повернули назад. После этого наступила тишина.

Каролин спрыгнула с кресла и обхватила себя руками. Он, сдерживаемый своей холодной волей, отправился в постель, в то время как она, переполняемая страстью, разрушающей благоразумие и все моральные устои, томится здесь. Как мог он оставаться таким равнодушным, таким спокойным и безмятежным?

Руки Каролин упали. Она смело сделала три шага в направлении двери и, повернув ручку, широко раскрыла ее.

В темноте комнаты она с трудом разглядела Джейсона, лежащего на кровати. Не отвечая на его вопросы, она приблизилась к нему и остановилась. Он сел, одеяло соскользнуло вниз, обнажив его загорелую грудь. Дыхание Каролин участилось. Руки ее от страха были ледяными, но она действовала интуитивно. Она взялась за концы своего пояса и развязала его. Слегка поведя плечами, она сбросила пеньюар на пол. Каролин услышала, что он затаил дыхание. Его глаза уже привыкли к темноте, а свет, просачивающийся из ее комнаты, позволил видеть ее очень хорошо.

Она наблюдала за ним. Он судорожно глотнул.

— Боже, Синтия, зачем тебе мучить меня?

— Я не хочу тебя мучить, — сказала Каролин, — я хочу... доставить тебе удовольствие.

Минуту он не мог промолвить ни слова, потом проронил:

— Уходи. Оставь меня в покое.

Каролин упрямо тряхнула головой, и волосы ее рассыпались по плечам. Она присела на край кровати, стараясь не прикасаться к нему. Глаза его вспыхнули, а дыхание стало прерывистым. Вытянув обе руки, Каролин прикоснулась к его лицу, кончиками пальцев провела она по его бровям, скулам, вниз к покатой линии подбородка. Потом пальцы ее обследовали шею и спустились к твердой поверхности ключиц.

Едва ощутимыми прикосновениями ласкала она его шею и плечи. Джейсон прикрыл глаза и кончиком языка облизнул губы. Улыбнувшись, Каролин приподняла до колен ночную рубашку и села на него. Он застонал и слегка пошевелился, когда Каролин стала из стороны в сторону покачиваться на его коленях. Его пальцы вцепились в простыни. С каждым ее движением мышцы его рук и шеи напрягались. Он громко выругался.

Каролин наклонилась вперед и прикоснулась кончиком языка к его соску. Он непроизвольно дернулся, из его горла вырвался хрип. Она быстро стала водить языком вперед и назад. Этот нежный танец она начала, чтобы возбудить его, но теперь Каролин в сладкой истоме своей страсти сама утратила над собой контроль.

Ей хотелось найти его губы. Он разочарованно вздохнул, когда ее проворный язычок покинул его разгоряченную грудь, но рот и губы с вожделением встретили ее. Их языки сошлись, как два дуэлянта, пытавшиеся сразить один другого. Во время поцелуя Каролин прикрыла его всем своим телом и начала ритмично двигаться. Дыхание Джейсона, как огонь, опалило ее лицо. Он обнял ее ногами, больше не скрывая своего желания. Они целовались снова и снова, получая все новые удовольствия от каждого движения и объятия.

Наконец Джейсон схватил Каролин за плечи и, перекатившись через нее, занял ее место. Через кружево ночной сорочки он взял в рот ее сосок и начал нежно ласкать его губами. Каролин вскрикнула и изогнулась ему навстречу. Джейсон взял зубами кружево и потянул его вниз, полностью обнажив ее грудь. Он нежно начал дуть на влажные соски, которые затвердели еще больше. Каролин вне себя от желания, совершенно потеряв рассудок, извивалась под ним с диким неистовством.

Внезапно он сел, и Каролин закричала:

— Нет. Прошу тебя, не оставляй меня.

Джейсон сглотнул слюну.

— Я не уйду. Поверь мне, нет.

Он снова накрыл ее своим телом, она была готова принять его. Джейсон погрузился в ее манящее тепло. Каролин тихо застонала. Медленные вращательные движения его сильных ног и бедер продлевали их обоюдное наслаждение. Подстраиваясь под его ритм, Каролин тоже стала вращать бедрами.

— Синтия, — вырвалось у него, — милая, милая Син. Каролин целовала его шею и плечи, и он достиг пика, еще раз резко подав вперед свое тело и бросая ее в собственный водоворот радости. На мгновение они слились в совершенном единении, потом началось медленное и

длинное падение с заоблачных высот.

Глава 13

Джейсон скатился с нее на спину и издал долгий и протяжный стон. Каролин, удовлетворенная и сонная, повернула голову, чтобы лучше видеть его. Наконец Джейсон убрал с глаз руку, повернулся на спину и, приподнявшись на локте, посмотрел ей в глаза. Каролин напряглась. Его лицо было искажено злостью.

— Кто научил тебя этому? — с раздражением спросил он.

— Научил чему?

— Угождать мужчине. Радоваться, доставляя ему удовольствие. Это был Бингем? — От этих слов лицо его еще больше исказилось. — Будь он неладен! Это он научил тебя получать от любви наслаждение?

Он стремительно сел и схватился руками за голову.

— Семь лет я пытался добиться этого. Я готов был отдать все, только бы услышать от тебя хоть писк удовольствия. У меня ничего не вышло. Что же случилось, Синтия? Как это удалось Бингему?

Каролин продолжала внимательно смотреть на него. Что могла она сказать? Если она скажет ему, что не знает никакого Бингема, что никто и никогда, кроме него, не вызывал в ней таких чувств, то ей придется признаться и в том, кто она на самом деле. Настал момент сказать ему правду, решила она. Но тогда он примет ее за распутницу. Бывшая артисточка, женщина, идущая в постель с посторонним мужчиной, женщина, соблазвившая мужа собственной сестры. Он будет презирать ее. Он почувствует себя одураченным и использованным и будет прав. Нет, она должна оставаться Синтией.

— Мне никогда не было так хорошо, — честно призналась она.

У него из груди вырвался хриплый смех.

— Ну-ну, миледи. Неужели вы думаете, что я вам поверю? После семи лет ненависти к своему мужу, когда ты съезживалась от каждого моего прикосновения, ты вдруг вспылала ко мне любовью? Я не дурак.

— Тогда думай, как знаешь, — выпалила Каролин. — Нет смысла говорить тебе правду.

— Откуда ты знаешь? Ты же никогда не пыталась!

Каролин схватила ночную рубашку и надела ее. Отбросив одеяло, она соскочила на пол, поспешно накидывая на себя пеньюар. Джейсон с грустью смотрел на нее.

— Я пришла сюда, потому что желала тебя. Это чистая правда. Ведь я люблю тебя. Дура, вот кто я! — Слезы потекли по ее щекам. Она насмешливо постучала себя пальцем по лбу. — Я надеялась, что у нас есть что-то общее, что мы могли бы быть счастливы, как однажды утром. Я думала, что, если я приду к тебе, если нам будет хорошо, ты тоже захочешь меня. Тоже полюбишь. Зря я на это надеялась. У тебя слишком холодное сердце. Не волнуйся, я больше не побеспокою тебя.

Каролин выбежала из комнаты и захлопнула за собой дверь. Бросившись на кровать, она дала волю душившим ее слезам.

Каролин проснулась следующим утром от холода, потому что все еще лежала поверх одеяла. Осторожно выпрямив затекшие руки и ноги, она забралась в постель. Слезы уже высохли, и кожа на лице была натянута и сухая. Глаза болели так, что она не могла даже мигать.

При воспоминании о своей вчерашней смелости у нее вспыхнули щеки. Это был бесстыдный и необузданный поступок. Она должна была понимать, что даже если она и сломает барьер его самоконтроля, то потом он все равно будет ненавидеть ее. Она не услышала от него ни слов любви, ни благодарности, только обвинение в предательстве, которого она никогда не совершала.

В угаре страсти она фактически призналась ему в любви, но об этом она могла даже не беспокоиться, так как он все равно решил, что она лгала. Он всегда так думал. Каролин устало потерла лоб. До тех пор пока она не сказала ему о своей любви, она не думала, что любит его, вернее, она не признавалась себе в этом. Было полнейшим абсурдом любить человека, которого она была исполнена решимости ненавидеть.

Скорее всего это было обыкновенное влечение, которого она раньше не знала и поэтому не могла отличить. Потом она вспомнила, как он склонялся над ней, когда она больная лежала в постели. Его лицо было взволнованным, глаза темными и обеспокоенными. Она вспомнила, как стоял он на пороге детской и наблюдал за ней и Лорел, сидящими в кресле-качалке. Она представила себе его смех, его теплую улыбку, огоньки радости в его серо-зеленых глазах. Она представляла, как он, распластавшись на полу, строил с Лорел крепость из кубиков, как светилось его лицо тихой любовью. Она вспомнила сдержанную силу его тела, его рациональный ум, скрытую от глаз доброту, с которой он относился ко всем окружающим его людям, но которая не предназначалась ей. Да, несомненно, она могла полюбить его, и она любила.

После вчерашней ночи она не могла жить как раньше.

Она не хотела подвергать себя такому истязанию, быть рядом с ним, любить его, но не быть любимой. Каким бы болезненным ни было расставание, как бы она потом ни скучала по Лорел, ей нужно уехать. Нужно немедленно одеться и пойти к Джейсону, пока решимость ее не пропала. Она признается ему во всем и уедет.

Каролин отбросила в сторону одеяло и, сдерживая подступающие слезы, выбралась из постели. Позже, думала она, когда от ее решимости не останется и следа, когда ее здесь не будет, она даст волю слезам.

К тому времени, когда Присцилла принесла ей утренний чай с поджаренным хлебом, Каролин уже была одета, волосы были причесаны и собраны в тугий пучок на затылке.

— Что это вы так рано встали, миледи?

Она подошла поближе и поставила поднос. Встревоженная, она склонилась над ней и спросила:

— Вы хорошо себя чувствуете? У вас больной вид.

— Ужасно, — коротко бросила Каролин, — но не беспокойся, скоро все пройдет.

— Если я вам буду нужна... — нерешительно предложила Присцилла.

— Хорошо, я позову тебя. Спасибо, Присцилла, — поблагодарила Каролин.

Каролин намеренно выбрала платье из темно-розового бархата с манжетами кремового цвета и стоячим воротником, которое никак не соответствовало вкусам Синтии. Довольно простое, оно все же добавляло свежести ее лицу, которое этим утром было слишком бледным. Каролин бросила взгляд на свое отражение в зеркале и вздохнула. От слез глаза опухли, кожа стала вялой и нездоровой. Ей придется пойти к Джейсону сейчас, когда она выглядит не лучшим образом, но ничего не поделаешь, да и это не имело большого значения.

Чувствуя себя как заключенный, приговоренный к смертной казни, она спустилась по ступенькам вниз и вошла в столовую. Джейсон сидел за столом и безучастно смотрел в окно. Перед ним стояла пустая тарелка и чашка чая. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Потом Джейсон встал и подвинул ей стул.

Если бы Каролин не была так взволнована, то при виде этих условностей, учитывая то, что произошло между ними ночью, непременно расхохоталась бы. Как всегда вежливо, Джейсон сказал:

— Доброе утро, Синтия.

— Доброе утро. — Ее голос дрожал.

Он занял прежнее место и, отхлебнув глоток, поморщился. Чай уже остыл. Он налил себе еще чаю из серебряного чайника, стоящего в середине стола. Пока Джейсон добавлял сахар и сливки, она тоже наполнила свою чашку. Чувствуя себя крайне неудобно, она не знала, как ей перейти к теме своей мистификации. Она украдкой взглянула на Джейсона. Глаза его не были опухшими и красными, но выглядел он не намного лучше ее. Каролин вспомнила, какая мука отразилась на его лице, когда прошлой ночью он спросил ее, кто научил ее тонкостям любви, и сердце ее дрогнуло. Как сильно он, должно быть, любил Синтию! А она так жестоко ранила его. Внезапно Каролин охватил всепоглощающий гнев на сестру.

Синтия отвергла его любовь, отдавая себя другим ничтожным мужчинам. Без любви вышла за него замуж, на протяжении стольких лет растаптывала его чувства к ней и в конце концов бросила и его, и ребенка. Этому не могло быть оправдания даже со стороны лояльной сестры. Его любовь была восхитительной и щедрой. Он отдавал своей возлюбленной не меньше, чем получал сам. Синтия была не права, она ошибочно приняла его смелые, горячие ласки за извращенность. Из того, что Джейсон сказал ей прошлой ночью, она поняла, что Синтия никогда не прикасалась к нему, никогда не целовала, не ласкала его тело, как это сделала Каролин. Синтия никогда ничего не давала Джейсону, только брала. Неудивительно, что всеми силами Джейсон старался избегать ее, он боялся снова быть пойманным в сети своей любви к ней. Мысль, что его сердце снова будет разбито, ужасала его.

Его боль и страх были понятны Каролин. Она слишком хорошо знала, что значит отступить, чтобы избежать новой муки. Она и сама так поступила, когда умер Кит, бросила всех и все. Ей была знакома боль разбитого сердца, ведь ее собственное разрывалось на части. Она любила Джейсона. А он? Какие бы эмоции он ни испытывал, они все предназначены Синтии, а не ей.

Джейсон поднялся, пересек комнату и остановился у окна. Каролин смахнула с ресниц предательские слезы и подошла к буфету, чтобы наполнить тарелку. Действуя как автомат, она отделила для себя тонкий ломтик ветчины и доложила яичницу. Джейсон, покачиваясь на каблуках, продолжал смотреть в окно. Он повернулся и прочистил горло.

— Я много думал над тем, что произошло ночью, — сказал он, не глядя ей в глаза. — Черт, я просто был не в состоянии думать о чем-нибудь еще. Я хочу верить тебе.

Внезапно он шагнул к ней и склонился над столом, опершись на него руками.

— Я хочу этого так, как никогда ничего не желал. Ты знаешь, как давно я мучился и ждал, что ты наконец откликнешься. Но после всего, что случилось... — Он хлопнул ладонью по столу. — Черт возьми! Я не могу! Я дал себе зарок, что никогда больше не попаду в расставленный тобой капкан. Я давал себе такую клятву каждый раз, когда ты снова предавала меня. Я ненавижу тебя, не верил, что ты сумеешь во мне зажечь хоть искру интереса к себе. А теперь я вижу, что хотел бы забыть все — свои клятвы, свою ненависть, твои измены.

Он замолчал, брови его сурово нахмурились. Сердце Каролин разрывалось. Она хотела крикнуть Джейсону, что ей он может верить, что может любить ее. Она положила руки на колени, пальцы дрожали. Но что он подумает, когда она скажет ему правду? Станет ли он еще больше ее ненавидеть за то, что вывернул перед ней душу?

— Джейсон, поверь мне. Я не хочу причинять тебе боль. Я никогда этого не хотела, — с жаром проговорила она.

Он отшатнулся назад.

— Это уже похоже на речь, которая обжигает сильнее огня.

Каролин судорожно сглотнула. Ей нужно сказать ему. Нужно.

— Милорд. — В двери появился Барлоу, и Каролин, получив временную передышку, вздохнула с облегчением.

Джейсон нетерпеливо обернулся:

— Да. В чем дело?

— Прошу прощения, что прервал ваш завтрак, но для вас только что получено срочное сообщение.

— Сообщение? — переспросил Джейсон, его раздражение несколько уменьшилось.

Барлоу подошел к столу, и Джейсон взял с подноса письмо. Вскрыв, он быстро прочитал. Внезапно досада на его лице сменилась печалью. Он нахмурился и сложил письмо, сделав Барлоу знак удалиться. Каролин почувствовала, как щупальца страха сжали ее сердце.

— Что случилось? — Она непроизвольно вскочила на ноги, вцепившись руками в стол.

Джейсон обошел стол и приблизился к ней. Тихим голосом он сказал:

— Это от поверенного сэра Невилла, мистера Комстока. Сегодня ночью твой отец скончался.

Каролин побледнела.

— Нет... Нет! Я даже не была там. Я даже не увиделась с ним перед смертью. Он не мог... — Она прижала руку ко рту. — Какая глупость. Как будто он не мог умереть, не попрощавшись со мной. Джейсон, что мне делать?

Нежно он привлек ее к себе, и она прижалась к его груди, ища укрытия от внезапно обрушившегося горя. Все намерения сказать Джейсону правду и оставить Браунтон-Курт вмиг улетучились. Их сменила неожиданная боль, причиненная смертью отца. Она не думала, что после стольких лет, проведенных вдали от семьи, это так сильно ранит ее. Перестав плакать, Каролин еще несколько минут находилась в успокаивающем тепле объятий Джейсона. В те мгновения, когда его руки крепко прижимали ее к груди и его щека покоилась у нее на волосах, она погрузилась в мечту, что была не одна в этом мире, что ее любили и оберегали. Нехотя она освободилась из его объятий и принялась искать в кармане носовой платок.

— Когда похороны? — спросила она, вытерев слезы.

— Поверенный сообщил, что они ждут нашего прибытия. Я отдам необходимые распоряжения и пошлю им телеграмму.

Он подошел к камину и позвонил в колокольчик. Барлоу появился почти сразу.

— Да, милорд.

— Скончался сэръ Невилл Уортинг, Барлоу. Леди Браунтон и я немедленно отправляемся в Грешам-Холл на похороны. Пожалуйста, сообщи Присцилле, чтобы она немедленно упаковала вещи ее светлости и сама была готова сопровождать нас. Вели Бродасу заложить карету и подать ее ко входу. Он отвезет нас до Баргема, а там мы пересядем на поезд в два десять. Нам нужно успеть на него.

— Да, милорд. Я немедленно распоряжусь. — Барлоу вежливо повернулся к Каролин:

— Прошу принять мои соболезнования, миледи.

— Благодарю, Барлоу.

Когда слуга вышел, Джейсон обратился к Каролин:

— Я понимаю, какой это для тебя удар, хотя из месяца в месяц мы ожидали этого. Тебе, наверное, лучше прилечь.

— Хорошо, но в комнате Присцилла будет упаковывать вещи.

— Тогда приляг на диван в гостиной. Я позабочусь, чтобы тебя никто не потревожил.

Джейсон проводил ее в гостиную и задернул тяжелые шторы. Комната погрузилась в полумрак. Он оставил ее, плотно прикрыв за собой дверь. Каролин отстегнула кринулин, и он упал на пол. Калачиком она свернулась на диване, положив под голову маленькую круглую подушечку. Истощенная глубоким потрясением и ночными рыданиями, она провалилась в глубокий сон. Часом позже Джейсон разбудил ее, осторожно потряс за плечо:

— Синтия, прошу прощения за беспокойство, но, если мы хотим успеть в Баргем к двум часам, нам пора ехать.

Каролин резко села, она еще не совсем пришла в себя после сна.

— Что? Ах да. — Она поправила растрепавшиеся во время сна волосы. — Конечно, через минуту я буду готова.

Джейсон вежливо удалился, чтобы она могла привести в порядок одежду. Она опять надела

кринолин, расправила платье и вышла в холл, где ее ждал Джейсон.

— Прежде чем мы уедем, — обратилась она к нему, — я должна повидаться с Лорел.

— Да, конечно, я как-то об этом не подумал.

Он проводил ее в детскую. Когда они миновали лестничный пролет, ведущий на третий этаж, она заметила:

— Я думаю, нам следует перенести детскую на наш этаж. Так утомительно каждый раз подниматься по лестнице.

Джейсон с изумлением взглянул на нее:

— Ты все продолжаешь удивлять меня. Я считал, что Лорел слишком шумит, чтобы жить на нашем этаже.

— От нее не слишком много шума, по крайней мере теперь. Мне кажется, что там, наверху, она чувствует себя слишком оторванной и одинокой.

— Конечно, если тебе так хочется, то я не возражаю. Как только мы вернемся, я распоряжусь, чтобы несколько комнат внизу подготовили под детскую.

— Благодарю. — Каролин улыбнулась ему и вошла в детскую.

Лорел встретила их криком радости, сначала она обняла Каролин, потом подошла к Джейсону. Глаза девочки расширились от ужаса, когда она поняла, что Каролин хочет уехать на несколько дней. Она обхватила ее шею руками и закричала:

— Нет! Нет!

Общими усилиями им удалось убедить Лорел, что это ненадолго, что скоро они вернуться. Лорел нехотя согласилась их отпустить, хотя вид у нее был довольно мрачный. На прощание она по очереди обняла их и поцеловала.

Джейсон проводил Каролин вниз и, бережно поддерживая за талию, помог сесть в карету. Каролин полагала, что она не такая уж хрупкая и нежная для такой опеки, но тем не менее с благодарностью принимала ее. Когда все будет позади, она оставит Браутон-Курт, но сейчас ей так нужна его сила, его поддержка, чтобы пережить этот удар.

Джейсон удобно устроил ее в карете, заботливо укутал ее ноги теплым пледом, обложил подушками, чтобы не так ощущалась тряска, и она получила возможность поспать. Он сел рядом с ней, Присцилла устроилась напротив. Каролин откинулась на подушки и закрыла глаза, позволив своим мыслям свободно плыть по течению. Она обязательно во всем признается, но позже. Когда-нибудь в будущем, в другой раз...

* * *

Путешествие из Браутон-Курта в Озерный край предстояло длительное. Нужно было пересечь всю Англию по диагонали. В Баргеме Джейсон купил билеты до Ланкастера и телеграфировал об их прибытии адвокату сэра Невилла в Хиверуэйте. Они приехали в Лондон поздно вечером и после короткого ожидания пересели на поезд, следующий в Манчестер, куда должны были добраться только к утру. Занятая своими мыслями, Каролин даже не подумала о том, как

проведет ночь в одном купе с Джейсоном. Но избегая возможной неловкости он под благовидным предлогом вышел, оставив ее одну... Она быстро разделась и забралась на узкую полку. Он вернулся, когда она уже крепко спала.

Проснувшись ночью, когда поезд замедлил ход и остановился на какой-то станции, Каролин целую минуту не могла понять, где находится. Когда она вспомнила все события прошедшего дня, ее пронзила резкая боль, которая немного притупилась от сознания того, что Джейсон был с ней рядом и она могла рассчитывать на его поддержку. Его присутствие согревало и утешало ее, она успокоилась и опять уснула.

В Манчестере им пришлось долго ждать поезд на Ланкастер. После плотного завтрака они оставили Присциллу присматривать за багажом, а сами отправились немного прогуляться по городу. Стоял пронизывающий холод, а мрачный вид зданий и шумные улицы большого промышленного города вряд ли могли поднять их настроение. Вскоре они вернулись на вокзал и сели в поезд. Каролин с удовольствием устроилась на мягком плюшевом сиденье их купе. За окном остался позади дымный шлейф Манчестера. Железная дорога огибала западную часть Боулэндского леса, и Каролин вдаль могла видеть густые заросли хвойных деревьев и лишенный растительности, состоящий из песчаника горный хребет Бикон-Фелл. Поезд с грохотом преодолевал один горный поток за другим, пока не ворвался в долину. Простиравшиеся на восток бесконечные поля служили пастбищем для черно-белых коров, которых кругом было очень много. Хотя пейзажу не хватало зеленых красок лета, его мирная красота болью отозвалась в сердце Каролин. Дом! Теперь она была совсем близко от дома.

Это чувство продолжало расти по мере того, как они приближались к Ланкастеру, где и провели следующую ночь. Рано утром они сели на поезд, следующий в Кендал. Каролин часами не могла оторваться от окна, вбирая в себя знакомый пейзаж. В Кендале их дожидалась карета Уортингов. Это была их последняя пересадка на пути в городок Хиверуэйт, а затем и в Грешам-Холл. Несмотря на холод, Каролин не позволила закрыть окошки в карете и любовалась красотами Озерного края, простиравшегося у них перед глазами. Холмы все дальше и дальше отдалялись к горизонту по мере того, как они передвигались по равнине, частично покрытой лесами, а частично плодородными землями и пастбищами. С холмов стекали стремительные ручьи и бурливые потоки, которые все время угрожали вырваться из берегов. Все эти речки и речушки питали многочисленные озера и пруды, которые и дали название этой местности. Озера поблескивали темными полосками воды и были так же прекрасны, как и разбросанные повсюду пустынные утесы и скалы.

Каролин помнила названия всех вершин. Они вздымались недалеко от Хиверуэйта, городка, что расположился рядом с Грешам-Холлом. На расстоянии она уже видела Хантерс-Фелл и Касл-Крэг, две скалы, закрывающие от ее взгляда дом отца. Карета без остановки миновала Хиверуэйт, прогромыкала по старому деревянному мосту, перекинутому через Линдейл-Бек. В угасающих лучах вечернего солнца она заметила сверкание воды. Да, вот и оно — Мелководное озеро, где они с Синтией купались, плавали на лодке, катались зимой на коньках. Дорога круто повернула, и она увидела сам дом, купающийся в солнечных лучах.

Старые каменные стены были выбелены временем и непогодой. Первоначальное здание обросло более поздними пристройками, на крыше то выше, то ниже торчали многочисленные дымоходы. Хотя дом и представлял собой мешанину стилей, в его облике все же сквозило достоинство и сила. Он напоминал стареющего рыцаря, выдержавшего многочисленные сражения. Защищенный с двух сторон горами, а с третьей — озером, он представлял собой впечатляющее зрелище. Но для Каролин это был не величественный замок, а дом ее детства. От с трудом сдерживаемых слез у нее перехватило горло. После стольких лет она возвращалась домой, но отец уже не мог встретить ее у порога.

Карета подкатила к огромному крыльцу и остановилась. Кучер спрыгнул на землю и открыл дверцу. Первым вышел Джейсон и помог Каролин спуститься. Как только они поднялись по парадной лестнице, привратник открыл массивные двери. Каролин узнала его, это был один из Грейсонов, семьи, которая уже много лет верой и правдой служила Уортингам. Она, правда, не могла сказать, который из них был теперь привратником. Старый дворецкий шаркающими шагами устремился им навстречу, как только они вошли в дом. Каролин протянула к нему обе руки, воспоминания захлестнули ее.

— Чарлз!

— Мисс Синтия! Миледи, хотел я сказать.

Он взял ее за руки, и в его глазах заблестели слезы. Его скрюченные от старости, узловатые пальцы дрожали. От переполняющих ее чувств к горлу Каролин подступил комок.

— Я всегда так рад видеть вас, миледи, — продолжал дворецкий. — И вас, милорд. Эдвард, прими их одежду.

Привратник забрал их плащи и шляпы. Каролин была рада, что смогла поблагодарить его, назвав по имени. Чарлз провел их в большую, богато обставленную гостиную, где уже собрались родственники и друзья. Комната была задрапирована черными занавесками, в дальнем конце стоял гроб.

В этой комнате она узнала почти всех, что успокоило ее. С тех пор как она превратилась в Синтию, это было весьма немаловажно. К ней сразу вернулись позабытые имена людей из ее детства. На красной плюшевой тахте сидела тетушка Элизабет, рядом с ней находилась ее дочь Белла. По обе стороны от них держались дядюшка Джеффри и молодой человек, которого она раньше не знала. Каролин решила, что это муж Беллы, Кавендер Аптон. Как только они с Джейсоном вошли в комнату, тетя Элизабет подняла глаза и театральным жестом протянула им слабую руку:

— Моя дражайшая Синтия. Подойди ко мне.

Каролин послушно подошла к тахте, на которой сидели тетушка и Белла, и запечатлела на щеке старой женщины поцелуй.

— Тетушка Элизабет. Кузина Белла. Как поживаете?

Мужчины поздоровались и обменялись рукопожатиями.

Каролин подала руку Аптону. Их заметил приземистый толстенький человек, который, как она помнила, был поверенным отца, и суетливо двинулся навстречу из дальнего угла комнаты.

— Лорд Браутон. — Он сердечно пожал руку Джейсону. — Рад вас видеть. Мне хотелось бы обсудить с вами все формальности.

Джейсон проводил поверенного в другую комнату, где они могли заняться делами в спокойной обстановке. Тем временем тетушка Элизабет полностью завладела вниманием Каролин и втянула ее в долгий и нудный разговор.

— Джеффри, подвинь для Синтии стул. Ты должна сесть, дорогая. Такая длинная и изнурительная дорога. Да еще такой удар — смерть бедного сэра Невилла.

Она покачала головой и смахнула с глаз слезы. От нудной болтовни тетки Каролин хотелось кричать. Ей необходимо было побыть в одиночестве, все осмыслить, отдать последний долг отцу. К сожалению, непрерывный поток родственников и посетителей не позволял этого.

Тетушка Элизабет понизила голос и склонилась к Каролин:

— Ты что-нибудь слышала о сестре? Как ты думаешь, нам следует сообщить ей о смерти сэра Невилла?

Каролин встревожилась. Она совершенно забыла о том, что кто-то из родственников или друзей может вспомнить о существовании второй дочери, ведь отец так давно вычеркнул ее из своей жизни. Теперь она стала опасаться, что кто-нибудь обмолвится об этом при Джейсоне. Тогда, учитывая ее отличное от Синтии поведение, он догадается, кто есть кто. Нет, он не должен об этом услышать из чужих уст, иначе вся эта ложь станет еще ужаснее, еще отвратительнее.

— Я... нет, я ничего о ней не знаю.

— Мы могли бы попытаться отправить ей письмо в тот отель в Антигуа, — сказала Белла, подумав. — Помнишь, Синтия, я давала тебе адрес несколько месяцев назад, когда ты решила написать ей. Она ответила на твое письмо?

Никакого письма от Синтии она не получала и отчаянно сожалела, что не услышала ее крика о помощи. Возможно, она совсем запуталась в своих делах с Марком Симмонсом и Деннисом Бингемом, и ей больше не к кому было обратиться, кроме своей сестры, которая в это время была слишком далеко от нее.

— Нет, она мне не ответила, — сказала Каролин вслух. Вдруг она поняла, что если Синтия знала в Антигуа ее адрес, то могла броситься к ней за помощью, но не разыскала ее. Или — и от этой мысли ее снова охватил приступ злости — она умышленно направила туда своего мужа в надежде, что, напав на след Каролин, он будет окончательно сбит с толку. А может быть, она надеялась, что Каролин поступит именно так, как она и поступила, притворившись Синтией, и Джейсон прекратит преследование...

За последние недели Каролин получила столько новых сведений о поступках Синтии, что теперь она вовсе не была уверена, что хорошо знает сестру. Так что ничего невозможного в ее предположениях не было. Синтия всегда была более холодным человеком, чем Каролин. Естественно, что и любила она с меньшей страстностью и меньшим огнем, чем сестра. А может быть, эта холодность, отстраненность и железная выдержка и ранее присутствовали в Синтии, только скрывались за ее невинной внешностью.

Теперь, оглядываясь назад, Каролин понимала, как отношение к Синтии сэра Невилла, да и ее собственное, только усугубляло страхи сестры, ее неприспособленность к жизни. Оберегая ее от трудностей, постоянно защищая ее, всегда находясь рядом, выполняя за нее неприятную работу, они не способствовали тому, чтобы она выросла сильной, подготовленной ко всем превратностям судьбы.

Синтия всегда обращалась за помощью к тому, кто готов был прийти ей на помощь. Сегодня утром Каролин сгорала от злости на сестру за то, что она так жестоко обошлась с Джейсоном, но это говорило ее сердце, а не разум. Синтия не была злодейкой, она всего лишь слабая личность, и сделать ее такой помогла и Каролин.

— Синтия, дорогая, ты помнишь доктора Морхауса? — спросила вдруг тетушка Элизабет.

Каролин, вздрогнув, очнулась от своих тяжелых мыслей и повернулась к пожилому человеку, что стоял рядом с тетей. Высокий и худой, с седыми волосами, он был одет в вышедший из моды черный костюм. Он выглядел точно так же, как его запомнила Каролин, только немного постарел. Она искренне ему улыбнулась и протянула руку:

— Конечно, помню. Как я могла забыть человека, который лечил меня от простуды? Как поживаете, доктор Морхаус?

Он взял ее руку в свои ладони и ласково пожал.

— Моя дорогая, вы знаете, как глубоко я сожалею о смерти вашего отца. Это большая потеря для всех нас.

— Я знаю, спасибо, — ответила Каролин.

Он еще несколько минут постоял рядом с ней, а потом отошел и присоединился к сквайру Муру, стоявшему у окна.

Вслед за доктором хлынула настоящая волна посетителей, в течение всего следующего часа Каролин Приветствовала старых знакомых, принимала их соболезнования, с облегчением сознавая, что может вспомнить почти все имена.

От долгого путешествия Каролин очень устала, кроме того, за последние два дня она почти ничего не ела. Напряжение, связанное с приемом визитеров, не покидающее ее волнение по поводу того, что ее имя может быть упомянуто в присутствии Джейсона, совершенно вымотали ее. Она была очень благодарна Джейсону, когда он приблизился к ней и, подав руку, помог подняться с дивана.

— Тебе пора отдохнуть, — требовательно сказал он. — Уверен, что тетушка и кузина извинят тебя.

— Конечно, — согласилась тетя Элизабет, — дорога, вероятно, утомила тебя. Мы будем сами принимать соболезнования, правда, Белла?

— Да, мама, — послушно сказала Белла, хотя улыбка ее была несколько натянутой.

Домоправительница ждала их в холле. Когда Каролин увидела ее, то от души улыбнулась.

— Миссис Аманда! — Она назвала ее именем, которым они с Синтией окрестили ее с детства, когда им трудно было выговорить ее фамилию — Биллингсли.

— Здравствуйте, моя дорогая. — Женщина всплеснула руками и покачала головой. — Мне будет очень его недоставать. Временами с сэром Невиллом было нелегко, но дом без него стал пустым. — Она всхлипнула и извлекла платок из вместительного кармана своего накрахмаленного передника. — Да ладно, хватит об этом. Я отведу вас в вашу комнату, чтобы вы могли отдохнуть.

Вдвоем с Каролин они поднялись по ступенькам и прошли в комнату, которая раньше принадлежала Синтии. Как только миссис Биллингсли оставила ее, Каролин потихоньку проскользнула в соседнюю комнату, которая когда-то принадлежала ей. К ее разочарованию, все изменилось, исчезли все ее личные вещи, картины, безделушки. Мебель тоже была заменена на более тяжелую и мрачную. В глазах Каролин заблестели слезы, и она вернулась в приготовленную ей комнату. Отец до такой степени презирал ее, что выкинул из своей жизни

все, что могло хоть как-то напомнить о ней.

Присцилла уже ждала ее.

— А вот и вы, миледи. А я уж испугалась, думала, что зашла не туда.

— Нет. Я просто решила взглянуть на другие комнаты, чтобы посмотреть, многое ли изменилось.

— И как? — спросила Присцилла, помогая Каролин освободиться от платья, кринолина и корсета.

— Боюсь, что изменилось все сильно.

Присцилла ловко вынула у нее из волос шпильки и оставила их лежать свободной волной. Потом она подошла к окну и опустила тяжелую штору.

— Ну вот, теперь вы сможете хорошенько отдохнуть, миледи. Я уже распаковала ваш багаж и вещи его светлости. Никто не будет вас беспокоить.

Каролин приложила немалые усилия, чтобы не выдать своего испуга. Как только Присцилла вышла, Каролин подбежала к шкафу и распахнула дверцы. Вещи Джейсона были аккуратно развешаны рядом с ее платьями. Миссис Биллингсли поместила их в одной комнате, что было вполне естественно, поскольку она считала их мужем и женой. Было бы довольно трудно объяснить домоправительнице, почему они спят в разных комнатах. Кроме того, тетушка Элизабет, Белла и их мужья, да, наверное, несколько друзей семьи, которые не проживали в Хиверуэйте, на время похорон останутся в доме. Так что свободных комнат может и не оказаться.

Каролин подошла к кровати и посмотрела на нее. Она чувствовала себя достаточно неуютно, оставаясь с ним в одном купе, но по крайней мере там были отдельные постели. Здесь же ей придется лечь с ним в одну кровать, накрыться одним одеялом, чувствовать его тепло, и всего каких-то несколько дюймов будут разделять их.

Каролин закрыла глаза. Может быть, Синтия вовсе и не была холодной женщиной, может быть, это она вела себя противоестественно. Не прошло и несколько дней, как умер отец, а она думала о Джейсоне и его любви, и от этих мыслей вся начинала трепетать. Наверное, ее отец был прав: в ее характере было что-то порочное, чего она раньше не замечала. Лоно ее уже сейчас продолжало томиться по нему. Какая это будет мука, лежать рядом с ним, желать его утешения и любви и знать, что получить это она не сможет. Еще хуже, если она поддастся стремительному натиску желания, которое он в ней пробуждает, и будет молить его овладеть ею. Такого унижения она не перенесет.

Зная заранее, что она не сможет вздремнуть сейчас, Каролин села на край кровати. Голова ее была занята поисками выхода из того трудного положения, в которое она попала. Когда Присцилла пришла помочь ей одеться к обеду, она так ничего и не решила. Она облачилась в платье из черного бархата, вставила в уши серьги из жадеита. Присцилла снова причесала ей волосы, и Каролин, собравшись с мужеством, спустилась вниз.

За обедом имя Каролин упомянуто не было. Видимо, все дело состояло в том, что за долгие годы, проведенные с сэром Невиллом, все знали, что говорить о ней было запрещено. Весь остаток дня провела она в компании тетушки Элизабет, Встречая прибывающих гостей. Наконец Белла и ее муж удалились, за ними вскоре последовала и тетя Элизабет, оставив

Каролин и Джейсона одних. Она пересекла огромную гостиную и остановилась перед гробом сэра Невилла, положив руки на его крышку. У нее не было чувства духовной связи с отцом. Единственное, что она ощущала, так это то, что она потеряла его, причем навсегда. Из ее глаз выкатились две крупные слезы.

Внезапно руки Джейсона обняли ее за плечи, и она слабо улыбнулась ему, благодарная за поддержку. Он вытер слезы на ее щеках.

— Я не чувствую никакой связи с ним, — пробормотала Каролин. — Я думала, что если подойду поближе, то почувствую что-то. Но нет.

— Я очень сожалею. — Джейсон притянул ее ближе и обнял обеими руками. — Нам лучше пойти в постель. Боюсь, что завтра нас ждет тяжелый день.

Нервы ее собрались в тугий комок.

— Да, конечно, — ответила она.

С каждой пройденной ступенькой лестницы напряжение Каролин росло. Джейсон открыл дверь в комнату Синтии. Потом очень официально поднес ее руку к губам и, склонившись, печальным голосом произнес:

— Спокойной ночи, дорогая. Ты случайно не знаешь, какую комнату мне дали?

Каролин нервно облизнула губы.

— Очевидно, миссис Биллингсли поместила нас в одной комнате.

Джейсон посмотрел поверх ее головы на огромную двуспальную кровать посередине комнаты, и его лицо потемнело.

— Я понял. Черт бы побрал эту женщину! — Он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. — Я об этом не подумал.

Выражение его лица просто разрывало ее сердце. По всему было видно, что сама мысль делить с ней одну комнату была Джейсону глубоко противна.

— Я очень сожалею, — едва проговорила она.

— Это не твоя вина, — бесстрастно ответил он. — Что ж, другого выхода для меня нет. Буду спать на кушетке. Выглядит она вполне удобно.

— Что? Ах да. Наверное, так, я не думала об этом.

Казалось, что это было наилучшим разрешением проблемы, но Каролин почувствовала разочарование. Джейсон принял решение без малейшего колебания. В нем не осталось ни капельки желания.

Глава 14

Дрожащими пальцами Каролин сняла серьги и положила их в маленькую шкатулку с драгоценностями, что стояла на туалетном столике, и позвонила Присцилле.

Джейсон не удосужился привезти с собой на эти несколько дней камердинера и начал

раздеваться сам.

В зеркало она видела, как он снял сюртук и бросил его на стул, потом с помощью специального приспособления начал стягивать свои блестящие сапоги, при этом от напряжения мышцы его ног заиграли.

Она наклонила голову, чтобы вынуть шпильки, но, поскольку пальцы ее не слушались, несколько шпилек упало на пол. Взглянув в зеркало, она увидела, что рубашка Джейсона уже была расстегнута и открывала его мускулистую грудь. Он снял ее, мышцы натянули гладкую кожу. Руки его перешли к пуговицам брюк; Каролин продолжала смотреть в зеркало, ее дыхание остановилось. Вскоре на Джейсоне ничего не было. Узкобедный и загорелый, он был необыкновенно хорош. Осознав, как она смотрит на него, Каролин вспыхнула и, наклонив голову, снова занялась заколками.

Джейсон накинул на себя бархатный халат, достигавший лодыжек, и подвязал его поясом. Каролин сложила шпильки в фаянсовую коробочку и закрыла крышку. Сцепив пальцы на коленях, она стала гадать, где и как ей раздеться. Если она дождетя Присциллы, раздевание в присутствии Джейсона не покажется ей таким затруднительным. Но с другой стороны, третий человек в комнате может только усугубить ситуацию.

Размышления Каролин были прерваны легким стуком в дверь.

— Войдите.

— Добрый вечер, мадам. Добрый вечер, милорд.

— Присцилла. — Джейсон кивком поприветствовал ее и, взяв книгу, уселся в кресло.

Присцилла своими обычными плавными и осторожными движениями принялась расчесывать волосы Каролин. Глаза Каролин были закрыты, и она не видела того взгляда, что время от времени, отрываясь от книги, бросал на нее Джейсон. Волосы потрескивали, как огонь, и в свете лампы блестели, подобно шелку.

Когда Присцилла закончила с ними, они гладкой массой стекали по ее плечам. Каролин поднялась на ноги и повернулась к Присцилле спиной, чтобы девушка могла расстегнуть ряд сбегавших по спинке крошечных пуговичек. Взгляд Джейсона, наблюдавшего, как Присцилла через голову стащила с Каролин платье, оставался непроницаемым. Как только ее руки опустились, выступавшие из кружевной сорочки грудь и плечи оказались обнаженными, Каролин проговорила:

— Дай мне халат, я замерзаю.

— Да, миледи, прошу прощения, — с удивлением отозвалась девушка и поспешно протянула ее зеленый шелковый халат.

Каролин быстро облачилась в него и затянула пояс. Она, чтобы не видеть презрения в глазах Джейсона, старалась избегать смотреть на него. Присцилла встала на колени и, расстегнув крючки высоких ботинок из лайки, которые были на Каролин, сняла их. Потом настал черед быстро сменяющих друг друга чулок, кринолина и нижних юбок. Чтобы снять тонкую хлопковую сорочку, Каролин пришлось сбросить халат. Потом она продела руки и голову в длинную ночную рубашку и под ее прикрытием освободилась от панталонов. Еще раз завернувшись в халат, она ждала, пока Присцилла уберет ее белье и, аккуратно сняв покрывала с кровати, удалится.

Сделав глубокий вздох, Каролин поднялась на маленькую скамеечку и взобралась под простыни. Теплые от грелок, они были уютными. Она натянула одеяла до самого подбородка и поудобнее устроилась на подушках. С громким стуком Джейсон закрыл книгу.

— Спокойной ночи, Синтия.

— Спокойной ночи.

Из комода, что стоял у кровати, он вытащил пару одеял, завернулся в них и улегся на кушетке. Каролин искоса наблюдала за ним. Это кресло было для него коротко, значит, ночь ему предстояла беспокойная. Но она не осмелилась предложить ему лечь в постель, поскольку боялась испытать унижение отказа. Послышался звук выключаемой лампы, несколько вздохов и бормотание, пока Джейсон поудобнее устраивался на своем узком ложе. Каролин сглотнула и уставилась в темный потолок. По всей видимости, ночь будет длинной-предлинной.

* * *

Как и предсказывал Джейсон, следующий день был длинным и трудным. Когда Каролин проснулась, Джейсон уже встал, оделся и ушел. Каролин облачилась в дневное шерстяное платье с длинными рукавами и высоким воротом. Его строгость смягчала кружевная оборка по горловине и манжетам. Ее довольно удивило имеющееся у Синтии количество черных платьев, по всей видимости, оставшихся у нее после траура по отцу Джейсона, умершего несколько лет назад. Все они были хорошо сшиты и из красивого материала. Черный цвет шел ей, он подчеркивал бледный цвет лица и яркие волосы. Все же Каролин ненавидела темные платья, они не подходили к ее настроению.

Похороны проходили в небольшой сумрачной деревенской церквушке в Хиверуэйте. Престарелый пастор тонким, дрожащим голосом произнес надгробное слово, которое Каролин едва слушала. Рядом с ней стояла тетушка Элизабет и тихонько всхлипывала в свой кружевной платочек. Каролин чувствовала себя опустошенной, все свои слезы она уже выплакала. С другой стороны от нее на фамильной скамье Уортингов сидел Джейсон, само присутствие которого согревало ее сердце и придавало силы.

Праху сэра Невилла предстояло покоиться в фамильном склепе Уортингов. На улице стоял пронизывающий холод, пробиравший Каролин, несмотря на надетое толстое пальто и шерстяное платье. Она уже забыла, как холодно было на севере. На мгновение с сожалением вспомнила она палящий зной Антигуа. Джейсон проводил ее до кареты, куда сели также тетушка Элизабет, кузина Белла и еще одна дальняя родственница. Мужчины скакали рядом с каретой верхом на лошадях. Каролин очень хотелось немного побыть одной.

Но такая возможность ей не представилась. После похорон состоялась длинная поминальная трапеза. Еще раз пришлось ей разговаривать с теми, кто пришел почтить память отца и выразить ей свои соболезнование и печаль. В середине дня она почувствовала, что с каждой минутой устают все больше и больше. И вот наконец, когда она больше не могла терпеть ни минуты, она поднялась и вышла из комнаты. Джейсон вышел за ней следом и настиг ее в тот момент, когда она столкнулась с мистером Комстоком, отцовским поверенным в делах.

— Леди Браунтон, — официально поздоровался он. — Я вас искал. Настало время прочитать завещание.

— Что? Да.

Рука Джейсона ненавязчиво подхватила ее под локоть. Каролин повернулась к нему, лицо было

умоляющим:

— Не мог бы ты пойти вместо меня? Я так устала, кроме того, завещание совершенно не интересует меня.

Она обратилась к поверенному:

— Устроит ли вас, если вместо меня там будет мой муж? Мистер Комсток с готовностью кивнул:

— Да-да, конечно. Лорд Браунтон?

Каролин заподозрила, что тот был счастлив иметь дело с женщиной, а не с бедной и слабой женщиной, которая в любую минуту могла впасть в истерику.

— Естественно, я буду представлять интересы своей жены, — заверил ее Джейсон, скрыв свое изначальное изумление. — Ты действительно этого хочешь, моя дорогая?

— Да, пожалуйста. — Каролин благодарно улыбнулась ему. — Я премного обязана. Мне хотелось немного прогуляться.

Джейсон нахмурился:

— На улице ужасно холодно. Ты уверена в этом?

Каролин кивнула:

— Да, я потеплее укутаюсь.

Она набросила на себя старую длинную накидку Синтии с капюшоном, подбитую теплым мехом. Засунув руки в уютную теплую меховую муфту, она будет надежно защищена от холода. Через заднюю дверь Каролин выскользнула на улицу и отправилась на голый склон Крепостного утеса, который начинался сразу за Грешам-Холлом. По узкой, имеющей плавный подъем тропинке она карабкалась к вершине утеса. Наверху, миновав крупный выход на поверхность горных пород, она остановилась и бросила взгляд на Грешам-Холл.

Прямо перед ней находился ее дом с торчащими в крыше дымоходами. За ним виднелся длинный овал Мелководного озера, небольшой островок в его середине, темный массив сосен. Вдыхая острый аромат воздуха, она брела по плоской вершине утеса. В центре его лежала Черная Чаша, небольшое карстовое озеро, имеющее форму полумесяца. Голые стволы лиственниц и медных буков небольшими группками столпились на дальнем конце озера. Там, где стояла Каролин, горбились огромные заросли рододендронов и высились зеленые хвойные деревья. Летом кустарник вспыхивал прекрасным огнем красок, стройные деревья, холодная смесь белого и зеленого.

На краю озера Каролин присела на большой плоский камень. Чтобы было теплее, она прижала колени к телу и устремила взгляд на темные, непроницаемые воды пруда. Местная легенда гласила, что водоем был бездонным и никто никогда не плавал в нем. Однажды, когда ей было двенадцать, Синтия подбила ее искупаться в пруду, и Каролин осмелилась. Но купание это оказалось коротким, и она больше никогда не повторяла попытку, потому что темные воды пугали ее. Когда она вглядывалась в водную гладь, то не могла разглядеть ни малейших признаков дна, и это повергло ее в суеверный трепетный ужас.

Солнце начало клониться к горизонту, и Каролин нехотя поднялась. Нужно было успеть спуститься по узкой тропинке засветло, хотя раз или два она ходила по ней в темноте. К тому времени, когда она достигла Грешам-Холла, уже наступили сумерки. Если она не поторопится и не успеет переодеться, то опоздает к обеду. Тетушка Элизабет ни за что не оставит такой промах без внимания.

Джейсон ждал ее в их комнате, лицо его было сердитым.

— Где, черт возьми, ты была? — воскликнул он, вскакивая с места.

— Я ходила гулять. Я же говорила тебе.

— Три часа? Я просто сходил с ума, думая, что ты где-нибудь упала, ушиблась и не можешь добраться до дома..

Каролин рассмеялась:

— На утесе я в полной безопасности. За всю мою жизнь я миллион раз исходила его вдоль и поперек.

— Что ж, рад, что ты находишь это забавным. А я уже намеревался идти и искать тебя, хотя не имел ни малейшего представления, куда ты могла пойти.

— Я просто поднялась на утес, и это все. Мне нравится сидеть у Черной Чаши. Мне там хорошо думается, там я чувствую... Впрочем, не знаю. Покой, может быть. Мне этого очень не хватало сегодня.

Джейсон продолжал испытующе смотреть на нее, и ей стало не по себе. Она отвернулась и принялась расстегивать воротник.

— Где Присцилла?

— Я отослал ее. Меня сводило с ума ее поведение. Она постоянно подбегала к окну и выглядывала наружу. Сегодня я помогу тебе.

Отведя в сторону ее неловкие пальцы, он проворно справился с длинным рядом мелких пуговиц. Каролин стояла не шевелясь, она боялась, что его руки могут задеть ее тело. Закончив, он раздвинул половинки платья и некоторое время разглядывал ее спину.

Каролин почувствовала теплое неожиданное прикосновение его губ, прижавшихся к ее спине. Она вздрогнула, и сердце подпрыгнуло в груди. Джейсон поднял голову и провел пальцем по тому месту, которое он поцеловал.

— Откуда у тебя этот шрам? Каролин сглотнула.

— Я не помню, — солгала она.

Она получила его много лет назад, когда была ребенком. Однажды она скакала, низко склонившись над лошадью, и зацепилась за ветку, которая даже сквозь одежду нанесла ей глубокую царапину. Одно время у нее на этом месте был длинный и заметный шрам, но по мере того, как она становилась старше, он, похоже, рассосался. Теперь на этом месте была тонкая белая линия, не более дюйма длиной.

— На вид он старый.

— Наверное, я получила его, когда была ребенком. Ты же знаешь, как ведут себя дети. Вечно ударяются обо что-то, падают.

— Странно, но мне кажется, что я его никогда не видел.

Каролин изо всех сил старалась дышать ровно. Она ничего не могла сказать ему. Пока она еще нуждалась в его утешении и поддержке, каким бы несправедливым способом ей это ни доставалось. И через неделю правда не изменится.

— Я и не подозревала, что ты так хорошо знаешь каждый дюйм моего тела.

— К несчастью, нет. — Он положил руки ей на плечи и повернул к себе лицом.

Его внезапный гнев, казалось, рассеялся, и на лице появилось странное выражение. Оно не было проявлением удивления, досады или желания, это была какая-то смесь всех этих трех чувств.

— Джейсон, что-то не так?

Медленно освободил он из рукавов ее руки.

— Я не уверен. В течение последнего часа я был очень зол на тебя. Но теперь это мне не кажется таким важным. — Он прикоснулся к ее ключицам и начал ласкать их пальцами. — Скажи, дорогая жена, тебе это нравится?

— Что?

Он улыбнулся и слегка ущипнул ее кожу:

— Это. Мои прикосновения. Твои глаза стали такими глубокими, туманными, губы слегка приоткрылись и обнажили зубы, я даже вижу кончик языка.

Его руки поднялись выше, и он провел пальцами по ее губам, слегка задев при этом острые края зубов и влажный кончик языка.

От пронзительного желания, возникшего в лоне, Каролин закрыла глаза.

— Что ты хочешь от меня? — прошептала она. — Моего унижения? Мне нужно признаться тебе, как сильно я...

— Я только хочу поцелуя. Поцелуй меня, Синтия. Противостоять его мольбе Каролин не могла.

Приподнявшись на цыпочки, она обвила шею Джейсона руками и поцеловала его долгим поцелуем. Он обнял ее, но не стал продолжать поцелуй. Он ничего не требовал, только брал то, что она давала ему. Каролин целовала его с наслаждением. Потом прижалась головой к его груди. Грудь его часто вздымалась. Тепло его рук было испепеляющим.

— Благодарю, — прошептал он хрипло. — Ты сказала мне то, что я хотел узнать.

— Что именно? — Она, озадаченная, подняла голову.

— Я в другой раз скажу тебе об этом. — Кривая, почти мальчишеская улыбка тронула его губы. — Теперь нам лучше одеть тебя к обеду, иначе твоя тетка задаст нам трепку.

Довольно успешно он помог ей облачиться в вечернее платье из черного бархата. Каролин пригладила волосы. В течение всего обеда она снова и снова ощущала на себе взгляд Джейсона, иногда задумчивый, иногда испытывающий, порой мягкий, порой жгучий. Она почти не участвовала в общей беседе; все ее мысли были заняты внезапной переменной в поведении Джейсона. Как только она появилась, он весь кипел от гнева, он был так разъярен, как бывает разъярен отец на непослушное дитя. Но, успокоившись, он стал довольным, любящим, желающим ее. Он даже попросил ее поцеловать его! Похоже, он хотел ее без своей обычной брезгливости. Почему? Может быть, поцелуй ее был свидетельством происшедших в ней или в нем перемен? Но Каролин не могла себе представить, что могло растопить лед, столько времени сковывавший его сердце. Она уговорила себя не беспокоиться. Просто принять. Принять и радоваться.

Этот вечер был невероятно длинным. Ее глаза все время обращались к высоким дедовским часам, стоявшим у стены. Как она хотела, чтобы они поторопились. Вскоре после девяти она поднялась и попросила извинить ее, сославшись на то, что слишком устала. Джейсон взял ее руку, и они вместе вышли.

Присцилла ждала ее в комнате. Пока служанка помогала ей раздеться, она постоянно чувствовала, что Джейсон смотрит на нее. Но сейчас глаза его почти ощутимо ласкали ее и гладили. В то время как вчера он бросал произвольные, краткие взгляды. Сегодня ее раздевание заняло все его внимание. Он хотел ее и даже не собирался скрывать этого. Сердце Каролин бешено заколотилось. Неужели сегодня ночью он придет к ней?

Как только Присцилла вышла из комнаты, Джейсон поднялся и стал раздеваться сам. Каролин взобралась на кровать и, до пояса натянув одеяла, сидела и смотрела на него. Он не спеша снял туфли и чулки. Такими же ленивыми движениями он развязал галстук, снял сюртук, расстегнул на рубашке пуговицы. Раздеваясь, он ни на минуту не спускал с Каролин глаз. Он видел, как зарумянились ее щеки, как время от времени кончиком языка она смачивала губы, как под шелковой сорочкой набухли ее соски. Каролин тоже не могла оторвать от него взгляда. Внутри ее зарождалось и болезненно разрасталось удивительное чувство восторга.

Джейсон отбросил в сторону последние предметы своего туалета и стоял перед ней совершенно нагой и несмущенный. Желание его было очевидным и сильным. Неслышными шагами он подошел к кровати и всего в нескольких дюймах от нее застыл. Каролин едва могла дышать.

— Сегодня я хочу спать с тобой.

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами. Голос ее изменил ей.

— Сегодня и все другие ночи, — продолжал он. Он протянул руку, взяв ниспадающую прядь волос, намотал ее на палец. — Видишь ли, я хочу отменить старое соглашение и составить новое. Я хочу твое тело и твоей любви. Никакого больше притворства. Я хочу, чтобы ты действительно была моей женой. Ты согласна заключить со мной новую сделку?

Легкое дрожание его пальцев, которое она ощущала, вздымало в ней волны желания. Он с нетерпением и со страхом ждал ее ответа.

— Да, — едва слышным шепотом ответила она. Она сглотнула и ответила более твердо:

— Да, я согласна.

Его ноздри затрепетали. Он взял ее руку и, поднеся к своему лицу, прижал ладонь к своей

щеке. Он поцелуями каждую подушечку ее пальцев и снова вернулся к ладони. Его жаркое дыхание обжигало ее кожу, заставляя дрожать все тело.

Джейсон закрыл глаза.

— Я хочу, чтобы сегодня тебе было хорошо со мной. Хочу дать тебе такое наслаждение, которого ты никогда не знала. Ты позволишь мне это?

Каролин кивнула:

— Тебе не нужно спрашивать. Я твоя.

Он снова прижался ртом к ее ладони и закрыл глаза. Его тело оставалось неподвижным. Потом он отбросил изысканные покрывала. Медленно поднимая ее ночной наряд, он дюйм за дюймом обнажал ее тело: сначала колени, потом бедра и наконец через голову снял совсем. Глаза Джейсона стали с жадностью исследовать ее нагое тело. Он лег подле нее и, взяв в одну руку пышную грудь, не спеша обследовал ее, потом так же лениво добрался до другой. Все это время взгляд его следил за своей рукой и за тем, как она отвечает на его ласки. Она не скрывала охватившего ее желания. Соски ее набухли.

Руки его продолжали творить свое чудо у нее на спине. Он проследил пальцами каждый ее позвонок и спустился к плавным линиям ягодиц. Звук его прерывистого дыхания волновал Каролин не меньше, чем его опытные руки. Она тихо застонала и беспокойно повела ногами, сгорая от желания. Джейсон не упустил возможности. Он сзади просунул руку между ее ног и, ощутив самое интимное место, центр ее желания, издал вздох наслаждения.

— Очень хорошо, — выдохнул он. — Все хорошо. Ах, моя милая девочка!

От изнеможения Каролин застонала и закусила простыню:

— Джейсон, прошу тебя, я не могу... О да! Джейсон, пожалуйста, поцелуй меня.

Он повернул ее на спину и увлек под себя. Он покрывал поцелуями ее губы, глаза, щеки, шею. Они были такие сладкие и нежные, как мед. Он целовал ее всю. Его губы и язык ласкали все ее тело, грудь, живот, а пальцы продолжали свое захватывающее дух исследование. От этих прикосновений Каролин изгибалась, задыхалась, была не в состоянии ни говорить, ни думать. Она хотела его всего; ее руки металась по всему его телу, лаская его плоть, где только могли достать.

Такими же ленивыми движениями Джейсон сполз по ее телу вниз, пока не оказался между ее ног. Он опустил голову, а она вскрикнула:

— Нет! Ты что делаешь?

— Доставляю тебе наслаждение, — хрипло ответил он. — Доверься мне. Расслабься. Я ничего неприятного для тебя не сделаю.

Каролин с трудом заставила себя расслабиться и отдалась на волю его ласк. Она никогда не могла себе представить той потрясающей, захватывающей радости, какую его губы и язык вызывали в ней. Теперь все ее внимание, каждое чувство было сконцентрировано там, в центре ее тела. Там, где его рот оставлял влажную печать, ее тело горело и пульсировало. Его язык терзал твердую почку центра ее наслаждения до тех пор, пока она не набухла и не запульсировала. У нее перед глазами заплясало множество вспыхивающих искорок. Чувство

набирало силу и скорость до тех пор, пока не стало таким острым, что отозвалось болью. Каролин в стенаниях произнесла имя Джейсона, голова ее упала набок, и тогда в глубинах ее тела радостным взрывом лопнуло что-то, чему нет имени, и электрическими волнами пробежало по всему телу. Она вся напряглась; бедра, когда удовольствие переполнило всю ее, поднялись, и с глухим стоном она упала и расслабилась.

Ее глаза распахнулись, в них появилось выражение незащищенности, выражение женщины, получившей высшее удовольствие. Джейсон, увидев румянец на ее щеках, улыбнулся, но в его глазах не было мечтательного тумана, мягкости или удовлетворенности. Он был как свернутая пружина. От сексуального возбуждения он весь дрожал. Каролин кончиками пальцев прикоснулась к его напряженным бокам.

— Иди ко мне сейчас, — прошептала она. — Я хочу ощутить тебя внутри себя.

Из горла Джейсона вырвался хриплый стон, и он медленно погрузился в нее. Все так же медленно начал он свои ритмичные движения, то глубоко погружаясь, то почти полностью оставляя ее. Лоб его и верхняя губа покрылись испариной. Каждое его движение вызывало в ней новое желание. Наконец он достиг своей высшей точки. Взрыв его необузданной страсти вызвал в ней новую вспышку ее потрясающего переживания. Вместе они достигли вершины и на мгновение растворились друг в друге и в собственной радости.

Джейсон безвольно обмяк в ней, дыхание его было тяжелым.

— Я люблю тебя, — прошептал он прямо в ухо и поцеловал ее мочку.

Глаза Каролин от удивления расширились, и в тот же миг она испытала взрыв невыразимого счастья.

— Я люблю тебя, — тихо призналась она.

Боль терзала ее грудь. О да, он любил, все это так. Как безумно ей хотелось, чтобы предметом его страсти была она. Но не ее любил Джейсон. Он любил Синтию!

* * *

В течение последних двух дней их пребывания в Грешам-Холле и по дороге назад, во время всего пути следования в Кент, Каролин продолжала находиться под впечатлением непонятной перемены в поведении Джейсона. Если раньше при каждом удобном случае он старательно избегал ее общества, то теперь он почти все время находился подле нее. Она часто ловила на себе его теплый и любящий взгляд. Он брал ее за руку, обнимал за плечи, временами он оставлял свое занятие и целовал ее в губы и щеки. Ночью, когда они оставались одни, он страстно занимался с ней любовью, и иногда она просыпалась среди ночи, разбуженная потоком его поцелуев, которыми он покрывал ее лицо и тело. Он владел ею с нежностью и страстью, властно и требовательно, с радостной готовностью обследуя ее тело и находя те местечки, лаская которые мог доставить ей наслаждение.

В сжатом пространстве купе поезда, следующего в Лондон, он спал вместе с Каролин на ее узкой постели. В этой крохотной комнатке их уединения он снова и снова дарил им обоим необъяснимое счастье. Он никак не мог до конца насладиться ею, и Каролин была счастлива выполнять его желания. Он учил ее таким вещам, которые доставляли удовольствие ему самому, удивляясь и радуясь ее готовности учиться. В своих ухищрениях и уловках они были свободны, а когда жажда утолялась, они смеялись и весело болтали о разных светских пустяках. Каролин не без успеха гнала от Себя всякую мысль о будущем. Она отказывалась

думать о том, что случится, когда они вернутся домой. Как она скажет Джейсону правду и что потом будет делать? Вместо этого она просто жила и наслаждалась каждым прожитым днем, каждым мгновением.

Они остановились в Лондоне, чтобы навестить мать Джейсона. Каролин была счастлива снова увидеться с Селеной. Селена встретила ее с не меньшей радостью. То и дело она бросала удивленные взгляды на своего сына, который был раскован, беззаботен и открыто обожал свою жену. Но по поводу его удивительного преобразования она не проронила ни слова.

Во второй день их пребывания в доме его матери Джейсон уехал по делам. Каролин наедине беседовала с Селеной.

— Дорогая, я вдруг узнаю, что у тебя была сестра, которая с кем-то убежала!.. Всем было известно, что сэр Невилл хотел выдать свою дочь замуж за человека из старинного и знатного рода.

— Полагаю, что последнее — правда, — признала Каролин. — Семья отца менее двух веков назад занималась торговлей. Он считал, что это позорное пятно еще не совсем было заглажено.

— А как насчет сестры, это правда? — настойчиво поинтересовалась Селена.

— Не-ет, не совсем. — Каролин отвела взгляд от слишком пронзительных глаз женщины. Ей вдруг внезапно захотелось рассказать этой доброй женщине всю правду.

Селена терпеливо ждала продолжения и не давила на Каролин. Каролин сглотнула и принялась рассматривать руки. Она не могла ей сказать. Какой бы понимающей ни была Селена, она не примет мистификации актрисы, притворявшейся ее невесткой, которая легла в постель с ее сыном без благословения на брак, да еще продолжает лгать ему относительно себя. От слез у нее сдавило горло.

— Я... я люблю Джейсона. Я хочу, чтобы вы поверили этому.

— Я верю, моя дорогая. Это видно по твоим глазам, по тому, как ты поворачиваешься к нему, когда он входит в комнату, как цветок следует за солнцем. И это взаимно.

Но Каролин по другой причине чувствовала себя несчастной. Если он узнает, как Каролин обманула его, он возненавидит ее. Она вспомнила то отвращение, которое прозвучало в его голосе, когда он спросил, неужели она так низко пала, что стала актрисочкой. Одного факта, что на протяжении пяти лет она была актрисой в странствующей труппе, будет достаточно, чтобы вызвать в его глазах презрение. Но кроме всего прочего, она еще лгала ему, обманывала его. Его гордость будет задета: он решит, что она сделала из него дурака. Он почувствует себя униженным оттого, что признался ей в любви, и возненавидит за то, что она вновь пробудила в нем искру любви к Синтии. И сердце его снова будет терзаться от боли, потому что Синтия не изменилась и она не любит его. Теперь он разгневается на нее еще больше, чем если бы она рассказала обо всем до смерти отца. Если бы она тогда раскрыла правду, он выкинул бы ее на улицу немедленно.

Все же она должна сказать ему! Она ненавидела этот обман, в котором жила. Само то, что он, занимаясь ли с ней любовью, признаваясь ли ей в своей любви, всегда считал ее Синтией, было для нее незаживающей раной. Она гадала, как долго еще сможет терпеть эту пытку и продолжать обман.

Каролин зажала рот и подавила в себе признание, готовое сорваться с губ. Наблюдавшая за ней Селена озабоченно нахмурилась и быстро сменила тему:

— Моя дорогая, я тебе рассказывала об именинах леди Эбернейти?

Каролин с благодарностью улыбнулась:

— Нет, кажется, нет. Что же там случилось?

Селена с головой окунулась в воспоминания и с улыбкой поведала ей о вечере в доме этой достойной женщины. Темы о перемене в Джейсоне и их браке они больше не касались.

* * *

Спустя несколько дней они уехали из Лондона, сгорая от нетерпения увидеть Лорел и снова оказаться в Браутон-Курт. Каролин немало была удивлена тому, как наполнилось ее сердце радостью и любовью, когда вдаль она увидела Браутон-Курт, изысканный и ненавязчиво красивый. Она улыбнулась и воскликнула:

— Ах, как приятно снова оказаться дома!

Джейсон бросил на нее быстрый взгляд и улыбнулся:

— Я всегда чувствую то же самое. Курт своим очарованием околдовал и тебя.

— Да, думаю, что это так. Я только хочу...

— Хочешь чего? Продолжай.

Каролин не предполагала затевать этот разговор, поскольку боялась обидеть Джейсона, но, раз уж так получилось, она закончила мысль:

— Я как-то видела на чердаке удивительно красивую мебель. Тогда я подумала, что было бы неплохо одну-две комнаты обставить ею. Мою комнату и, возможно, гостиную наверху.

Его глаза от удовольствия заблестели.

— Но, дорогая, ты сама заново обставила весь дом. А теперь ты хочешь вернуть все на место?

Значит, Синтия сама убрала Браутон-Курт по последней моде, сделав его слишком совершенным и до некоторой степени пустым. Могло бы показаться странным, что теперь ей вдруг захотелось сменить мебель на старую.

— Я не имела в виду весь дом, — поспешно объяснила она. — Только комнату или две. Я думаю, что мне разонравился стиль моей спальни. Мне бы хотелось чего-то более простого и изысканного. Жаль, что мебель на чердаке ветшает напрасну, тем более что она так соответствует стилю дома и эпохе, когда он был построен.

Мы могли бы мебель из моей спальни поставить в одну из пустых комнат третьего этажа.

— Конечно. Ты свободна в выборе, можешь изменить любую комнату по своему вкусу и желанию. Я привык к перестановкам, моя мать бесконечно занималась этим.

Карета остановилась. Снова они обошли выстроившихся для приветствия в ряд слуг. Каролин

осталась довольна собой, потому что на этот раз она называла каждого из них по имени и для каждого у нее нашлись отдельные слова приветствия. Она вспомнила, какой была нерешительной, когда увидела их впервые. Как только они закончили эту процедуру, Джейсон и Каролин вместе поднялись в детскую.

Лорел бросилась на шею к ним обоим, обвила их руками и приложила максимум усилий, чтобы обнимать и целовать их одновременно. Каролин, вставшая, чтобы поприветствовать Лорел на колени, от такого избытка чувств со стороны девочки потеряла равновесие и упала на пол. Со смехом она села, и Лорел уселась у нее на коленях. Каролин взглянула на Джейсона, и улыбки, которыми они обменялись, были теплыми и многозначительными. Она подумала, что никогда раньше не видела его таким счастливым и раскрепощенным. Глубокие складки вокруг глаз и рта расправились, и теперь, когда уголки рта были приподняты, его лицо уже не казалось грустным. Каролин страстно пожелала, чтобы он таким оставался всегда, чтобы они могли остановить это мгновение и оно могло длиться всю их жизнь.

Она почувствовала, как ей стало не по себе, и оглянулась. Ее взгляд встретился с глазами Бонни, рот которой был крепко сжат и выражал неодобрение, а в глазах няни светились негодование и злоба. Каролин понимала, что Бонни считает, что она предала свою сестру и превратилась в покорную рабыню Джейсона. Но это была не правда. Она любила Синтию и не собиралась ее бросать. Но столкновение с такой воинствующей преданностью испортило момент близости и тепла. Ее жизнь может оставаться такой всегда. Находя для себя одно оправдание, другое, она продолжала оттягивать момент правды, пытаясь сохранить радость любви и страсти Джейсона. Но больше оттягивать было нельзя. Ради Джейсона, ради нее самой она должна была рассказать ему об обмане.

Горячие слезы обожгли ей глаза, она наклонила голову, чтобы скрыть их. Скоро все кончится. Она все скажет Джексону, уйдет, чтобы кое-как влачить существование, а не радоваться жизни. Две недели — назвала она срок. Она даст себе еще две недели, еще две недели будут они наслаждаться, а потом расскажет ему обо всем. Прежде чем все кончится, у нее будет еще две недели радости.

Глава 15

За время отсутствия Каролин пришло письмо от Люси Карлайл. Неразборчивым торопливым почерком мисс Карлайл благодарила леди Браутон за проявленный интерес к ее работе и приглашала Каролин заглянуть к ней в школу, когда та будет в Лондоне. Она также писала, что была бы рада увидеть Лорел и что, если Каролин только пожелает, приложила бы все усилия, чтобы проанализировать состояние девочки и сделать вывод о ее возможностях, также дать рекомендации. Между делом она давала несколько советов относительно Лорел, которые Каролин могла выполнить сама.

Каролин поспешно прочитала письмо и быстро спустилась вниз в кабинет Джейсона. Он вскинул голову, удивившись ее внезапному появлению, и улыбнулся:

- Вижу, тебя что-то очень обрадовало.
- Да, Джейсон, посмотри. Это письмо от мисс Карлайл.
- Она уже ответила? Отлично.
- Понимаешь? Она приглашает меня в Лондон, в свою школу.
- Тебе хотелось бы поехать?

— Очень, — не задумываясь ответила Каролин и тотчас вспомнила, что, если запланирует визит в Лондон, тогда ее достаточно долго не будет в Браунтон-Курт. — Ей было бы интересно посмотреть на Лорел. Возможно, она действительно сумеет нам помочь.

Джейсон внимательно осмотрел свои кончики пальцев и проговорил:

— Дорогая, я надеюсь, ты не возлагаешь слишком уж большие надежды на эту мисс Карлайл, вряд ли она сумеет изменить Лорел.

— Мне не нужно, чтобы она изменилась. Я хочу сказать, что люблю ее такой и просто хочу, чтобы любая возможность могла быть использована для ее развития. Я хочу помочь ей, чем только могу. Я не ожидаю от нее сразу потока слов или что она начнет себя вести как остальные дети. Если бы только можно было хоть немного раздвинуть горизонты ее возможностей, если бы можно было использовать каждый шанс для ее обучения и развития...

— Понимаю. — Он взял ее руку в свои. — Мы позаботимся о том, чтобы дать ей каждый шанс. Но, прошу тебя, не разрывай из-за этого себе сердце.

— Не буду, обещаю тебе. Как ты думаешь, сможем мы пригласить сюда мисс Карлайл? Здесь она бы посмотрела Лорел, и я могла бы поучиться у нее, как мне быть с девочкой. Уже в этом письме она дает мне несколько практических советов.

Каролин обратилась ко второй странице и пробежала пальцем по строчкам.

— Например, она пишет, что для того, чтобы научить Лорел правильно говорить, я должна, произнося слова, подносить ручку Лорел к своим губам, чтобы она чувствовала, как выходит воздух при формировании различных звуков. Тогда ребенок сможет тренироваться и сам: с помощью собственной руки проверять, правильно ли получаются звуки. Еще она говорит о ритмических играх и песенках, которые помогают тренировать определенные звуки.

Джейсон склонился над письмом.

— «Но более всего, — прочел он, — требуются терпение и настойчивость. Иногда начинает казаться, что то, чего вы добились сегодня, забыто назавтра, и все приходится начинать сызнова. Помните, что труд не пропадает напрасно. Вы должны стоять на своем. Это похоже на тяжелое бремя».

— Я думаю, что так оно и есть, — согласилась Каролин, — но как радостно, когда видишь у Лорел хотя бы крохотный прогресс. Ты можешь себе представить, как я гордилась ею, когда на днях она протянула свою чашку няне и сказала: «Еще». Теперь она сама может надевать свою сорочку и штаны. Присцилла делает сейчас для нее тряпицу, на которой будут нашиты пуговицы различных размеров и сделаны различные петли, так что мы сможем тренироваться застегивать и расстегивать их. У мисс Карлайл тоже есть свои соображения на этот счет. Она предложила сшить для Лорел несколько простых платьев с широкими рукавами и большими пуговицами. Тогда Лорел будет гораздо легче одеваться. Тогда я смогу учить ее одеваться.

Джейсон сжал ее руку и нехотя отпустил.

— Если хочешь, пригласи ее. Я не стану возражать против того, что для Лорел может оказаться полезным, и ты это знаешь. Даже если она ничего не сможет сделать для Лорел, достаточно уже того, что она зажгла этот огонь в твоих глазах.

— Вот и хорошо. Я приглашу ее, пусть приезжает, как только сможет.

— Решено.

Каролин импульсивно склонилась и поцеловала его в щеку, потом круто повернулась и вышла из кабинета. Иногда Каролин думала, что не сможет оставить этот дом и перенести разлуку с Джейсоном и Лорел. Если она сумеет устроить приезд мисс Карлайл, то по крайней мере она будет спокойна, что сделала максимум возможного для девочки и ее отца. Она будет знать, что не только брала, но и давала что-то взамен.

Каролин не стала медлить с ответом. Она тотчас набросала записку Люси Карлайл, в которой поблагодарила за письмо и пообещала непременно зайти к ней в школу, когда в другой раз будет в Лондоне. Свое краткое послание она закончила сердечным приглашением в Браутон-Курт в любое удобное для мисс Карлайл время, предложив в качестве возможной даты ближайший конец недели. А чтобы мисс Карлайл не беспокоилась о стоимости проезда или ей не пришлось, поступаясь своей гордостью, позволить Каролин оплатить ее билеты, Каролин добавила, что экипаж Браутонов будет в полном ее распоряжении и сможет доставить мисс Карлайл из Лондона в Браутон-Курт и обратно. Она отдала письмо Джейсону, чтобы тот оплатил его, и тотчас отправила, надеясь, что Люси Карлайл сможет приехать в предварительно назначенный ею день. Ей очень хотелось познакомиться с этой женщиной и поговорить с ней. Если бы у нее все получилось, как она задумала, она бы узнала, сумеет ли мисс Карлайл помочь Лорел в развитии. Тогда, покидая ребенка, она не будет чувствовать за собой вины, а только печаль.

Последующие несколько дней были для Каролин самыми приятными в жизни, если не считать тоски по отцу. Каждый день выезжали они с Джейсоном верхом, и однажды он даже взял ее с собой для инспекции полей, они говорили о разных арендаторах, об урожае и о его любви к земле. Третий день их пребывания в Браутон-Курт после возвращения из Озерного края подходил к концу.

Закат был ясным и не по сезону теплым. Хотя стоял уже декабрь, воздух был не прохладнее, чем ранней осенью. Рождество в Браутон-Курт отметят уже без нее, думала Каролин и постаралась как можно быстрее избавиться от этой предательской мысли. Она уедет тогда, когда решила: больше не может быть никаких предлогов и отговорок. Нельзя допускать в голову мысли о будущем или о тех событиях, которые будут происходить здесь в ее отсутствие, нужно думать только о настоящем, о сегодняшнем дне. А сегодня был отличный день для пикника!

Она не знала, как возникла эта идея, но чем больше она об этом думала, тем больше она ей нравилась.

Сначала она сообщила о своих планах кухарке, а потом отправилась в детскую, чтобы собрать Лорел. Они встретили Джейсона, когда уже уезжали, и он тотчас же вызвался составить им компанию. Сэр Браутон шагнул в маленькую повозку, запряженную пони, и уселся, согнув свои длинные ноги. Каролин и Лорел, зашлись от смеха. Они подъехали к Кузнечному озеру и расстелили возле него одеяло.

Еда была превосходной, воздух согрет солнцем, и все было пронизано жизнерадостным веселым настроением. Каролин показывала Лорел различные формы жизни, которыми изобиловали окрестности пруда. Девочка просто задыхалась от восторга, замечая серебряную спину рыбы, мелькнувшую у поверхности воды, хохотала и хлопала в ладоши при виде ковыляющих куropаток и громко вскрикивала, когда зимородок стремительно нырял в воду. К моменту возвращения в Браутон-Курт волосы ее были растрепаны от ветра, одежда кое-где запачкана землей и помята. Но все они решили, что хотя очень устали, но просто

замечательно провели время. Одного взгляда на сияющее лицо Лорел было достаточно, чтобы понять то, что она не могла выразить словами.

Джейсон и Каролин оставили Лорел в детской на попечение Бонни, которая тотчас начала сокрушаться по поводу неопрятного вида ребенка и быстро стала готовить ее для ванной. Джейсон взял Каролин за руку, и они спустились к себе в комнату.

Джейсон горестным взглядом окинул свою одежду: брюки на бедре, там, где его зацепил колючий ежевичный куст во время буйной игры в пятнашки, были слегка порваны. К куртке, оттого что он возился с Лорел на земле, пристали кусочки травы и грязи.

— Думаю, что ванна и смена одежды мне тоже не помешают.

Каролин улыбнулась, и ее голубые глаза потемнели от ожидания.

— Вы позволите мне быть вашим камердинером, милорд?

— Ничего лучше пожелать я бы не мог.

Она стала помогать ему раздеваться, то игриво, то соблазнительно расстегивая пуговицы на его одежде и стягивая ее с тела. Пока она трудилась, его руки неустанно исследовали плавные линии ее фигуры, и время от времени он останавливал ее и принимался целовать губы, шею, лицо. Когда он остался совершенно голый, Каролин было направилась к его гардеробу, чтобы вытащить свежую одежду, но он удержал ее.

— Тебе не кажется, что пора поменяться ролями?

Каролин не ответила, а только улыбнулась. Джейсон по очереди снял все вещи и отнес ее на огромную кровать с высоким балдахином. Там они долго и лениво предавались прелестям любви, одновременно достигнув высшего наслаждения радости.

Они лежали в объятиях друг друга, расслабившиеся и удовлетворенные, тихо разговаривали, смеялись, в то время как их руки, медленно скользя, продолжали дарить друг другу, нежные ласки. Каролин старалась получше запечатлеть это мгновение в своей памяти, чтобы, когда она покинет Браутон-Курт, ей было о чем вспомнить, что лелеять. Мир ее вдруг стал серым и пустым. Джейсон зевнул и вытянулся.

— Мне нужно посмотреть кое-какие счета в кабинете.

Каролин разочарованно надула губы, а Джейсон рассмеялся, потом, склонившись над ней, поцеловал эти очаровательно скривившиеся губки.

— Мне казалось, что ты хотела одеть меня?

Каролин кокетливо опустила ресницы.

— У милорда были другие более важные поручения для своей служанки. — Она легко спрыгнула с кровати и нагая отправилась к гардеробу, в то время как Джейсон, заложив руки за голову, наблюдал за ней оценивающим взглядом. Каролин принесла ему белье и рубашку, услужливо застегнула пуговицы и запонки на манжетах. Джейсон не мог удержаться и, протянув руку, провел по соблазнительным обнаженным бедрам, но она увернулась и, дерзко покачав головой, отошла, извлекла желто-коричневые брюки и темно-коричневый жилет.

— Это подойдет вашей светлости?

— Совершенно.

— Джейсон взял у нее брюки, а жилет Каролин положила на стул и принялась изучать ряд висевших перед ней сюртуков и курток. Внимание ее привлек висевший в углу сюртук ИЗ тонкого сукна такого же темно-шоколадного цвета, что и жилет. Она извлекла его и, вытянув на руках, спросила:

— А это, милорд?

Джейсон, надевая жилет, бросил на нее быстрый взгляд и улыбнулся:

— Я приму точно такой, но не этот. — Беззаботно он указал на рукав сюртука. — Здесь на рукаве не хватает пуговицы. Достань мне тот, твидовый.

Каролин повесила сюртук и, приподняв осиротелый рукав, осмотрела его. Пуговицы действительно не хватало. Ниже пришитой золотой пуговицы на полдюйма выступала порванная нитка. Внезапно Каролин замерла, ей показалось, что в легких у нее совсем не осталось воздуха. Дрожащими пальцами она поднесла рукав ближе к глазам и уставилась на одинокую уцелевшую пуговицу. На золоте был отштампован рисунок. На фоне щита лежало неизвестное животное. Пуговица с точно таким рисунком лежала теперь на дне ее лакированной черной шкатулки: пуговица, которую она оторвала от сюртука человека, напавшего на нее в гостинице Антигуа!

У нее перед глазами Заплясали черные мушки, и, чтобы не упасть, она оперлась на центральную стойку гардероба. Оцепенело она повесила сюртук на место и вытащила твидовый, который просил Джейсон. Она чувствовала себя оглушенной и не могла не только говорить, но, казалось, и логически мыслить. Как во сне протянула пиджак и отступила назад. Внезапно с отчетливой ясностью она осознала, что не одета, и поспешно принялась натягивать на себя одежду. Ее охватила дрожь.

Этого просто не могло быть! В Англии и в колониях на сюртуках может быть еще сотня таких пуговиц. У нее не было никаких доказательств того, что та пуговица была пришита именно на сюртуке Джейсона.

— Почему, почему ты не распорядишься пришить?

— Пришить что? Ах, пуговицу. Потому, что я ее потерял и не смог найти. А другой такой же у меня нет.

— Но почему же ты не купишь?

— Я не могу. Этот набор пуговиц был изготовлен специально для меня. Ты видела рисунок на ней? Это герб семьи Хемби. Ты же знаешь крепость Хемби? Этой землей первоначально владели они. Их последний отпрыск — женщина — вышла замуж за одного из Браутонов. Одно время на гербе Браутонов присутствовала геральдическая символика Хемби, но потом она исчезла. Но мне этот герб был довольно симпатичен, и я специально заказал для этого сюртука эти пуговицы. Но так получилось, что он мне не приглянулся, и, когда пуговица потерялась, я не посчитал нужным заказать новую.

Ошибки быть не могло, как не могла во всем свете отыскаться вторая такая пуговица. Сюртук с подобными пуговицами был только у Джейсона.

Она знала, что была бледной и вся дрожала, и лишь надеялась, что Джейсон не станет вглядываться в нее.

— Мне нужно прибрать волосы, — прошептала она и направилась в сторону их общей двери.

— Конечно, любовь моя. — Джейсон перехватил ее по пути и запечатлел на губах легкий поцелуй. — Хотя такая ты мне больше нравишься.

Каролин выдавила легкую улыбку.

— Несколько вульгарно для обеда, тебе не кажется?

Он усмехнулся, она выскользнула из его рук и вышла в открытую дверь. Хотя ей очень хотелось закрыть разделяющую их дверь, но она воздержалась. Она села к туалетному столику и принялась возиться с волосами, тщетно пытаясь уложить их в аккуратный узел. Краем глаза она наблюдала за соседней комнатой. Джейсон скрылся из ее поля зрения, и минутой позже она услышала, как хлопнула входная дверь его спальни. На лестнице раздался слабый стук его каблуков. Каролин извлекла черную лакированную коробочку, в спешке едва не уронив ее, и поставила на комод. Вытерев об юбку вспотевшую ладонь, она подняла крышку и заглянула внутрь. Золотая пуговица лежала сверху. Каролин осторожно извлекла ее и, зажав в ладони, бросилась в комнату Джейсона к неясно вырисовывающемуся силуэту шкафа. Найдя коричневый сюртук, она вытащила его рукав на свет и приложила к нему золотую пуговицу, найденную ею в комнате отеля. Она ничем не отличалась от других: ни формой, ни цветом, ни рисунком.

Каролин закрыла глаза и сжала пуговицу в ладони с такой силой, что та врезалась ей в кожу.

От этого было не уйти: пуговица принадлежала Джейсону, значит, Джейсон напал на нее в Антигуа. И Джейсон попытался ее убить!

* * *

Весь остаток дня Каролин провела у себя в комнате, слоняясь взад и вперед и размышляя. Несмотря на то что все указывало на Джейсона, она все же никак не могла поверить тому, что он пытался убить ее. Вспоминая то утро, когда она обнаружила пуговицу, она пыталась найти другое объяснение. Она ведь не помнила, чтобы в пылу борьбы отрывала пуговицу, это был ее собственный домысел, что пуговица, должно быть, оторвалась от пиджака ее обидчика. Возможен вариант, что Джейсон, считая, что нашел свою жену, проник к ней днем, вероятно, ожидая ее, осматривал комнату. Тогда-то и могла оторваться разболтавшаяся пуговица. А напасть на нее мог и другой человек, вовсе не хозяин пуговицы.

Стой ночи в Вест-Индии у него было достаточно возможностей, чтобы свести с нею счеты. Тем не менее он не сделал этого. Возможно, один раз в приступе ревности он и посягнул на ее жизнь, но потом, когда гнев остыл, он жестоко пожалел об этом. Почему же он не стал заканчивать свое черное дело, почему сбежал? Теперь, когда его любовь к Синтии возродилась вновь, он не станет причинять ей вред.

Каролин вздохнула и пробежала рукой по волосам. Дура! Нельзя быть такой слепой в своей любви, ведь на карту поставлена вся ее жизнь. Пытаясь еще раз спокойно и рассудительно взглянуть на происшедшее, она вспомнила о мышьяке, о седле, которое внезапно расстегнулось, о смирной кобыле, которая ни с того ни с сего вдруг понесла. Будучи доверчивой, она могла бы сказать, что происшествие с седлом было простой случайностью, чего никак нельзя было сказать об отравлении мышьяком. Кто-то дважды пытался убить ее, а

если к вопросу подходить строго, то и все три раза. Кто еще, кроме Джейсона, мог пытаться убить ее? Пуговица — подтверждение тому, что во время первого нападения в Антигуа Джейсон был там. Джейсон также был и на охоте, он даже стоял рядом и нагнулся, чтобы проверить ее лошадь, что было весьма удобно для ослабления подпруги. Он также находился в Браунтон-Курт, когда она страдала от мышьякового отравления, и только у него были мотивы желать ее смерти.

Но зачем нужна была Джейсону ее смерть? Он часто говорил, что любил Синтию. Но разум подсказывал ей, что это могло быть частью его плана. На публике они должны были разыгрывать любящую парочку, чтобы в случае ее смерти отвести от него все подозрения.

— О нет, — сказали бы слуги, — его светлость так любил ее. Они всегда были вместе, ворковали, как птички.

Джейсон внезапно изменил свое решение не спать с ней сразу после похорон ее отца — после оглашения завещания. В ту самую ночь первый раз он сказал ей, что любит, и стал с тех пор любящим и нежным мужем, что было довольно странно, особенно если вспомнить, как он вел себя с ней прежде. Каролин была слишком счастлива в его любви, слишком ревновала его к Синтии, что даже ничуть не удивилась этой внезапной перемене.

Наверное, во время чтения завещания ее отца в Грешам-Холле Джейсон узнал нечто, о чем не знала она. Он ведь так и не сообщил ей потом, что было сказано в завещании. Теперь ответ на этот вопрос был для нее очень важен. Каролин даже не спросила его об этом и не поговорила с поверенным сэра Невилла. Возможно, Джейсон боялся, что, раз отец Синтии не оправдывал ее поведения, он мог лишиться ее наследства. Вероятно, он ждал обнародования завещания, чтобы убедиться в том, что Синтия действительно унаследовала состояние сэра Невилла. А если это так, то, естественно, муж станет обладателем всего в случае смерти жены.

Может показаться странным, что она спрашивает о завещании, когда прошло столько времени. А если в нем было нечто, что могло указать на его вину, он вряд ли ей скажет. Конечно, она могла бы написать поверенному и постараться все выяснить, но пока он получит ее письмо, пока ответит ей, она погибнет.

Ей немедленно захотелось упаковать все самое необходимое и тайно сбежать этой же ночью. Но не было такого места, где Джейсон не отыскал бы ее. Она могла бы признаться и сказать, что не была Синтией, но, если он решил убить ее, это вряд ли поможет. Все думают, что она Синтия, и, если она умрет, все будут думать, что умерла Синтия. Это только сыграет Джейсону на руку, а она, кроме быстрой смерти, потому как он вряд ли позволит ей уехать и раскрыть правду кому-нибудь еще, ничего не добьется.

Каролин провела в агонии неопределенности целый вечер, но так и не пришла ни к какому решению. Она оделась и спустилась к ужину. От страха ее сердце бешено колотилось. Как смотреть Джейсону в глаза и вести себя так, словно ничего не произошло? Несомненно, он увидит, что она что-то подозревает, весь ее облик об этом говорит.

Гостиная была пуста. Каролин села в кресло и в ожидании Джейсона приняла скучающее выражение лица. Как только он широкими шагами вошел в комнату и увидел ее, лицо его расплылось в широкой улыбке. Сердце Каролин разрывалось на части. Каждый раз, когда она видела его, все ее существо переполнялось любовью. Сейчас она терялась в неопределенности и боялась самих своих чувств к нему.

Каролин внимательно посмотрела ему в лицо, пытаясь найти хоть какой-то признак двуличия,

но, кроме открытого обожания, не увидела ничего. Она встала и подошла к нему. Он притянул ее к себе и поцеловал. Тщетно пыталась мисс Браунтон расслабиться, она даже первый раз не ответила на его поцелуй.

Джейсон освободил ее и отступил назад. Его лоб удивленно нахмурился.

— Любимая, что случилось?

Каролин облизнула губы и, чтобы не встретиться с ним взглядом, отвернулась.

— Я, я не очень хорошо себя чувствую. Болит голова. Боюсь, что слишком долго пробыла под солнцем на пикнике.

Он улыбнулся и пробормотал:

— Но поскольку было не слишком много любви...

Джейсон погладил ее по волосам, Каролин слабо улыбнулась:

— А разве возможно получить слишком много ее?

— Только не для меня.

Они пообедали в сравнительной тишине, затем Каролин, извинившись, удалилась в свою комнату. На лице Джейсона отразилась озабоченность, но не подозрение.

— Ты уже приняла порошки от головной боли? Наверное, следовало бы.

— Да, непременно. Думаю, что после отдыха мне станет лучше.

Каролин надеялась, что эта отговорка избавит ее от визита Джейсона. В своей спальне она облачилась в скромную ночную рубашку. Присцилла принесла ей стакан воды, забеленный растворенными в ней порошками от головной боли. Но как только служанка вышла, Каролин вылила содержимое стакана в вычурную ночную вазу. Потушив свет, она забралась в постель. Как только она услышала стук двери, ведущей в спальню Джейсона, тотчас закрыла глаза и притворилась крепко спящей. Шаги приблизились к открытой двери, соединяющей обе спальни, и замерли. Каролин старалась дышать ровно и медленно. Входить в ее спальню он не стал, и она расслабилась.

Было слышно, как он начал раздеваться. Потом погас свет, и снова его шаги направились к ее комнате, только теперь он не остановился, а прошел прямо к ее постели и улегся рядом. Матрац от его тяжести прогнулся. Непроизвольно Каролин повернулась, и глаза ее широко распахнулись. Она слишком поздно вспомнила, что хотела притвориться спящей. Она сонно сощурилась и потерла лицо.

— Джейсон?

— Да, любимая, я не хотел будить тебя. Я уже лег в своей постели, но там так одиноко...

Он просунул ей под плечи руки и придвинул к себе. Каролин усилием воли заставила себя прижаться к нему, чувствуя, что разрывается между любовью и подозрительностью. Он запечатлел у нее на лбу целомудренный поцелуй и, не требуя ничего взамен, быстро заснул. Каролин отодвинулась на другой конец кровати. Прошло несколько часов, прежде чем она сумела уснуть.

Когда утром она проснулась, Джейсона уже не было. На крышке туалетного столика лежал сложенный вчетверо листок бумаги. Она с любопытством развернула его и прочла. В записке говорилось: «Жди меня в десять часов у сторожевой башни старой крепости, в сгоревшей пристройке. Джейсон». Каролин нахмурилась. Все это казалось абсурдным. Она перечитала записку несколько раз, но все же не могла понять ее. Возвратила записку на туалетный столик и слегка прижала ее краем шкатулки с украшениями. Присциллу попросила приготовить амазонку и сделать простую прическу. Она даже не могла себе представить, что могло быть у Джейсона на уме, но не приехать, не вызвав его подозрения, ей бы не удалось.

После легкого завтрака она выехала верхом на Фелиции, умышленно опоздав на несколько минут. Просто ей не хотелось задерживаться на развалинах дольше необходимого времени. Тем не менее никаких признаков могучего белого жеребца Джейсона она не увидела. Каролин спешила и привязала кобылу к нижним веткам дерева, бросив мимолетный взгляд на густые заросли деревьев, которые даже зимой из-за сплетенных между собой ветвей и вечнозеленого кустарника оставались непроницаемыми.

Она уже собиралась войти в изуродованную пожаром пристройку старой крепости, когда вдруг почувствовала, что за ней следят. Точно такое чувство она испытала ранее, когда посетила это место в первый раз. Каролин медленно повернулась и ничего не увидела. Она осторожно ступила под полуразрушенную кровлю и всмотрелась в темноту.

Большая часть крыши давным-давно рухнула, но высокие стены затеняли интерьер. Когда-то здание имело в высоту два или три этажа.

— Джейсон?

Приподняв подол платья, она шагнула по усеянному обломками полу. Пахло сыростью, обгорелым деревом и распадом. Каролин обогнула торчащую между стеной и полом балку.

За серой каменной глыбой камина что-то хрустнуло, и женщина, окаменев от страха, остановилась. Кто-то или что-то, находившееся там, шевельнулось. «Наверное, всего лишь крыса», — сказала она себе и от этой мысли вздрогнула. Она уже хотела пробираться к выходу, когда услышала рядом с собой протяжный треск. Казалось, что закопченная каменная стена пришла в движение и вот-вот рухнет внутрь, придавив ее. Она уже представляла себе это, когда впервые оказалась на развалинах сторожевой башни. Но теперь это была не фантазия, стены двигались на самом деле!

Каролин отпрыгнула в сторону и врезалась в торчащую балку. Она отскочила и упала на пол, и в этот самый момент с оглушительным грохотом рухнули камни. Земля под ней от ударов тяжелых каменных глыб, падавших на пол, ударявшихся друг о друга и крушащих все вокруг, дрожала. В воздухе кружилась каменная пыль, зола, труха. Каролин непроизвольно свернулась калачиком и прикрыла голову руками. Что-то ударило ее по ноге, и еще несколько болезненных ударов пришлось по спине. Земля и воздух вибрировали. Постепенно грохот прекратился. От пыли и грязи Каролин задышалась.

Не думая ни о чем, она попыталась сесть, но спина ее уперлась в тяжелую деревянную поверхность. Поморщившись от боли, она снова упала. Подняла голову и увидела, что деревянная балка, на которую она налетела раньше, спасла ей жизнь. Две другие балки, сорвавшиеся с потолка, когда рухнули старые стены, уткнулись в землю, образовав над Каролин что-то типа низкого шалаша. Свернувшаяся калачиком, она почти вся укрылась за этой защитой. Вокруг нее повсюду валялись каменные глыбы.

Каролин выбралась из своего убежища и вскарабкалась на груды каменных обломков, опасаясь, что вот-вот от любого движения балки могут сдвинуться и обрушиться на нее.

Пока дюйм за дюймом она выползала наружу, острые обломки камня порвали ее рукава и расцарапали руки. Наконец она очутилась на свободе, встала на ноги и по искореженной земле стала с трудом пробираться к провалу выхода. Выбравшись из завала, она тотчас бросилась бежать, чтобы как можно быстрее вырваться на свет божий. Не останавливаясь добежала она до лошади. Фелиция торцевала и фыркала: сначала ее напугал грохот обвала, а затем выскочившая женщина, несущаяся прямо на нее. Каролин привалилась к лошадиному боку, схватилась за седло и зарылась лицом в жесткую гриву кобылы.

Она зашла в жестоком кашле, легким не хватало воздуха, ее била дрожь. Понимая только, что ей необходимо оказаться в безопасности, Каролин кое-как взобралась в седло, и напуганная Фелиция поскакала в направлении дома. Минувя конюшню, Каролин устремилась прямо к парадному входу в дом и только возле самых ступенек остановилась.

В холле на скамеечке отдыхал привратник. Как только она ворвалась внутрь, он вскочил с места и выдохнул: «Миледи?»

Мельком в зеркале Каролин увидела свое отражение. Вся она была покрыта пылью и серою мукой. Волосы были растрепаны и спутаны; амазонка в нескольких местах была порвана, рукава изодраны в клочья, руки были порезаны и кровоточили. Внезапно она стала смеяться и плакать одновременно. Плечи ее судорожно вздымались, и она медленно осела на пол.

О том, что было позже, после того как у входа в Браутон-Курт с ней случилась истерика, у Каролин остались весьма смутные воспоминания. На испуганные крики привратника прибежал Барлоу, вслед за ним явились миссис Морли и Присцилла. Они причитали и о чем-то спрашивали ее. Кто-то, возможно привратник, отнес ее в спальню, где она была оставлена на попечение женщин. Присцилла сняла с нее испачканную кровью одежду, перевязала на руках глубокие ссадины и порезы, с трудом натянув ночное белье. Служанка уложила ее в постель и осталась рядом, пока не появилась миссис Морли с дымящейся чашечкой чая.

Вскоре дрожь, бившая Каролин, унялась, и несчастная погрузилась в сон. Когда двумя часами позже она пробудилась и потянулась, то почувствовала непереносимую боль во всем теле. Воспоминания о происшедшем нахлынули на нее. Стянув с себя ночную рубашку, Каролин выбралась из кровати и стала осматривать больные места. На ноге у нее красовался лиловый кровоподтек, несколько синяков поменьше было на спине — следы попавших в нее осколков камня. Ее локти и предплечья были закрыты белыми марлевыми повязками. Проползая между булыжниками, она во многих местах стерла и поцарапала кожу.

Каролин надела фланелевый халат и, лишенная каких-либо сил, вернулась в постель. Ее снова начала колотить дрожь, как только она вспомнила тот жуткий момент, когда увидела падающую на себя каменную стену.

Открылась дверь, в комнату вошел Джейсон. Лицо его было бледным и осунувшимся.

— Что случилось? — хрипло спросил он, подойдя к постели.

— На меня рухнула стена. Я едва не погибла!

— Стена? Где? Что произошло?

— Конечно, у сторожевой башни Хемби. В обгоревшей пристройке. Одна из стен обвалилась.

— Мой Бог! Я никогда бы не подумал! Мне следовало давным-давно снести это место, но я представить себе не мог, что стены еле держатся.

— Но почему для встречи со мной ты выбрал именно это место? — воскликнула Каролин.

Он замолчал и уставился на нее.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Как о чем? О крепости Хемби! — с болью и отчаянием выкрикнула Каролин. — Где ты попросил меня встретиться с тобой сегодня утром.

Его брови недоуменно поползли вверх.

— Где я — что?

— Джейсон! Почему ты заставляешь меня повторять уже сказанное? Сегодня утром ты попросил меня встретиться с тобой у крепости. Пока я была там, одна из стен рухнула.

— Я не просил тебя встречаться со мной там.

Теперь пришел черед Каролин вытаращить на него глаза.

— А записка? Записка, что ты оставил для меня сегодня утром.

— Я не оставлял тебе никакой записки. — Его брови сошлись на переносице. — Моя дорогая, миссис Морли сказала, что, когда ты вернулась домой, с тобой случилась истерика.

— Что ж, я думаю, это случилось бы с каждым, рухни на него стена.

— Конечно-конечно, — ответил он примирительно. — Тем не менее я не уверен, можешь ли ты еще... я хотел спросить, тебя не ударило по голове?

— Нет, по голове меня не ударило! Почему ты не хочешь признаться, что оставил мне эту записку? — Каролин вылезла из постели, от страха у нее свело живот. — Я покажу тебе. Я оставила ее здесь, под шкатулкой с драгоценностями.

Она поспешно направилась к туалетному столику и остановилась. Шкатулка с драгоценностями стояла на месте, но сложенного белого листка бумаги под нею не было. Записка Джейсона исчезла.

Глава 16

Каролин резко повернулась к Джейсону, ее глаза были расширены, и в них отразилось смятение.

— Но я утром... была здесь. Перед тем как уйти на встречу с тобой, я оставила ее здесь.

— Что в ней было написано?

— Я точно не помню. Но что-то вроде: «Встретимся в десять часов у сторожевой башни старой крепости». И еще там была указана обгоревшая пристройка.

— Я не писал тебе никакой записки, — медленно и мрачно произнес Джейсон. — Я проснулся

рано и решил верхом отправиться к миссис Биком. Ее муж был одним из наших арендаторов. В прошлый четверг он умер.

— И ты так долго у нее пробыл?

— Конечно, нет. Я ехал садами и остановился поговорить с Фредом Гастингсом. Нора пригласила меня остаться и пообедать с ними. Отказываться было бы невежливо. — Он замолчал, продолжая одной рукой гладить ее волосы. — Любимая, ты же не думаешь, что я...

Каролин порывисто отвернулась от него:

— Нет, не трогай меня!

Джейсон застыл, его глаза потемнели, а рот сжался в тонкую линию. Мгновение он напоминал того Джейсона, которым был, когда Каролин только встретилась с ним. В глазах вспыхнуло какое-то неясное чувство, но что это было — боль или ненависть, она не поняла. Он выпрямился.

— Прошу прощения, что побеспокоил тебя. Тебе нужно отдохнуть. Я уйду.

Он вышел из комнаты, и Каролин вернулась в постель, сердце в груди разрывалось.

Только одна причина могла заставить Джейсона отказаться от записки, только одна причина, чтобы забрать ее сразу после ее ухода, — никто не должен был знать, что он просил ее встретиться с ним у старой крепости в десять часов. В ней были точно указаны место и время, где на нее рухнул пролет стены. По всем правилам ей следовало уже быть мертвой. Без ее заявления, без записки никто не узнал бы, что она не случайно оказалась в башне. Все представилось бы несчастным случаем.

Все это мог устроить Джейсон. Слишком уж было подозрительно то, что стена обвалилась именно в тот момент, когда он назначил ей там встречу. Должно быть, он каким-то образом ослабил стену или нашел в ней слабое место. Лошадь можно было укрыть в зарослях, где ее никто не заметил, а сам он спрятался там же до прибытия Каролин. Пока она была внутри здания, он прокрался к стене, прислушиваясь к ее шагам, а когда она поравнялась с Нужным отрезком, он толкнул стену. Как мог он сделать это? С помощью тяжелого бревна? Какого-то инструмента? А может быть, просто руками и невероятной силой, если стена была достаточно слабой?

Из горла Каролин вырвалось рыдание, и она руками закрыла лицо. Нет! Он не мог! Все же сам отказ от записки был удручающим. А что, если ее написал еще кто-то?

Каролин выпрыгнула из постели и подбежала к небольшому секретеру. Выдернув средний ящик, она стала шарить в нем, пока не нашла список гостей, приглашенных на охоту, написанный рукой Джейсона. Она долго рассматривала твердые, аккуратные буквы, пока строчки не поплыли у нее перед глазами. Слезы выкатились у нее из глаз и заструились по щекам. Сомнений быть не могло, это был один и тот же почерк.

Остаток этого дня и большую часть следующего Каролин, парализованная страхом и неопределенностью, провела в постели. Она не могла оставаться, но и не могла уйти. Она боялась Джейсона, но мысль, что он хотел убить ее, была ей непереносима. Пойти ей было некуда и обратиться было тоже не к кому. Ее бил озноб, она плакала и вздрагивала. Никогда дни не казались ей такими длинными.

Поздним вечером следующего дня Джейсон пригласил ее в свой кабинет. Каролин не хотела идти, но понимала, что должна. Ей нужно было лицом повернуться к проблеме и принять какое-то решение. Накануне Джейсон уже видел страх в ее глазах. Важно было показать ему, что она оставалась сильной, способной справиться с любой опасностью, хотя это было не так.

Как только она вошла в кабинет, Джейсон соскочил со стула с такой поспешностью, словно сидел на иголках.

— Хорошо, что ты пришла, — начал он без вступления и заложил руки за спину.

Как мог этот человек желать ей зла. Все застонало в ней. Как только она увидела его, сердце ее сжалось, но не от страха, а от любви к нему. Вокруг его глаз она заметила морщинки усталости и подумала, что, должно быть, последнее время он плохо спал. С тех пор как они повздорили из-за записки, он не приходил к ней и даже не поинтересовался ее здоровьем. Каролин захотелось прикоснуться к его бровям и кончиками пальцев расправить складки.

— Я хочу известить тебя, что несколько дней меня не будет дома.

Он неловко оперся о край стола.

Первым ее движением было броситься к нему и умолять не оставлять ее. Без него она чувствовала себя испуганной и беззащитной. Но, увидев выражение его лица, она сжала губы.

— Сколько времени тебя не будет?

Он пожал плечами:

— Несколько дней, возможно, неделю. Это имеет значение? — Его глаза цинично блеснули. — У меня ведь нет причины оставаться здесь, не так ли?

— Нет, конечно, нет.

— Кроме того, мне кажется, что без меня станет лучше. Ты почувствуешь себя в большей безопасности.

Каролин не подняла головы и ничего не сказала.

— Я хочу, чтобы ты обещала мне одну вещь и твердо выполнила свое обещание. Обещай, что выезжать верхом без конюха ты не будешь. Не высовывай из дома носа без сопровождения конюха.

— Да, конечно.

Это было ей непонятно. Джейсон уезжает и принимает меры для ее безопасности. Конечно, если бы он собирался ее убить, то не стал бы этого делать, если это все не маскировка.

— Я нанял для твоей защиты человека из Лондона.

— Что?

— Я нанял охранника. Его зовут Уилсон, и он выступает в роли конюха. Этот человек будет выезжать с тобой на лошади. Он будет наблюдать за домом. У него есть опыт, он хорошо владеет кулаками, является прекрасным стрелком. Он сможет защитить тебя, если ты не помешаешь ему.

— Конечно. Зачем мне мешать?

У нее засосало под ложечкой. Несомненно, этот Уилсон был знатоком своего дела. Но Каролин подумала, был ли он нанят для защиты или для того, чтобы убить ее, пока Джейсон будет спокойно отсутствовать?

— Куда... куда ты едешь?

— В Лондон. У меня там дело. Теперь скажи, ты мне обещаешь?

— Да, без Уилсона я никуда не выйду.

— Хорошо. Барлоу обещал мне, что сам лично будет подавать тебе всю еду, до последнего кусочка, предварительно проверив ее на одной из кухонных кошек.

— Послушай, Джейсон, а тебе не кажется, что это несколько смахивает на мелодраму?

— Да, как, впрочем, и отравление мышьяком.

Она вскинула голову:

— Значит, ты мне поверил?

Какое это могло иметь значение? Конечно, он верил ей, если сам и был тем человеком, кто подкладывал мышьяк в ее еду.

— Несколько многовато случайностей происходит вокруг тебя. Боюсь, что моя доверчивость пошатнулась.

Он замолчал, на мгновение в его глазах отразилась такая боль, что Каролин так захотелось кинуться ему на шею.

— Я люблю тебя, — произнесла она отрывисто, неожиданно для себя.

— Любишь? — Сдержанная улыбка едва тронула его губы.

— Да, удивительно, но это так.

Джейсон вздохнул и поднялся.

— Надеюсь, что не разлюбишь, — произнес он, но не сделал попытки прикоснуться к ней или поцеловать. — Я уеду завтра утром и не стану тебя будить, чтобы попрощаться.

Он решительно выпрямился, Каролин тоже встала.

— Что ж, в таком случае, до свидания, Джейсон.

— До свидания.

Каролин быстро, не осмелившись бросить на Джейсона прощальный взгляд, вышла из кабинета. Она боялась, что он увидит ее слезы отчаяния.

* * *

Следующим утром Каролин не спешила одеваться и пить свой утренний чай. Она понимала,

что это промедление было вызвано нежеланием выходить из комнаты, и она принялась настойчиво упрекать себя: то, что может произойти с ней в других комнатах дома, может с таким же успехом случиться с ней и в ее собственной комнате.

Она спустилась в столовую и в торжественном одиночестве приступила к завтраку. Этим утром блюд с разогреваемой пищей на буфете не было. Появился Барлоу и важно спросил, что бы она желала к завтраку. Потом он оставил ее, чтобы передать ее пожелание кухарке. Когда несколькими минутами позже он снова появился, взяв ветчину и яичницу, она подумала, что на самом деле он скормил кошке небольшую порцию одного и другого. Лицо Барлоу оставалось непроницаемым. Представив себе, как достойный Барлоу наклоняется, чтобы угостить кошку кусочками с ее тарелками, она не могла не улыбнуться.

Теперь ей казалось, что во всем деле появился элемент нелепости. Настроение у Каролин поднялось, и она впервые за много дней по достоинству оценила еду, приготовленную кухаркой.

После завтрака Каролин отправилась наверх, чтобы немного поиграть с Лорел. Джейсон не причинит ей никакого вреда, пока она с Лорел. Каролин знала, что не может ошибиться относительно его чувства к дочери. Когда он смотрел на девочку, в его глазах светилась искренняя любовь. Но с чувством вины она подумала, что ей не стоило прикрываться Лорел, как щитом, обороняясь против своего мужа, вернее Джейсона.

Она строила планы, как выбраться из Браунтон-Курт. Синтия смогла ускользнуть от Джейсона, значит, и Каролин тоже сможет. Она пустит в ход грим и переодевание — то, чему научилась за годы пребывания в актерской группе. Во время своих путешествий она встречала различные типы англичан: кокни, клерков, бывших скотниц и фабричных работниц. Она могла симитировать их поведение, речь, буквально растворившись в толпе. Деньги не составили для нее проблемы. Пока она была здесь, Джейсон назначил ей щедрое содержание. Тратила она очень мало, только на подарки и безделушки для Лорел. Она чувствовала себя неловко оттого, что намеревалась использовать деньги Джейсона, чтобы сбежать от него. Но с другой стороны, что было в этом несправедливого, если он вообще хотел отнять у нее жизнь?

Еще несколько дней пробудет она с Лорел, потом ночью выскользнет из дома. На Фелиции к утру сможет добраться до Барема и купить билет до Дувра, даже не меняя своей внешности. Там в гостинице она снимает комнату и выйдет из нее, чтобы отправиться в Лондон, уже другой женщиной. Джейсон никогда не подумает, что она могла двинуться туда, где находился сам. Лондон — это самое верное место, где легко затеряться. Она найдет для себя самую дешевую комнату, возьмется за какую-нибудь небольшую работу, никак не связанную с театром. Так она сумеет прожить в безопасности, пока не решит, что будет делать дальше.

Проблема состояла в том, как незаметно вывести из стойла Фелицию. Каролин могла и сама взнуздать и оседлать лошадь, но ей придется действовать очень осторожно и тихо, чтобы не разбудить конюхов. Еще ей предстояло решить, как улизнуть незаметно для Уилсона. Завтра она отправится на прогулку верхом, но прежде заглянет в комнаты конюхов. По крайней мере хоть будет иметь представление, как этот Уилсон выглядит. А если повезет, то, может быть, выудит у него сведения о его ночном распорядке.

Вечером она рано удалилась в свою комнату и тщательно заперла обе двери: в коридор и в комнату Джейсона. Почувствовав себя в относительной безопасности, она забралась в кровать и потушила свет. Но ум ее еще бодрствовал. Чтобы уснуть, ей потребовался еще час.

Вдруг в сознание Каролин проник резкий звук, и она широко распахнула глаза. Минуту лежала

она, окоченев от страха. Медленно расслабилась и принялась шарить глазами по комнате. Луна тускло освещала комнату. Она немного приподнялась и оперлась на локти, размышляя о том, что могло разбудить ее. Несомненно, что страх завладел ее сном, и от ночного кошмара она проснулась, дрожа от ужаса.

Вдруг ей показалось, что из соседней комнаты доносятся какие-то звуки. Она видела, как ручка двери медленно и бесшумно повернулась и с щелчком замерла. Потом так же медленно ручка вернулась в прежнее положение. Еще мгновение Каролин продолжала таращиться на дверь, сердце ее учащенно забилося. Наконец она заставила себя выбраться из кровати и на цыпочках подойти к двери. Она наклонилась и приложила глаз к замочной скважине, но ничего, кроме темноты, увидеть не могла. Не станет же кто-то бродить по комнате Джейсона, раз обнаружил, что войти через эту дверь ему не удастся.

Она вернулась в постель. Ей ничего не оставалось, как только лежать тихо и неподвижно под одеялами, вновь переживая дикий страх. Над головой раздался какой-то скрип. Руки Каролин вонзились в простыни. Она выскочила из кровати и посмотрела наверх. На пологие ничего не было.

Над головой раздался новый шум: на этот раз шаги. Каролин судорожно сглотнула, это не был плод ее разыгравшейся фантазии.

Первый звук походил на звук, издаваемый стулом, который царапает пол, вслед за которым раздался шум шагов. На третьем этаже, в комнате над ней, кто-то находился. Но на этом этаже никто, кроме Лорел и Бонни, не жил. Детская была расположена в другом конце коридора. Каролин была уверена, что никто из них не отправился так далеко по темному, страшному коридору.

Она уселась в ближайшее кресло, подтянула нога к подбородку и обняла руками ослабшие колени. Необъяснимый ужас охватил ее, когда она вспомнила рассказы о сумасшедших родственниках, обычно скрывааемых на чердаках, о сбежавших от правосудия преступниках. На протяжении нескольких минут Каролин от безумного ужаса преследуемой охотником добычи безмолвно тряслась в кресле, не в состоянии проронить ни звука. Но в конце концов, сжав руки в кулаки, она сумела заставить себя успокоиться. Хотя пальцы ее еще слабо вздрагивали, она все же смогла зажечь стоящую у кровати настольную лампу. Со светом, рассеявшим дальние тени ее комнаты, ей было проще бороться со своими страхами.

На третьем этаже не мог проживать человек, планирующий убить ее, иначе слухи о безумном родственнике, запертом на чердаке, дошли бы до нее. Нелепо предполагать, что кто-то неделями мог жить в этом доме, оставаясь незамеченным, говорила она себе. Тем более что во время охоты весь этаж вымыли, прибрали, и он был битком набит гостями. Никакой тайный жилец не пережил бы этого. Глупо, о чем только можно думать в середине ночи.

Каролин снова вернулась в постель и натянула на плечи одеяла. Она убавила свет лампы, но не стала выключать его совсем. Но даже и со светом мысли ее беспрестанно возвращались к одному и тому же. Только спустя несколько часов смогла она заснуть.

Утром ее разбудил струящийся в окна дневной свет. Она пожалела, что накануне не заставила Присциллу завесить их, но в то же время ей не хотелось лишать комнату доступа лунного света. Чувствуя себя разбитой, она села и протерла глаза. Веки словно налились свинцом. Теперь ей казалось, что ночью без сна она пролежала бесконечно долго.

Каролин дернула за шнур звонка и потушила лампу. Это было непредусмотрительно: уснуть, не

потушив свет. Теперь, в свете дня, ей представлялось абсурдным, что ночью она думала, будто там кто-то скрывается.

Одевшись и позавтракав, она пошла навестить Лорел. На верхних ступеньках лестницы бросила мимолетный взгляд в дальний конец длинного тусклого холла. Все двери этажа были плотно прикрыты. Холл освещался только светом, проникавшим в окна, располагавшиеся по обе стороны коридора. Каролин, немного помешкав, направилась в детскую.

Лорел, как и всегда, была счастлива видеть ее. Каролин знала, что с девочкой ей многого удалось добиться. Обычно, работая с Лорел, Каролин чувствовала огромное удовлетворение и гордость, но этим утром ей стоило огромного труда сосредоточиться на играх и уроке.

Выглянув из окна детской, она вдруг осознала, что уже несколько дней не выходила из дома. Гордость ее была задета, никогда она еще так не трусила. Сегодня нужно будет непременно выехать. Таким способом она познакомится с Уилсом и узнает о том, насколько далеко конюхи находятся от лошадей ночью.

Покидая детскую незадолго до полудня, на ступеньках лестницы она помедлила. Мог ли прошлой ночью находиться кто-то наверху? Если она поочередно будет открывать двери каждой комнаты и заглядывать внутрь, то сумеет заметить какие-либо признаки вторжения. Каролин выпрямила плечи, направилась вдоль коридора и открыла первую дверь. Груды мебели, закрытой белыми простынями, громоздились в холодной комнате. Каролин закрыла дверь и, чтобы согреться, потерла руки. Она продолжила свой осмотр. Следующая комната мало чем отличалась: со спущенными тяжелыми шторами, темная и холодная, накрытые кресла, кровать. Закрыла и эту дверь и проследовала дальше.

Чем ближе она подходила к середине дома, тем темнее становилось в коридоре, поскольку свет поступал только из окон, располагавшихся в противоположных его концах. Становилось не только темнее, но и холоднее. Как только она приблизилась к комнате, которая была как раз над ее спальней, шаги ее замедлились. Каролин, заколебавшись, остановилась. До заветной комнаты оставалось еще одна дверь или две. Она почувствовала дрожь в ногах, ледяные струйки пота стекали по спине. Она ничего не могла с собой поделать. Страх сковал ее члены, и открыть дверь она не могла.

Каролин повернулась и бросилась бежать назад по длинному коридору и вниз по ступенькам. Ее охватило настоятельное желание оказаться на улице, ощутить ветер и открытое пространство, подставить лицо ласковым лучам солнца. Ворвавшись в комнату, она перепугала служанку, прибиравшую ее постель. Девушка подпрыгнула:

— Ой, миледи, вы меня напугали!

— Прости, Луиза. Я очень тороплюсь. Ты не сможешь мне переодеться?

— Да, конечно, миледи.

Лицо девушки засияло. Ей было приятно, что представился такой шанс — стать служанкой самой миледи, пусть и на несколько минут. Проворства и умения Присциллы ей явно не хватало, все же она смогла расстегнуть застежку платья и справиться с корсетом, что в первую очередь мешало одеваться самой.

Вскоре Каролин была готова. Когда она появилась на конюшенном дворе, ее увидел Джек — конюх, который обычно седлал ее кобылу. Он снял шапку и ухмыльнулся:

— Вам нужна Фелиция, миледи?

— Да, пожалуйста.

Каролин вошла в конюшню и огляделась. Ей хотелось узнать, где же конюхи спят. Но ничего, кроме стойл и сеновала, она не увидела, хотя была абсолютно уверена, что спят они не в доме вместе с остальными слугами. Каролин полагала, что они должны были находиться ближе к лошадям. Она вышла.

С одной стороны амбара находилась комната для приема пищи. Возможно, что за ней находилось жилище Бродаса. Как бы невзначай прошла она в противоположную сторону и увидела дверь, ведущую в другую боковую комнату. Если она сумеет тихо оседлать Фелицию...

— Ну вот, миледи, готов. — В ее мысли ворвался жизнерадостный голос Джека, и она вздрогнула. — Простите, мэм. Похоже, что в последние дни мы все стали немного нервничать. Это все из-за того страха, что пережили вы на днях, и он все ходит вокруг да около.

Он еле заметно кивнул головой в сторону человека, направляющегося к ним из парка.

— Кто это?

— Новый конюх. Во всяком случае, так говорит Бродас. Но я до сих пор ни разу не видел, чтобы он работал в стойлах. Все время слоняется повсюду.

Джек помог ей сесть верхом и потянул поводья.

— Это Уилсон?

— Да, мэм. Хозяин говорит, что он должен повсюду сопровождать вас, куда бы вы ни поехали. Поэтому я оседлал и вторую лошадь.

Уилсон снял головной убор и приблизился к ним.

— Миледи, я Джордж Уилсон, к вашим услугам. Лорд Браутон просил меня присмотреть за вами, пока его не будет.

— Да, я знаю. Я обещала Джейсону без вашего сопровождения не выезжать из Браутон-Курт.

Уилсон надел кепи и взял из рук парня поводья. Он был человеком плотным, крепкого сложения, с квадратным лицом, черты которого были тяжелы и непроницаемы, брови срослись на переносице в одну сплошную линию. Он казался упрямым и несговорчивым.

Каролин подумала, что с ним она будет чувствовать себя в полной безопасности, конечно, если он нанят действительно для этого.

Он неуклюже взобрался на лошадь, и Каролин заметила, что поводья держал он как новичок. Про себя она вздохнула. Если позволить ему неотступно следовать за собой, то галопа сегодня не получится. Она пустила лошадь ровным шагом. Охранник следовал за ней на почтительном расстоянии. Раз или два она оборачивалась, чтобы взглянуть на него, и каждый раз видела, что он изучает окрестности.

Сначала Каролин не решила, куда направиться, и просто позволила Фелиции легко скакать вперед по тропинке. Фелиция устремилась в направлении деревни, и Каролин решила следовать в Хокли. Там она могла бы купить Лорел игрушку или красивые ленты в волосы —

подарок на память, когда Каролин уедет. Она выехала на тропинку через рощу, поросшую дубами и каштанами, к подножию холма, где и начиналась деревня. Ближе к деревне тропинка становилась шире.

Выехав из леса, они поднялись на вершину холма. Каролин, как всегда, остановилась, чтобы полюбоваться видом.

Небольшой городок с причудливой старой церквушкой и домом приходского священника раскинулся у ее ног. Рядом с домом его преподобия Нельсона была привязана замечательная белая лошадь. Жеребец Джейсона! Второй такой поблизости быть не могло.

Каролин резко развернула лошадь и направила ее назад. Уилсон еще скакал ей навстречу и находился поодаль. Лошадь Джейсона он может не узнать, но если тот вдруг выйдет из дома, то уж его-то он не преминет узнать. Таким образом, ему нельзя было видеть то, что увидела она. Каролин не хотела, чтобы Уилсон догадался, что она знает правду. Эта крупная информация была в ее руках единственным оружием, хотя пока она не знала, как им воспользоваться.

Повстречавшись с Уилсоном на дорожке, она скованно улыбнулась:

— Поехали назад, хорошо?

Человек пожал плечами и, позволив Каролин объехать его, начал свои неуклюжие маневры, чтобы развернуть коня и последовать за ней.

Почему Джейсон солгал ей? Она думала, что он хотел быть в Лондоне с хорошим алиби, в то время как Уилсон в Браутон-Курт совершит свое черное дело — убьет ее. Может быть, Уилсон тут и ни при чем: возможно, Джейсон нанял Уилсона специально, чтобы показаться заботливым, а самому спрятаться у Нельсонов и планировать расправу с ней. Но может быть, нужны они оба, чтобы инсценировать несчастный случай. Возможно, Джейсон сговорился с Миллисент, чтобы та помогла избавиться от Каролин, а затем помчится в Лондон, чтобы у него было алиби.

Она не знала, что и думать. Не было ничего определенного, кроме того факта, что Джейсон был здесь, отчего побег ее делался еще рискованнее. Она рассчитывала, что Джейсон в Лондоне, что Барлоу понадобится время, чтобы известить его о побеге. Да и самому лорду Браутону для начала поисков нужно было вернуться. В нынешних же условиях он сможет напасть на ее след немедленно. Его присутствие означало, что ей следовало оставить Браутон-Курт безотлагательно. Она не знала его планов.

Бежать нужно сегодня ночью. Каролин слегка пришпорила лошадь, и кобыла понеслась легким галопом. Оглянувшись на своего телохранителя, Каролин пришлось сдерживать улыбку. Уилсон подпрыгивал мячиком на спине лошади, лицо его было сосредоточенным и мрачным. Какими бы навыками он ни обладал, верховая езда явно не входила в их число. Теперь она была уверена, что, когда она на Фелиции, он ее не догонит.

Когда они оказались в конюшнях, Каролин соскользнула с лошади и протянула поводья помощнику конюха. Кивнув Уилсону, она отправилась в дом. Ум ее занимали мысли о предстоящем этой ночью побеге.

Когда она подошла к задней двери, ее встретил Барлоу:

— Миледи.

— Да.

— Господин Хью ждет вас, миледи.

— Что? О, где же он?

— Я проводил его в гостиную.

— Очень хорошо. Спасибо.

Каролин окольными путями прошла к гостиной первого этажа. Какая незадача. Почему Хью выбрал именно этот день для посещения? С натянутой улыбкой она вошла в дверь.

— Кузен Хью, какой приятный сюрприз. Прошу прощения, я только что приехала.

Хью проворно встал из уютного кресла, в котором сидел, удобно расположившись.

— Кузина Синтия! — Он грациозно склонился над ее рукой. — Когда мне сказали, что ты выехала верхом на лошади, я едва поверил своим ушам. — Его глаза весело поблескивали. — Но я подумал, что, если ты действительно отправилась на прогулку, значит, в скором времени должна вернуться. И я остался подождать твоего возвращения.

— Я рада, что остался. Надеюсь, что ожидание не слишком утомило тебя.

— Вовсе нет. Я здесь всего несколько минут.

— Мне снова придется рассчитывать на твою доброту. Боюсь, что мне нужно переодеться. — Каролин с беспокойством осмотрела свою амазонку. — Ты извинишь меня?

— Нет, пожалуйста не беспокойся. Ты хороша такая, как есть. Я задержу тебя всего на несколько минут.

— Но ты должен остаться на ленч, — вежливо предложила Каролин, хотя, по правде говоря, хотела, чтобы он уехал как можно быстрее.

У нее было столько дел, и Джейсон скрывался поблизости, и нанятый им человек ждал в конюшне, чтобы неотступно следовать за ней. Ей нужно было обо всем серьезно подумать, а светский визит вежливости Хью Сент-Джона только станет причиной досадной отсрочки. Но ей следовало оставаться вежливой, чтобы не вызвать его подозрений.

Взглянув в его приятное открытое лицо, Каролин в одну минуту захотелось обрушить на него всю правду и попросить о помощи.

Было похоже, что Синтия вызывала у него симпатию, и, если бы ей удалось убедить его в том, что Джейсон опасен, он бы мог помочь ей скрыться.

Вся проблема состояла в том, что все друзья и родственники Джейсона были очень лояльно к нему настроены. Хью никогда не поверит, что его кузен пытался убить жену. Нет, признаваться Хью не следовало. Как и всегда, ей нужно было рассчитывать только на свой ум.

Хью с готовностью улыбнулся и покачал головой:

— Нет, очень сожалею, но я не могу пообедать с тобой. У меня встреча, на которую я не должен опаздывать. Я просто хотел заглянуть и убедиться в том, что у тебя все в порядке и ты

хорошо себя чувствуешь. Джейсон рассказывал мне, что произошло с тобой на днях.

— Да? Я и не знала, что вы с тех пор виделись.

В свои слова Каролин не вложила никакого потаенного смысла. Это были просто слова, ничего не значащий разговор. Однако Хью отвел глаза, и легкая краска залила его шею. Каролин поняла, что уличила его во лжи. В следующую минуту она уже знала, почему он здесь.

Вероятнее всего, оставив Браутон-Курт, Джейсон направился к кузену. Это было бы логично — укрыться у Хью, если Джейсон хотел оставаться в окрестностях. Несомненно, это он прислал Хью узнать, чем она занимается. Каролин не думала, что Хью был в курсе замыслов Джейсона. Он выполнил просьбу Джейсона потому, что любил его.

Каролин оборвала невнятные объяснения Хью:

— Что ж, как видишь, я в полном порядке. Даже с утра отправилась покататься, но по просьбе Джейсона взяла с собой конюха.

Она полагала, что именно это хотел узнать Джейсон, посылая в Браутон-Курт своего двоюродного брата, несомненно, под предлогом его, мужа, озабоченности. Ей было интересно, какую же историю он сочинил для Хью, чтобы объяснить необходимость поездки в Лондон.

— О да, ты выглядишь замечательно. Просто замечательно, — сделал Хью неудачную попытку продолжить разговор, но Каролин не приложила усилий, чтобы поддержать его, и немного погодя он отбыл. Она посмотрела, как он оседлал своего рысака и выехал на подъездную аллею. Умиротворенная улыбка тронула ее губы: Хью Сент-Джон не слишком хороший шпион!

Целенаправленно устремилась она по лестнице вверх. Сначала ей нужно было сменить амазонку на дневное платье и пообедать, а потом приступить к делу. Когда она подходила к двери своей комнаты, Бонни как раз уходила от нее.

— О, миледи! Я вас искала. Я должна поговорить с вами, — начала она и открыла для Каролин дверь.

— Что еще? — Нервы Каролин напряглись до предела. — Это так важно, Бонни?

— Миледи, я видела ее!

— Кого? — Впервые видела Каролин такой восторг на обычно кислом лице няни. Глаза старой женщины сияли. Каролин схватила ее за руку, сердце запрыгало в груди. — Синтию? Ты говоришь о Синтии?

— Да, о мисс Синди. Сегодня утром, когда я выводила Лорел на прогулку, вдруг на подъездной аллее за большой сосной появилась мисс Синтия! Никогда еще в своей жизни не была я так изумлена.

— Что она сказала? Где она?

— Она ждет вас, мисс Каро. Она хочет встретиться с вами у Кузнечного пруда.

— Когда?

— Сразу, как только вы сможете. Она сказала, что идет туда и будет вас там ждать. Я рассказала ей о том человеке из конюшни, которого приставил к вам его светлость. Она

просила, чтобы вы постарались выбраться без него.

— Да, хорошо. Думаю, что мне это удастся. Спасибо, Бонни.

Обрадовавшись, что она еще не переделалась, Каролин повернулась и проворно побежала по ступенькам вниз, надеясь, что по дороге не встретит Барлоу, который с минуты на минуту должен был объявить ленч. Им придется немного задержаться с едой до ее возвращения.

Без препятствий достигла Каролин стойла. Навстречу ей вышел Джек — помощник конюха. Вид у него был удивленный и сконфуженный.

— Джек, оседлай для меня Фелицию еще раз. Я только что вспомнила, что забыла кое-что сделать.

— Слушаюсь, миледи. — Комментировать причуды знатной дамы он не стал, хотя лицо его стало достаточно выразительным. — Но я должен сказать тому парню.

— Уилсону? Да, конечно. Но поторопись.

Джек вернулся, ведя под уздцы двух лошадей, как и рано утром. Уилсон с недовольным лицом высунулся из дверей комнаты для приема пищи. Каролин предположила, что оторвала его от еды. Она спокойно взобралась на лошадь и отвела ее в сторону. Как только Уилсон взялся за поводья и вставил ногу в стремя, она ударила кобылу в бока и хлыстом стеганула ее по крупу. Фелиция рванулась вперед и, миновав открытое пространство, устремила к развалинам крепости.

Помощник конюха удивленно вскрикнул, а Уилсон завопил ей вслед:

— Подождите!

Каролин низко склонилась к спине лошади и пришпорила ее. Тропа была хорошо утоптанной и довольно широкой. Фелиция могла скакать совершенно свободно. Каролин натянула поводья и придержала лошадь, переводя ее на рысь. Потом она повернула к яблоневому саду, навещать крепость Хемби у нее не было ни малейшего желания. Ей только нужно было запутать Уилсона, когда он взберется на лошадь и последует за ней.

Сделав широкий круг, она объехала Браунтон-Курт и устремила в западном направлении, в сторону Кузнечного пруда. Чтобы не утомлять лошадь, она пустила ее шагом. Теперь была уверенность, что удалось обхитрить Уилсона, но ей нужна была свежая лошадь, чтобы осуществить свой ночной побег.

Ее мысли вернулись к Синтии. Сначала она обрадовалась, что снова встретится с сестрой, но теперь ее волновало то, почему появилась Синтия. Решила ли она вернуться к исполнению своей роли леди Браунтон?

Не успела Каролин об этом подумать, как сердце ее стала разрывать неведомая доселе боль ревности. Нет! Не могла Синтия просто так, с легкостью, ворваться в их жизнь! Она разрушит все, что с таким трудом построила Каролин в течение последних нескольких месяцев. Лорел будет считать Синтию той женщиной, что любила ее; а когда Синтия отвергнет ее, сердце девочки разорвется. Это было так несправедливо!

Каролин решительно перекрыла дорогу потоку своих эмоций. Это было бессмысленно, потому что этой ночью она собиралась оставить Браунтон-Курт, и это будет она сама, кто разобьет

сердце бедной девочки. Кроме того, Синтия не сможет вновь занять свое место леди Браунтон по той же причине, почему убегала Каролин. Если Джейсон намеревался покончить с Синтией, ей следовало бы уходить вместе с сестрой.

А может быть, Синтии удастся пролить свет на всю эту историю. С помощью Синтии Каролин решит эту загадку и тогда... что ж, этот мост она перейдет позже. Сейчас было важно добиться ответа от Синтии.

Когда Каролин остановилась у Кузнечного пруда, Синтии нигде не было видно. Спешившись и привязав Фелисити к нижним веткам дерева, она подошла к пруду и остановилась, глядя на его воды. Здесь на солнце было приятно, даже вполне тепло. Каролин уже стала гадать, правильно ли Бонни поняла Синтию, когда за березами увидела какое-то движение. Мелькнуло что-то розовое: вышла женщина. На ней был темный плащ, капюшон которого был откинут на спину. В золотисто-рыжих волосах играло бледное зимнее солнце. Она шла, из-за расходящихся пол плаща то и дело выглядывало розовое платье. Каролин устремилась ей навстречу, сердце громко стучало. Горячие слезы обжигали глаза.

Как много времени прошло. Как странно спустя столько лет увидеть своего двойника, идущего тебе навстречу.

— Синтия?

Женщина ускорила шаги, на лице ее появилась улыбка.

— Каро!

Каролин приподняла юбки и побежала, огибая пруд, чтобы быстрее встретиться с ней. Ее руки широко распахнулись, и в следующий момент Синтия упала в объятия Каролин.

— О, Синтия.

Каролин очнулась первая:

— Постой, дай мне посмотреть на тебя.

Ярко-голубые глаза Синтии блестели, щеки горели огнем.

— Я видела, как ты скачешь. Ты так же грациозна, как и всегда. Как тебе только удалось оседлать эту ужасную лошадь, если предполагалось, что ты — это я?

— Меня поймали с поличным, — призналась Каролин и хихикнула. — О, Синди, как я рада тебя видеть! Расскажи мне все-все. Где ты была? Что случилось? Почему ты оставила Джейсона? Почему...

— Ну-ну, не спеши. — Синтия обняла Каролин за талию, и они пошли вдоль озера. — Я не могу ответить сразу на все вопросы. Я была такой несчастной, Каро. Джейсон ненавидит меня. Я никогда не была достаточно хороша для него. Он всегда приставал ко мне, чтобы я научилась ездить верхом, чтобы прекратила быть такой трусихой. Я так ненавижу это! — Глаза ее потемнели. — И я... я влюбилась.

— В Денниса Бингема?

Синтия кивнула.

— А как же Марк Симмонс?

Синтия бросила на нее удивленный взгляд:

— Марк?

— Да, я виделась с ним и знаю, что у тебя была с ним любовная связь. Почему, Синтия, почему?

Сестра медленно отвела взгляд, недовольно скривившиеся губы испортили милую линию ее рта. Каролин мрачно смотрела на надутое выражение лица сестры.

— Ты все равно не поймешь. Ты всегда во всем так уверена. Все любят тебя. Ты ни в чем не знала сомнений. Ты никогда не была лучшей второй.

— О чем ты говоришь? Я очень часто не уверена в себе, и вовсе не все меня любят. Вспомни, меня все время бранили.

— Но папа любил тебя больше, — продолжала упрямо стоять на своем Синтия. — После того как ты уехала, я думала, что у меня появился шанс. Я думала, что наконец он будет любить меня больше. Но снова была ты, всегда ты. Даже отсутствуя, ты значила для него больше, чем я, живя рядом.

— Ты поэтому стала женой Джейсона? Чтобы угодить отцу?

— Конечно. — Синтия вздрогнула. — Джейсон оттолкнул меня. Он был такой... такой сильный, в нем было столько энергии. Я думала, что справлюсь ? этим, но мне не удалось. После женитьбы Джейсон целовал меня и мучил. Я это ненавидела. Он отвратителен.

Каролин пристально посмотрела на нее:

— Как ты можешь это говорить? Джейсон так... — Она замолчала и вспыхнула.

Глаза Синтии сузились.

— Значит, это правда. Ты влюбилась в него. Мне следовало это предвидеть. Он говорил мне, но я не верила.

— Он? — изумленно повторила Каролин. — Кто? Кто говорил тебе, что я люблю Джейсона?

— Хью.

— Хью? Ты хочешь сказать, что он знал, где ты была?

— Конечно, я знал, — прозвучал за ее спиной голос Хью.

Каролин резко обернулась, и кровь застыла в ее жилах. На опушке леса, всего в нескольких футах от нее, стоял Хью Сент-Джон. В одной руке он держал пистолет, направленный в ее сторону.

Глава 17

Открыв рот, Каролин уставилась на него.

— Ты? — Голос ее невообразимо повысился. — Так это ты хотел убить меня?

Хью улыбнулся:

— Конечно. Ты ведь не думала, что это собирался сделать наш безупречный Джейсон?

Каролин испытала прилив бешеной радости. Джейсон не покушался на ее жизнь! Он был таким, каким она его себе представляла.

— Нет, — проговорил Хью, — выйдет все так, словно убийца он. — Он деланно вздохнул. — Бедняга Джейсон. У него всегда все было: деньги, титул, даже женщина, которую я хотел. Но похоже, теперь он потеряет все.

Каролин с тоской подумала о своем охраннике, которого оставила у конюшни. Джейсон приложил все усилия, чтобы защитить ее, а она так глупо обошлась с его защитой. Никто, кроме Бонни, не знал, где она была. Но служанка никогда об этом не скажет ни Джейсону, ни Уилсону. Своим импульсивным и таким поспешным поступком Каролин отрезала себе путь к спасению. Снова импульс! Когда-нибудь она научится самообладанию? На этот раз, похоже, вряд ли ей когда-либо представится другой шанс. Все же нужно было немного потянуть время. В конце концов, их было двое, она и Синтия, против Хью. Каролин обернулась к сестре и увидела, что та немного отступила. Скрестив руки, она смотрела через озеро, не обращая внимания на сцену, разворачивающуюся за ее спиной. До сознания Каролин дошла вся правда, которая, подобно яду, просочилась в ее кровь. Синтия обманным путем заманила сюда Каролин, чтобы Хью мог убить ее. Синтия хочет ее смерти! Почему?

— Почему? Синтия, почему?..

На ноте боли и тоски голос ее оборвался. В единый миг у нее выбили из-под ног почву, словно частица ее самой обернулась против нее же.

Синтия стояла отвернувшись и молчала. Каролин снова повернулась к Хью:

— Почему? Почему вы хотите убить меня?

— О нет, не тебя. Синтию. Здесь на земле найдут не Каролин Мейбри. Здесь найдут леди Браутон. Одежда леди Браутон, лошадь леди Браутон, ее прическа — любой из слуг сможет опознать тебя. «Она выглядит точно так, как когда выходила из дома», — скажут они. И Синтия станет свободной.

— Синтия станет свободной? Джейсон не будет преследовать ее?

Хью мерзко усмехнулся:

— Дорогой Джейсон будет слишком занят, чтобы преследовать кого бы то ни было. Он будет на скамье подсудимых бороться за свою жизнь. — Ленивым движением он взвел курок. — Ты будешь застрелена из дуэльного пистолета Джейсона. Вот как! Второй из этой пары лежит на его письменном столе, рядом с любовным письмом, адресованным тебе Марком Симмонсом, где тот просит свидания с тобой на Кузнечном пруду.

— Ты оставил его там, когда утром заходил навестить меня?

— Умная девочка.

— А та записка от Джейсона, где он просил меня встретиться с ним у старой крепости, — это тоже твоих рук дело?

— Конечно. Я умел копировать почерк Джейсона с тех пор, когда мы были детьми. Несколько раз мне это помогло. Они и эту записку обнаружат, спрятанную в его письменном столе. Еще одно доказательство, правда?

Губы Каролин искривились.

— Ты просто отвратителен!

— Возможно, это и так, — радостно согласился он и навел пистолет на цель.

— Подожди! — метнулась к нему Синтия. — Нет, Хью, ты обещал. Ты обещал подождать, пока я не уйду.

— Тебя тошнит, моя дорогая?

Его улыбка была леденящей. Каролин подумала, как могла она решить, что он похож на Джейсона. Внезапно в туманах ее памяти возникла картинка: лицо мужчины — лицо Хью. Поклонник, остановивший ее однажды у порога театра в Антигуа и протянувший букет цветов. Этот случай был таким обыденным, что она даже не заметила его. А последовавшие за ним события и вовсе затмили его, так что лицо человека она совершенно забыла. Но теперь она вспомнила. Не удивительно, что при первой их встрече он показался ей отдаленно знакомым. Каролин уже встречала его раньше. Уже тогда, оставив пуговицу Джейсона на полу ее комнаты, он пытался навести подозрения на Джейсона.

— Ты же знаешь, что я не могу выносить такие вещи, — прохныкала Синтия. — Хью, позволь мне уйти.

— Нет, думаю, что не позволю. А что, если в будущем ты станешь еще более брезгливой? Может быть, даже решишь рассказать суду правду, что я, а не Джейсон убил твою сестру? Нет, я хочу, чтобы ты запачкалась так же, как и я. Если я буду тонуть, то пойдешь на дно вместе со мной. Ты останешься здесь.

— Нет, не останусь. Я ухожу!

Свободная рука Хью взметнулась и поймала ее за запястье.

— О нет, ты не уйдешь!

Каролин поняла, что это был ее шанс. Они препирались и забыли о ней. Очень осторожно сделала она шаг назад. Хью даже не взглянул в ее направлении.

— Нужно ли мне тебе напомнить, что для моего плана ты мне тоже не нужна? Если обе сестрички мертвы, я как опекун Лорел получаю все денежки.

Шаг за шагом приближалась Каролин к Фелиции, привязанной у деревьев на опушке леса. Черт побери! Его голова дернулась в сторону Каролин. Она повернулась и бросилась бежать к черной кобыле. Фелиция фыркала и танцевала.

Хью нацелил пистолет. Синтия прыгнула вперед, схватила его за руку и выбила оружие. Они начали бороться. Синтия едва ли могла тягаться с Сент-Джоном силою. Как только Каролин

достигла лошади, она услышала выстрел. Она обернулась и увидела, что Хью и Синтия с удивлением смотрят друг на друга. Внутри у Каролин все застыло.

— Синтия! — Впервые за все это время она вскрикнула, издав громкий пронзительный звук, выражавший гнев и боль утраты.

Ни о чем не думая, Каролин побежала. Но не спастись бросилась она, а прямо на Хью. Плача от ярости, она набросилась на него с кулаками, пиная и кусая его, как обезумевшее создание.

— Ты убил ее! Ты убил ее!

Испуганный таким напором, Хью, спотыкаясь, попятился назад, пытаясь защититься от нее руками. Но всего одно мгновение понадобилось ему, чтобы прийти в себя. Против его превосходящей силы Каролин была ничто. Сильным броском швырнул он ее на землю. Она быстро подскочила, руки искали палку, камень, хоть что-нибудь, что могло служить оружием. Но Хью настиг ее раньше, пальцы глубоко вонзились в нежную плоть. Ногами и руками Каролин принялась дико отбиваться. Но его руки были слишком длинные, и она не могла достать его. Как безумная, вонзила она ногти в его пальцы, но он не отпускал ее. Он швырнул ее еще раз, лицо его исказилось. Соппротивление Каролин стало ослабевать, в глазах заплясали черные точки. В ушах у нее раздался тихий рокочущий звук, словно это копыта отбивали такт.

Голова Хью вскинулась, а пальцы непроизвольно разжались. Грязь и земля взметнулись в воздух. Перед ними как вкопанный остановился белый жеребец. Каролин так близко видела невероятно длинные ноги лошади, огромные копыта. С лошади спрыгнул человек и, навалившись на Хью, подмял его под себя. Джейсон!

Каролин, освобожденная, слабо отползла в сторону, вдыхая такой желанный воздух. Пошатываясь, она поднялась на ноги. Горло горело огнем, каждый вдох отзывался в нем болью. Джейсон сидел верхом на своем кузене и обрушивал на него кулаки.

— Джейсон! — Каролин, качаясь, устремилась к нему и потянула за куртку. — Джейсон, он без сознания. Остановись. Ты убьешь его.

Ее слова вывели его из состояния злобного транса. Руки его безвольно упали, и он медленно отпустил свою бесчувственную жертву. Поднялся, немного шатаясь, и резко притянул к себе Каролин.

— О, любовь моя, любовь моя. Я едва не лишился тебя. Если бы только он тебя убил... — Он не смог продолжать и зарыл лицо в ее спутанных волосах.

— Джейсон.

Она тоже была не в силах ничего говорить, только повторяла его имя, но и этого оказалось для него вполне достаточно. Некоторое время они стояли так, прижавшись друг к другу и не отпуская, пока Каролин не вспомнила о своей сестре.

— Синтия! Он выстрелил в нее, Джейсон.

Она там. Каролин бросилась к распростертому телу Синтии, но Джейсон рукой задержал ее.

— Позволь мне.

Он подошел к лежащему телу, опустился возле него на колени и осторожно перевернул.

Каролин увидела на груди ярко-красное расплывшееся пятно. Джейсон прижал пальцы к горлу Синтии, потом взглянул на Каролин и покачал головой:

— Мне очень жаль, любовь моя, но она умерла.

Впервые в жизни Каролин упала без чувств.

* * *

На своем лбу она ощутила прохладную ткань и услышала голоса. Ее куда-то несли. Каролин слабо улыбнулась. Отец нес ее в постель.

— Папа? Синди?

Глаза ее широко распахнулись, и прямо над собой она увидела строгое лицо мужчины.

— Джейсон.

Мужчина в ответ улыбнулся, сердитое выражение растаяло.

— Тише, не нужно говорить. Сейчас я отвезу тебя домой. Он усадил ее на свою лошадь и вскочил в седло сам, позади Каролин. Обхватив ее руками, он взял поводья. Возле них на земле стоял какой-то мужчина, и Каролин с любопытством смотрела на него сверху вниз.

— Вы слышите меня, милорд, — говорил тот. — Я останусь с ними, пока не придут доктор и констебль.

Пока я здесь, он никуда не денется.

— Благодарю, Уилсон, — ответил Джейсон.

Каролин откинулась на грудь Джейсона, успокоенная теплом его тела и биением сердца. Она закрыла глаза, но зрелище распростертого тела Синтии не оставляло ее. Из-под ресниц покатались слезы — она начала плакать.

— Она спасла мне жизнь, — вырвалось у нее. — Она все же не позволила ему сделать это. Она схватилась за пистолет, и он выстрелил в нее.

Руки Джейсона еще сильнее прижали ее, и она почувствовала, как его подбородок уперся ей в голову. Каролин рыдала до тех пор, пока не выплакала все свои слезы. Она оплакивала смерть своей сестры и те годы близости и верности, которые в конечном счете оказались ложью и притворством.

Приехав домой, Джейсон бережно отнес ее в комнату, хотя она и протестовала, настаивая, что может идти сама. Присцилла уложила ее в постель прямо так, в грязной одежде и обуви, и бросилась готовить горячий чай. Тепло постели окутало ее коконом и успокоило. Джейсон вышел из комнаты, а ей болезненно хотелось, чтобы он был рядом. После пережитого шока в уютной постели она не могла не уснуть.

— Миледи, — робко прикоснулась к ее плечу Присцилла. — Миледи!

— Да? Что?

Она уже ничего не понимала, голова кружилась. Тут она вспомнила, что произошло, и сердце

ее упало. Все кончено. Синтия мертва, и Джейсон должен знать, кто она. Если же еще нет, то скоро узнает. Она потеряла сестру, а теперь ей предстоит потерять Джейсона и Лорел.

При виде такой скорби, отразившейся на лице Каролин, губы Присциллы задрожали.

— Простите, что разбудила вас, мадам. Я бы не стала, но тот констебль настаивает. Он хочет поговорить с вами немедленно. Даже его светлость не мог убедить его подождать до завтра.

— Хорошо, Присцилла.

Каролин села и соскользнула с кровати.

— Я могу поговорить с ним. — Она взглянула на себя в зеркало, что висело над комодом. — Боже милостивый, что за вид у меня!

Она была забрызгана грязью, одежда испачкана, волосы всклокочены, отчего ее лицо выглядело почти отвратительно.

— Что ж, не думаю, что у него есть время ждать, пока я приму ванну и переоденусь.

— Он сказал, что хочет видеть вас такой, какая вы есть, миледи.

Каролин неуверенно спустилась по лестнице. Ее ужасала мысль, что придется рассказывать всю историю в присутствии констебля, потому что вовсе не так хотелось ей открыть Джейсону правду. Каролин била дрожь. Ей придется рассказать все сейчас.

Она открыла дверь в кабинет и увидела там троих мужчин. Как только Каролин появилась, все трое вскочили на ноги. Джейсон взял ее за руку и ввел в комнату, двое других продолжали изумленно смотреть, несколько оторопевшие от ее неприбранного вида. Один из мужчин принялся заикаясь приносить свои извинения. Джейсон улыбнулся:

— Я говорил тебе, Нед. Тебе предстоит увидеть женщину в гневе, которую заставили появиться в таком виде.

— Мисс Мейбри, — осторожно начал тот, к которому обращался Джейсон. — Я ужасно сожалею, что пришлось вас побеспокоить. Я... гм.

— Все в порядке, констебль. Давайте продолжим.

— Да, конечно, мадам.

Он назвал ее мисс Мейбри. Не значит ли это, что Джейсон знает, кто она? Она украдкой бросила на него взгляд, но в его глазах нельзя было прочесть ничего. Джейсон погладил ее руку и усадил в кресло.

— Моя дорогая, это констебль Нед Уотерс. А это его помощник — Алфред Джонс.

Каролин величественно кивнула мужчинам. Констебль уселся за письменный стол Джейсона и положил на его крышку локти.

— Мистер Джонс будет записывать все сказанное вами. Надеюсь, это не слишком обременит вас?

— Вовсе нет. Начнем с самого начала?

— Да, прошу вас.

— Что ж... Я Каролин Уортинг Мейбри, сестра-близнец леди Браутон.

— Да я вижу, вы очень похожи.

— Мы полные близнецы. Поэтому я смогла сойти за леди Браутон.

Знакомя их со своей биографией, Каролин старательно пыталась не смотреть на Джейсона. Она начала с того поклонника, что остановил ее однажды у театральных дверей и протянул букет цветов, и закончила гибелью Синтии. Она умолчала только о том, что произошло между ней и Джейсоном, так как это касалось только их двоих. Она была уверена, что констебль умирал от любопытства узнать и об этом, но она не собиралась удовлетворять его, если только он сам прямо об этом не спросит ее. Пока она говорила, юный мистер Джонс прилежно делал записи на своей дощечке. Время от времени Нед Уотерс задумчиво кивал головой. Когда она закончила, он задал ей несколько вопросов, чтобы уточнить некоторые вещи. За все это время Джейсон не проронил ни слова.

Когда все вопросы были исчерпаны, констебль кивнул своему помощнику и сказал:

— Думаю, достаточно, мадам. Ваш зять и все слуги уже дали свои показания, включая и признание господина Хью. — Тут он печально покачал головой и добавил:

— Ужасное дело. Такого от Хью Сент-Джона я и ожидать не мог и никогда бы не поверил, не услышь все собственными ушами.

— Но расскажите, пожалуйста, что же произошло. То есть я хотела бы знать из-за чего, собственно? Ума не приложу, зачем они хотели убить меня?

— Из-за денег, — мрачно сообщил ей Джейсон. — Деньги и зависть длиною в человеческую жизнь.

Печаль избородила его лицо морщинами, и у Каролин от боли сжалось сердце.

— Я расскажу тебе об этом. Я слышал признание Хью. Констебль и его помощник оставили их. Джейсон поднялся и прошел к горке у дальней стены.

— Мне бы не помешало выпить. А тебе чего-нибудь налить?

Каролин покачала головой.

— Нет? Не важно, я все равно и тебе налью. Это необходимо. Сегодня ты пережила настоящий шок.

— Так это все время был Хью? Как он это делал?

— Когда Синтия сбежала с Деннисом Бингемом, который во всем этом деле оказался жертвой, Хью уже отбыл в Вест-Индию, где и нашел тебя. Синтия намеренно оставила такие следы, которые лишь слепец мог не увидеть, и заказала рейс на имя Бингема. Но они, конечно, никуда не ездили. Если бы я не пребывал в такой ярости и не привык к вечной беспомощности Синтии в делах житейских, то непременно заподозрил бы неладное. Уж больно легко оказалось идти по их следу. Когда я прибыл на остров, Хью, должно быть, уже напал на тебя. Тогда ему ничего не оставалось делать, как возвращаться домой и готовить новое покушение.

— Но как он ухитрился подкладывать мне в пищу мышьяк?

Джейсон нахмурился.

— Это делала для него Бонни.

— Бонни?! — задохнулась Каролин. — Нет!

— Очевидно, за долгие годы ее любовь к Синтии превратилась в манию. Я виню себя в том, что не слишком много придавал ей значения. Мне не следовало допускать к воспитанию Лорел столь неуравновешенную женщину. Но Синтия так настаивала, да к тому же девочка в то время пребывала в таком расстройстве. Я думал, что, если здесь будет ее старая няня из родного дома, она скорее примет Лорел. Сэр Невилл уволил Бонни, и та по-рабски была благодарна Синтии за то, что она взяла ее к себе. Она верила всему, что говорила ей Синтия. Как бы там ни было, Синтия и Хью сумели убедить ее в том, что она правильно поступит, если отравит тебя. Это, видите ли, помогло бы ее разлюбезной «мисс Синди». А раз так, то совесть ее была чиста.

— Мне так трудно в это поверить! Я думала, ты пытался меня отравить. Я отказывалась верить этому, но все было против тебя. А когда сегодня утром я увидела лошадь у дома викария, то чуть не умерла.

— У дома викария? — выдохнул Джейсон. — За что ни возмись, я везде вел себя не правильно. Все было на руку Хью. Понимаешь, я знал, что кто-то пытается тебя убить, но не установил еще, кто именно. Ты подозревала меня. Умом я понимал это, но сердцу было больно. Мне нужно было выяснить, что происходит. Таким образом, я составил план, по которому убийца рано или поздно выдал бы себя. Я сделал вид, что уехал в Лондон, чтобы убийца думал, что ты одна дома и абсолютно беззащитна, — хотя, надо сказать, я нанял Уилсона для твоей охраны. Оставаясь в тени, я выжидал, чтобы поймать его с поличным. Я провел ночь в комнате наверху, чтобы в случае необходимости прийти тебе на помощь.

— Так это был ты! — рассмеялась Каролин, но смех ее прозвучал несколько истерично. — Ты даже не можешь себе представить, что я передумала: и ополоумевших родственников, и все на свете!

— Ты слышала меня?

Она кивнула.

— Кто-то пытался открыть мою дверь, и это разбудило меня. Чуть позже я услышала шум у себя над головой. Тогда я заподозрила, что на третьем этаже кто-то есть.

— Я проверял, заперла ли ты свою дверь. Я все испортил. Как настоящий идиот, я первым делом отправился к Хью и посвятил его в свой план. Конечно, он ухватился за него. Для его целей он был просто идеален. Я солгал насчет поездки в Лондон. Хью и Нельсон могут подтвердить это. Сент-Джон заехал к тебе, проник в кабинет и стащил один из дуэльных пистолетов, — оставив при этом на письменном столе любовную записку от Марка Симмонса. Все эти годы я считал кузена лучшим другом. Мы и с Марком прекрасно ладили, и я не мог подумать, что он вступит из зависти в любовную связь с моей женой и будет строить планы, как расправиться со мной. А Хью... Он признался, что нарочно потерял меня в лабиринте еще в детстве...

— Но не проще ли ему было просто убить тебя без всяких ухищрений?

— Хью не так прост, чтобы сразу убивать. Он прежде всего хотел унижить меня. Кроме того, они хотели избавиться и от тебя. Титул и Браунтон-Курт перешли бы по праву наследования к Хью, но все остальное досталось бы Лорел и жене. Я не хотел, чтобы в случае моей смерти Синтия полностью распоряжалась моими деньгами. Таким образом, я создал для Лорел некий имущественный фонд — фонд вверенного попечения на тот случай, если опекуном станет Синтия. Распоряжаться фондом предстояло трем людям: служащему банка, моему доверенному лицу и Хью. В случае смерти Синтии опекуном Лорел должен был стать Хью, причем без всякой доверительной собственности. Как видишь, я никогда не боялся, что он потратит деньги Лорел. Но они хотели получить и твои деньги!

— Мои деньги? — удивилась Каролин. — Но у меня нет никаких денег.

— Как раз-таки есть, и немало! Сэр Невилл несколько месяцев назад порвал с Синтией, каким-то образом узнав о ее супружеских изменах. Он вычеркнул ее имя из своего завещания и все оставил тебе. Об этом он сообщил Синтии. Именно тогда у Хью родился этот план, уже тогда были использованы связи с Симмонсом и Бингемом, а также многими другими, как дымовая завеса, чтобы прикрыть собственную связь. А с Бингемом Синтия бежала в Германию, где немедленно бросила его. Там, взяв твоё имя, она и жила, пока ты здесь притворялась ею. После смерти сэра Невилла она приехала в Англию, чтобы забрать свои деньги. Они отчаянно пытались убить тебя сразу после смерти отца. Они боялись, что ты разгадаешь их план, как только узнаешь, что наследство перешло к тебе, а не к Синтии. Но, как многие корыстолюбивые люди, они переоценили твой интерес к деньгам. Они и представить себе не могли, что деньги волнуют тебя мало, так мало, что ты даже не полюбопытствовала насчет завещания отца.

Каролин вскинула голову, сердце ее учащенно забилось.

— Но ты же знал об условиях завещания, скажи, ты тогда же и прознал, что у Синтии есть близнец?

— Да! До того самого момента я ужасно мучился. Я не мог поверить, что я такой дурак, что вновь влюбился в Синтию, зная, какая она расчетливая и лживая шлюха. Все же я просто сгорал от любви. Мне приходилось уезжать из дома, чтобы не видеть тебя и не прикасаться к тебе. Ты не такая, как Синтия, я видел разницу, но так как я не знал, что у моей жены есть сестра-близнец, то мне и в голову не приходило, что ты — другой человек. Я не мог поверить, что Синтия так изменилась, стал думать, что она что-то замышляет. Когда же зачитывали завещание сэра Невилла, поверенный объявил, что все состояние переходит Каролин Мейбри, сестре Синтии Сомервилл. Я терялся в догадках, но там была Элизабет, которая с радостью сообщила мне о необузданной молодой девчонке, бросившей ради любви и семью, и богатство. Тогда я понял, что ты и была эта девчонка!

— О Джейсон! — проглотила горячие слезы Каролин. — Мне так стыдно, что я обманула тебя. Сначала мне казалось, что у меня есть оправдания. Позже я испытывала ужасные угрызения совести и чувствовала себя виноватой, но я просто не могла тебе рассказать все сразу!

— Но почему?

Джейсон подошел к ней и опустился на одно колено. С искренним выражением лица взял он ее руки в свои.

— Почему ты не сказала мне? Я ждал, надеясь, что ты откроешь мне правду.

— Я так боялась, что ты возненавидишь меня. Когда ты увидел меня в захудалой театральной

труппе, ты проникся отвращением ко мне. Ты презирал Синтию за ее безнравственность, и я полагала, что ты будешь презирать меня за то, что я легла с тобой в постель, не будучи твоей женой. Я была уверена, что ты выбросишь меня из дому, как только узнаешь, кто я. Но я не смогла вынести расставания!

— Почему?

— Ты должен знать почему: потому что я люблю тебя!

— А тебе не приходило в голову, что и я тебя люблю? Меня совсем не волновало твое прошлое актрисы. С тобой в постели я обрел утраченный было рай. Так неужели мне презирать тебя за это? Я люблю тебя, Каролин.

— Нет, ты любил Синтию!

— Свою любовь к Синтии я утратил много лет назад, если она вообще существовала. Я полюбил женщину, которая вернулась со мной из Вест-Индии. Ты помнишь, когда я в первый раз сказал тебе о своей любви.

— Конечно, помню, — быстро проговорила Каролин. — В день папиных похорон, как только зачитали завещание.

— Точно. В ту минуту я понял, что передо мной не Синтия, а Каролин. И теперь я принял решение: мы поженимся. На суде Хью все станет известно. Мы не станем больше притворяться: ты не Синтия! А потом мне хочется называть тебя твоим настоящим именем.

— Но Джейсон, подумай о скандале!

— Да, сплетникам будет раздолье. Но наши настоящие друзья, такие как Джек и Флора, не отвернутся от нас. Что же касается меня, то я хочу жениться на тебе неприлично быстро. У меня нет намерений жить с тобой врозь еще целый год, чтобы соблюсти условности.

— В самом деле? — ослепительно улыбнулась Каролин. — Ты и вправду так думаешь?

— Да, ты для меня — все!

— Видно, действительно любишь, — рассмеялась она, — раз говоришь об этом сейчас, когда я вся вымазана грязью, а волосы торчат в разные стороны.

— Ты никогда не была для меня более желанной!

— Джейсон! — Каролин вся растаяла в его руках.

— Любовь моя, — сказал Джейсон и поцеловал Каролин.